ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

ВЫПУСК IX.

ПАРИЖ
1927

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ П. Н. САВИЦКОГО

ВЫПУСК IX.

ПАРИЖ
1927

НАМ ДОСТАВЛЕН НИЖЕСЛЕДУЮЩИЙ ДОКУМЕНТ:

ЕВРАЗИЙСТВО.

(Формулировка 1927 г.)

Раздел I. (РОССИЯ ОСОБЫЙ МИР).

1. Россия представляет собою особый мир. Судьбы этого мира в основном и важнейшем протекают о т д е л ь н о от судьбы стран к западу от нее (Европа), а также к югу и востоку от нее (Азия).

2. Особый мир этот должно называть Евразией. Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые трудно достижимы для них в отношении народов Европы и Азии.

В смысле территориальном нынешний СССР охватывает основное ядро этого мира.

3. Признак своеобразия представляет собою черту, характеризующую историю российско-евразийского мира в ее динамическом развертывании. Формы же своеобразия различны в различные эпохи. Своеобразие это выражалось в укладе всеевразийской державы Чингисхана и его преемников в XIII-XIV вв., в строе московского государства XV - XVII вв. и даже в порядках императорской России XVIII-XX вв. Несмотря на все стремления ее правителей подражать Западу, также императорская Россия представляла собою образование, не имевшее подобий ни в Европе, ни в Азии.

4. Однако, отличительное для императорской России стремление ее правителей рабски копировать Запад означало, что ими утрачено понимание реальных свойств и особенностей российско-евразийского мира. Такое несоответствие должно было повлечь катастрофу императорской России. Катастрофа эта последовала в революции 1917 г.

5. Евразийцы относятся отрицательно к подражательной и западо-поклоннической линии императорского правительства и социальных верхов императорской России.

7. Это отрицательное отношение усугубляется тем, что современную европейскую культуру во всех ее частях, кроме эмпирической науки и техники, евразийцы признают культурой упадочной.

8. На ряду с отрицательными сторонами революции (см. ниже), евразийцы видят положительную сторону в открываемых ею возможностях освобождения России-Евразии из-под гнета европейской культуры. Одной из задач революции евразийцы считают восстановление своеобразия евразийского мира и установление соответствия между сознанием правящей и интеллектуальной верхушки России-Евразии и условиями окружающей обстановки. Положение это имеет существеннейшее значение в определении направления, в котором следует развивать и преобразовывать нынешний строй СССР.

Раздел II. (ЕВРАЗИЙСТВО ПРОТИВ КОММУНИЗМА)

1. Политический результат революции выразился в том, что полнота власти в России оказалась в руках коммунистической партии. Компартия есть организованная, сплоченная и строго дисциплинированная группа. Приход к власти организованной подобным образом группы, в принципе, соответствует положению и условиям России-Евразии. Страна эта, помещенная между нередко враждебными ей странами Европы и Азии, с сухопутной границей огромного протяжения, которую нелегко защищать, принужденная бороться с большими трудностями экономического развития (суровая зима, огромные расстояния), может жить и развиваться только при наличии сильной и жесткой власти, принудительно организующей страну в целях социальных, хозяйственных и военных. Размякшая и выродившаяся власть последнего периода императорской России не была способна выполнить эти задачи. В условиях современности наиболее отвечает необходимостям русской обстановки установление власти организованной, сплоченной и строго дисциплинированной группы.

2. Однако, власть такой группы имеет оправдание и смысл только в том случае, если группа эта своей правительственной и организационной деятельностью удовлетворяет потребности широчайших народных масс и в устремлениях своих сливается со стремлениями и выражает стремления этих масс. Государственный порядок, при котором власть принадлежит организованной, сплоченной и строго дисциплинированной группе, осуществляющей эту власть во имя удовлетворения потребностей широчайших народных масс и проведения в жизнь их стремлений, можно назвать демотическим строем. Евразийцы являются сторонниками демотического строя. Однако, власть коммунистической партии они отнюдь не считают демотической властью. Атеизм и антихозяйственность компартии решительным образом противоречат духовным основам народов России-Евразии.

3. Народные массы России-Евразии не мыслят жизни вне идеи Бога. Именно к этой идее обращены побуждения добра и нравственности. Установление благообразия жизни неразрывно связывается здесь с проникновением религии в быт, с одухотворением и упорядочением быта обрядом, с «бытовым исповедничеством». Власть, не признающая религии, как основы культуры и быта, не может быть и не будет демотической властью России-Евразии. Сила этого обстоятельства усугубляется тем, что в культурной деятельности интеллектуальных верхов, в частности, в современной науке — в противоположность тому, что утверждают коммунисты — именно в самых передовых течениях (напр. биологии, физике и астрономии) выяснилась и подтвердилась ограниченность сферы, доступной научному исследованию, и невозможность познать т. наз. «научными методами» последние источники бытия. В этих условиях становится ясным, что только идея Творца делает возможным цельное понимание мира.

В этом отношении, последние выводы наиболее высоко стоящих деятелей интеллектуальной верхушки сходятся с первоначальным сознанием народных масс. Подобным схождением усиливается значимость этих выводов и этого сознания.

4. Народным массам России-Евразии свойствена положительная оценка лично-хозяйственного начала. Также по существу, в строе аналитического экономического мышления, необходимо утвердить порядок хозяйствования за свой счет, как порядок «естественный», в определенных условиях (см. ниже) наилучше обеспечивающий об'ективные хозяйственные достижения и интересы занятых в хозяйстве людей. Хозяйствование же за чужой счет или за счет казенный (общий) является «искусственной системой», менее обеспечивающей эти достижения и интересы.

5. Евразийцы отстаивают лично-хозяйственное начало. Однако, начало это, в их понимании, отнюдь не идентично капиталистическим порядкам.

Евразийцы считают необходимым устранение капиталистического строя. Отрицание капитализма исходит у них не из диалектического материализма, утверждающего необходимость смены материалистического капитализма материалистическим же социализмом-ком-

мунизмом, но из явственного подразделения духовного и материального начала жизни. Это подразделение согласовано с новейшими выводами научной мысли, утаиваемыми компартией от мыслящих кругов русского общества. Подразделение это сопрягается в мировоззрении евразийцев с утверждением нравственной необходимости преобладания духовного начала над материальным. Капиталистическая система отрицает в существе духовные основы жизни и потому рассматривается евразийцами (в соответствии с основами их мировоззрения), как знак угашения духа, угашения, происшедшего на почве упадочной культуры современной Европы. Политика государства в экономической области должна базироваться, по мнению евразийцев, не на предоставлении возможности наибольшего обогащения, но на начале служения каждого своим согражданам и народно-государственному целому. Лично-хозяйственный строй они рассматривают, как т е х н и ч е с к и наиболее обеспечивающий возможности такого служения и способствующий увеличению общественного продукта. В этом строе государственная власть своей политикой должна неуклонно обеспечивать каждому трудящемуся достаточное участие в потреблении общественного продукта и достойные человека условия существования.

6. В современной политике правящей компартии евразийцы замечают признаки к а п и т а л и с т и ч е с к о г о п е р е р о ж д е н и я, что представляется вполне понятным, т. к. капитализм и коммунизм, являясь одинаково системами материалистического мировоззрения, помещены, по существу, в одной плоскости. Это перерождение выражается:

1. В факте всеми рабочими сознаваемой и все растущей, но тщательно маскируемой компартией, эксплоатации государством труда рабочих, исходящей из того, что государство выступает в отношении рабочих, как работодатель-монополист, и в лице «хозяйственников» вполне использует это положение;

2. В том, что компартия оказалась бессильной осуществить и выпустила из рук дело широкой социальной помощи и оставляет низшие слои одинаково городской и сельской бедноты в самом беспомощном и бедственном состоянии.

Современный коммунизм неуклонно перерождается в к а п и т а л о - к о м м у н и з м.

7. В отношении равно капитализма и коммунизма евразийство представляет третье решение, выводящее на путь широкой социальности.

8. Подчиняясь силе жизни, компартия осуществила в пределах России своеобразный строй, не похожий ни на что, имеющееся в других частях мира. Однако, по самосознанию, компартия является западнической. Она не только исповедует начала западного социализма (Карл Маркс), но и полагает, в лице виднейших деятелей, своей задачей насаждать в России элементы западной культуры. В этом смысле компартия повторяет политику правительства и социальных верхов императорской России, неминуемо вызывающую откол правящей верхушки от народных масс. Устранение этого откола является, в представлении евразийцев, одной из задач дальнейшего развития СССР.

9. Принимая советский строй в качестве базы дальнейшего развития, евразийцы стремятся внести в этот строй:

1. начала религиозности,
2. начала хозяйственности в лично-хозяйственном (не капиталистическом) смысле,
3. начала социальности, утраченные в процессе перерождения коммунизма в капитало-коммунизм,
4. сознание евразийского своеобразия в форме понимания России-Евразии, как особого мира, и отвержения господствовавшего доселе западопоклонничества.

Раздел III. (ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ).

1. Осуществление этих целей должны взять на себя евразийцы, образовав Евразийскую Партию для замены партии коммунистической, в ее организационно-правительственном значении.

2. В области обще-политической евразийцы основывают свой план на анализе основных закономерностей революции. В первой фазе каждая осуществившаяся революция сводится к уничтожению прежнего строя и созданию нового. Во второй фазе революционный процесс выражается в эволюции создавшегося строя. Формы этой эволюции могут и должны быть различны: от выборной борьбы до вооруженного переворота (включительно). Общим признаком является сохранение основ создавшегося в процессе революции строя, при внесении в него определенных изменений. Закономерности каждой из названных фаз революции в корне различны. Если в первой фазе основное значение имеет вооруженное восстание народа, уличные бои, гражданская война, то во второй фазе решающее место принадлежит образованию и действию преследующих определенные цели групп, комплектующихся из лиц, выделившихся в процессе революции в качестве руководителей политического и технического аппарата. Процесс осуществившейся революции связан со сменой правящего слоя. В первой фазе революции происходит эта смена, во второй — протекают перегруппировки в пределах уже создавшегося слоя. Евразийцы поставляют своей задачей организованное проведение такой перегруппировки во имя намеченных выше об'ективных целей.

Закономерности революции непреложны. Во второй ее фазе попытки применить методы первой фазы (народное восстание, гражданская война) были бы так же бесплодны, как и попытка противопоставиться самому факту революции — в форме контр-революционного движения. Евразийцы сознательно определяют себя как группировку второй фазы революции, ставящую себе задачей преобразовать существующий строй путем устранения коммунистической партии.

3. Осуществление поставленных об'ективных целей евразийцы мыслят в форме «внутреннего движения». Вмешательство со стороны (интервенция) является, по мнению евразийцев, одновременно нецелесообразным и неприемлемым. Создание новой России-Евразии есть дело самих евразийцев.

4. Евразийцы обращаются к выдвиженцам, к личному составу РККА, к деятелям советского и профессионального аппарата, выдвинувшимся из широких рабоче-крестьянских масс, с призывом завершить начатое и частично осуществленное их руками дело построения новой России и ее демотической власти, опирающейся на широкие массы трудящихся. Это завершение требует, при сохранении основ существующего строя, устранения черт антирелигиозности, антихозяйственности, антисоциальности и элементов интернационалистического и в то же время западопоклоннического сознания, как черт и элементов, чуждых широким массам России-Евразии. Никто иной, как выдвиженцы — представители широких трудящихся масс России-Евразии, внуки крепостных, дети эксплоатируемого народа могут и будут устроителями и водителями России; необходимо, чтобы дело устроительства и водительства они поставили в соответствие с упомянутыми выше основами народного духа. Путь к тому — во вступлении и работе в рядах евразийцев.

5. Демотическую власть, опирающуюся на широкие массы трудящихся, евразийцы полагают единственной возможной властью и советский строй единственно возможным строем России-Евразии. Однако, для того, чтобы советский строй стал строем демотическим, необходимо, чтобы коммунистическое начало, играющее в настоящее время определяющую роль в советской системе, было замещено началом евразийским, в указанных выше его основаниях. Осуществление такого замещения и является основной политической задачей евразийства. В этом смысле советский строй понимается евразийцами не как самоцель и не как самоценность, но применительно к тем основным религиозно-культурным и социальным задачам, которые они себе поставляют.

6. Евразийцы рассматривают советский строй, как орган определения народной воли и выделения в рамки государственного аппарата годных элементов из всех слоев населения.

7. В отношении государственно-правовых форм необходимо укрепление и развитие советского строя в нижеследующих основаниях:

а) власть законодательная и исполнительная принадлежит Всесоюзному С'езду Советов; в периоды между с'ездами советов она осуществляется выделенным (утвержденным) на с'езде ЦИК-ом (в составе Союзного Совета и Совета Национальностей). В перерыве между сессиями ЦИК-а полнотой власти обладает президиум ЦИК-а,

б) подлежит дальнейшему укреплению и развитию федеративный строй СССР (см. раздел V).

в) на местах власть принадлежит советам; каждый местный совет имеет право решать все мероприятия, касающиеся местного управления, кроме определенно отнесенных законодательством центральных органов союза в исключительную компетенцию советов высшей инстанции и кроме приостановленных в действии постановлениями высших советов; этим порядком осуществлена децентрализация и создана сильная власть на местах при сохранении единства власти на всей территории, путем оставления руководящих и контрольных функций за советами высших инстанций и в конечном счете за Всесоюзным С'ездом Советов.

д) средоточием всех нитей местного управления соответственно в губ-уезд-и волисполкомах и соответствующих им органах устраняется дробление местного управления по отдельным ведомствам, — одна из язв старой административной системы.

8. Евразийцы считают необходимым оформление советского строя в прочный правопорядок, понимая право, как необходимое условие устойчивого и организованного общежития. В понимании евразийцев законодательство должно быть гибким и приспособленным к условиям момента. При этом — для условий каждого момента евразийцы отстаивают принцип верховенства закона, как безусловное и непреложное начало.

Раздел IV. (ВОПРОСЫ РЕЛИГИИ).

1. Необходимо, чтобы государственная власть относилась благожелательно и содействовала каждой вере, исповедуемой народами России-Евразии, понимая, что только вера может служить основой социальных отношений, проникнутых духом любви и неуклонным бережением человеческого достоинства. Однако, содействие государства вере ни в коем случае не должно перерождаться в зависимость религиозных об'единений (Церкви) от государства или государства от религиозных об'единений (Церкви). Религия и государство об'единяют и организуют, каждая, особую(хотя и связанную с другой), область человеческой жизни. Между ними должны установиться лично-духовные связи, в форме личной религиозности представителей власти (их благочестия) и внимательного отношения с их стороны к голосу религии (Церкви), а также в форме лойального отношения к государству представителей религии (Церкви) и преподания ими благословения тем начинаниям государства, которые Церковь одобряет. Но между религией (Церковью) и государством не может и не должно быть государственно-правовых отношений или хотя бы финансовых связей. Именно для того, чтобы представители религии (Церкви) могли выполнять выпадающую на их долю роль народной совести, религиозные об'единения (Церковь) должны иметь самостоятельный бюджет, независимый от средств государства. В этих целях религиозным об'единениям предоставляются все права и возлагаются на них обязанности юридических лиц.

2. В области религиозной никакое принуждение недопустимо. Священнослужители, пастыри, иерархи и представители религиозных об'единений избираются, в соответствии с установлениями каждой религии, верующим народом из числа лиц, почитаемых им к тому достойными; государство воздерживается от вмешательства в дела религии.

3. Положение, регулирующее, в согласии с изложенным, существование религиозных об'единений в пределах государства, издается в порядке одностороннего акта государства, т. к. религиозные об'единения (Церковь) по природе своей не могут вступать ни в какие государственно-правовые соглашения или договоры с государством.

Раздел V. (НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС).

1. В национальном вопросе Евразийцы стоят на основе осуществления братства народов в пределах России-Евразии. Средством для осуществления такого братства евразийцы признают нынешний федеративный строй СССР, при обязательном устранении коммунистического гнета, который тяготеет ныне на этом строе, препятствуя полному выявлению национальных своеобразий отдельных народов России-Евразии. Коммунизм не соответствует духу этих народов. Закрепляя в поставленных конституцией СССР и административной практикой пределах возможности политического и языкового самоопределения этих народов, евразийцы считают необходимым обеспечить этим народам свободу духовного самоопределения также на религиозной и лично-хозяйственной основе.

2. В частности, евразийцы считают необходимым распространить права автономии на народы и своеобразные в бытовом и историческом отношении группы (казачество), до сих пор не получившие таких прав. При этом должны быть охранены права национальных и бытовых меньшинств.

Надлежит подчеркнуть, что начала федерации и автономии евразийцы отстаивают в советском, а не европейском их понимании.

3. Евразийцы обращаются к представителям народов России-Евразии, стремящимся обеспечить себе возможность духовного самоопределения на религиозной и лично-хозяйственной основе, с призывом образовывать евразийские национальные движения, для осуществления этой цели.

4. Необходимо существующий в настоящее время в СССР строй, проникнутый началами интернационализма и коммунизма, преобразовать в наднациональный строй на национальной основе. Обязательным условием такого перерождения является предоставление русскому народу возможностей государственно-оформленного национального самосознания и строительства национального государства, возможностей, которых он фактически лишен в настоящее время.

5. Однако, национальным самоопределением не ограничивается роль русского народа в строительстве России-Евразии. Именно русская культура, пополняемая элементами культур других народов Евразии, должна стать базою наднациональной (евразийской) культуры, которая служила бы потребностям всех народов России-Евразии, не стесняя их национальных своеобразий. Евразийцы ставят своей задачей положительные мероприятия, содействующие развитию русской культуры в ее наднациональных функциях и чуждые в то же время какого бы то ни было оттенка ограничения и стеснения других национальных культур.

Раздел VI. (ПРОМЫШЛЕННОСТЬ).

1. В области экономической необходимо констатировать наличие в современной хозяйственной жизни России-Евразии весьма значительной национальной безработицы, в широком смысле этого слова. О размерах этой безработицы нельзя судить по количеству безработных, зарегистрованных на бирже труда. Такой регистрации подлежат лица, уже работавшие в тех областях труда, в которых они в настоящее время ищут занятия. Между тем, основным фактом современной российско-евразийской экономики является аграрное перенаселение, т. е. избыток рабочих сил в деревне, не находящих себе здесь применения и могущих получить занятие только в отраслях промыш-

ленного и ему подобного труда, в которых, однако, никогда ранее они заняты не были. Избыточные кадры сельского населения не учитываются в настоящее время в качестве безработных, сколь бы острой ни являлась потребность этой группы трудящихся в отыскании новых отраслей приложения своей рабочей силы. Устранение национальной безработицы, в указанном широком смысле слова, евразийцы полагают во главу угла своей экономической программы. Р о с с и и н у ж н о д а т ь р а б о т у — вот точка зрения, с которой евразийцы рассматривают экономическую действительность современной России-Евразии. Советскими экономистами правильно намечены две основные магистрали, следуя по которым, можно справиться с бедствием национальной безработицы: 1) и н т е н с и ф и к а ц и я сельского хозяйства и 2) и н д у с т р и а л и з а ц и я страны. Однако, коммунистическая власть, правильно наметив задачи, недопустимым образом с'уживает и устраняет применение мер, которые могли бы прямым и действительным образом послужить разрешению этих задач. Коммунистическая власть ограничивает, в частности, свободу хозяйственного самоопределения крестьян, создавая тем самым существеннейшее препятствие на пути интенсификации сельского хозяйства. Евразийцы требуют: а) предоставления крестьянам свободы хозяйственного самоопределения (см. раздел VII) и б) энергической и действительной государственной политики к увеличению фонда заработной платы. Практические мероприятия, выдвигаемые в этом отношении евразийцами, согласованы с общим пониманием ими оснований экономической жизни.

2. Евразийцы являются сторонниками широкого государственного р е г у л и р о в а н и я и к о н т р о л я х о з я й с т в е н н о й ж и з н и, а также сторонниками принятия на себя государством существенных хозяйственных функций. Евразийцы отмечают, что государственное регулирование, контроль и выполнение государством хозяйственных функций, хотя и в различных формах, неизменно выступает в течение русской истории: торговые операции первоначальных князей, государственное предпринимательство московского периода, такое же предпринимательство и об'емлющее регулирование хозяйственной жизни в императорский период. Евразийцы полагают, что явления эти теснейшим образом связаны с совокупностью русских условий и выражают собой необходимости русского месторазвития, т. е. русской социально-исторической среды, рассматриваемой неотрывно от условий занятой ею территории Россия-Евразия представляет собой целостный материк, имеющий весьма немногие соприкосновения с берегами океана-моря и в общем отрезанный от него. Этим затрудняется конкуренция, господствующая в мире океанического хозяйства*), и выдвигаются начала монополии, с неизбежностью приводящие с собой государственное вмешательство. К этому присоединяется связанное с условиями обстановки общее мощное развитие государственного центра (см. выше), увеличивающее значимость такого вмешательства. В этих условиях нынешний экономический строй СССР представляет собою не более, как заострение и сгущение черт торгового, промышленного и земельного уклада, наблюдавшихся в киевской и в московской Руси и в императорской России. Для того же, чтобы создавшийся в результате революции экономический строй не односторонне и ущербленно, как в настоящее время, но многосторонне и в полноте выражал, применительно к условиям современной эпохи, потребности евразийской обстановки — для этого необходимо в нынешний экономический строй СССР внести ряд существенных изменений, которые и выдвигаются евразийцами.

3. При всем признании необходимости и положительного значения государственного хозяйствования, недочеты бюрократизма, волокиты и бесхозяйственности, с которыми встречается каждый, знакомый с современным строем СССР, нельзя считать временными и устранимыми «недочетами технического аппарата». Евразийцы указывают, что недочеты эти вкоренены в основные свойства человеческой природы. Пока человек остается физически обособленным индивидом (а перестав быть таковым, он перестает быть человеком), хозяйствование за казенный (общий) счет будет худшим хозяйствованием по сравнению с хозяйствованием за свой счет, в котором из'яны бюрократизма, волокиты и бесхозяйственности устранены

*) Напр., при перевозках по морю происходит конкуренция между судовладельцами, железнодорожная же компания является естественной монополисткой.

автоматически (сами собою). Необходимо стремиться к улучшению государственного хозяйствования. Определенные результаты в этом отношении возможны. Но не допустимо предаваться иллюзиям относительно достижимости полного искоренения недочетов этого хозяйствования. — С недочетами государственного хозяйствования приходится мириться, имея в виду, что только при помощи этого хозяйствования могут быть внесены черты упорядоченности и организованности в народное хозяйство, как целое, и может быть придана достаточная экономическая сила государству, как отстаивателю интересов трудящихся. Однако, в видах развития производительных сил, в котором кровно заинтересованы трудящиеся массы и от которого зависит устранение национальной безработицы, — на ряду с существующей и имеющей развиваться и впредь государственной промышленностью, охватывающей важнейшие отрасли, должна быть создана соразмерная ей частная промышленность такого же охвата. Следствием этого будет не только широкое использование лично-хозяйственного начала, в деле повышения производительности страны, но и увеличение фонда заработной платы.

4. Численность рабочих кадров и высота заработной платы зависят от размеров фонда заработной планы. В деле увеличения этого фонда недопустимо ограничиваться рессурсами накопления и организационными возможностями государственной промышленности, тем более, что благодаря свойствам хозяйствования за казенный счет, эти рессурсы и возможности относительно ограничены. Основанное только на них увеличение фонда заработной платы неизбежно будет проходить медленнее, чем это требуется интересами страны и чем то возможно при расширении подбора применяемых организационных форм. Каковы бы ни были стремления государственной власти, она не может повысить численность рабочих кадров и уровень заработных плат выше предела, отвечающего об'ективным возможностям. Более того, положение государства, как работодателя — монополиста, порождает возможность и факт капиталистического перерождения государственной промышленности (см. раздел II). В этих обстоятельствах монополия государственной промышленности в области наиболее важной для экономической жизни крупной промышленности искусственным образом ухудшает условия борьбы рабочих за повышение заработных плат. Ценя начала государственного хозяйства не менее, чем ценят их коммунисты, евразийцы высказываются, однако, за устранение названной монополии именно в целях предотвращения возможного и действительного разложения (коррупции) государственной промышленности. Никакой поток бумажных резолюций и ведомственных мероприятий не может иметь того значения для оздоровления и «подтягивания» государственной промышленности, какое имеет допущение существования, наряду с ней, возможного ее конкурента в виде соразмерной ей частной промышленности. Так и в настоящее время, в отдельных случаях, мы видим, как существование частника-торговца подтягивает госторговлю. Подобное «подтягивание» госпромышленности и создание наряду с ней, путем привлечения частной инициативы, дополнительного фонда заработной платы — есть важнейшее, из числа возможных в настоящее время мероприятий по улучшению положения рабочих масс.

5. Необходимо отметить, что в отношении частной промышленности существование госпромышленности, как ее конкуррента, устраняет в указанных выше условиях возможность получения в частной промышленности сверхприбылей и делает невозможным эксплоатацию рабочих. Свою социальную систему евразийцы основывают именно на сосуществовании государственного и частного предпринимательства, взаимно дополняющих и влияющих друг на друга.

6. Евразийцы считают, что неуклонное выполнение постановлений по охране труда и социальному обеспечению и выплата заработных плат не ниже заработных плат госпромышленности, составляет обязанность предпринимателя, вне выполнения которой не существуют и соответствующие права предпринимателя. Хозяин же предприниматель, выполняющий свои обязанности перед государством, есть, по мнению евразийцев — не враг, но друг власти трудящихся.

7. Только выставив и устойчиво придерживаясь этого положения, можно расчитывать на осуществление крупных прозводственных вложений со стороны частного капитала и на широкое приложение в производственной области организационных усилий частных предпринимателей. Нелепо полагать, что то и другое может произойти в условиях принципиально враждебного отношения власти к лично-хозяйственному началу. В условиях такого отношения всякая попытка широкого использования в производственной области возможностей и рессурсов лично-хозяйственной стихии — есть и останется попыткой с негодными средствами. Именно таковы попытки комвласти. В этом смысле необходимость устранения комвласти соответствует и вытекает из непреложной экономической необходимости предоставления простора развитию русских производительных сил. Постоянные колебания, сказывающиеся в политике комвласти, являются результатом того, что политика эта представляет собой лишь внешнее заигрывание с лично-хозяйственным началом, не могущее привести ни к какому действительному результату. Евразийцы считают необходимым радикальное устранение этих колебаний и принятие устойчивой линии экономической политики, на указанных выше началах.

8. В соответствии со сказанным выше (п. 2-ой настоящего раздела), необходимо подчеркнуть, что принятие такой линии евразийцы рассматривают не как ослабление, но как усиление начал п л а н о в о с т и в народном хозяйстве России-Евразии. Силой государственного законодательства, регулирующего частную промышленность и условиями концессионных договоров также и частная промышленность должна быть помещена в рамки общего плана. Евразийцы не только отстаивают развитие функций госплана, как органа, об'единяющего государственную политику, но и высказываются за внесение плановости в отрасли, в настоящее время недостаточно ею проникнутые, как напр.: высказываясь за широкое применение частного жилищного строительства (см. ниже), евразийцы подчеркивают необходимость подчинить и его общему техническому, санитарному и художественно-архитектурному плану*).

9. Евразийцы отстаивают функциональную (в отношении к интересам государственного целого) природу собственности и сопрягают самое установление права собственности с выполнением связанных с ним обязанностей. Не только право собственности на предметы обихода и потребления, но также, в значительной степени, и право собственности на средства производства фактически восстановлены комвластью. Однако, комвласть тщательно уклоняется от признания принципиального значения собственности. Евразийцы признают это значение в том, что именно с режимом собственности связан тот порядок «автоматизма» в котором осуществляется технически л у ч ш е е хозяйствование. Место собственности, по мнению евразийцев, определяется ее функциональным значением в осуществлении поставленных государством об'ективных задач. В меру способствования осуществлению этих задач, должна быть признана и утверждена собственность на средства производства. Гражданский кодекс должен давать достаточную гарантию и обеспеченность собственности — дабы внести элемент устойчивости в экономическую жизнь. Однако, п о с у д у, каждый собственник, не исполняющий своих обязанностей перед государством, может быть лишен собственности (с частичным возмещением или без возмещения, в зависимости от характера нарушения).

10. В соответствии с содержанием пп. 3— 7 настоящего раздела, евразийцы высказываются за радикальный пересмотр и расширение концессионной политики, с распространением ее, кроме промышленности, на строительное дело (в том числе, жилищное), транспорт, средства связи и т. п. Создание соразмерных государственным частных отраслей хозяйства должно произойти в формах пересмотра и расширения концессионной политики. Наряду с

---

*) Отстаивая перечисленные мероприятия, евразийцы далеки, однако, от признания возможности полной рационализации хозяйственной жизни, полного растворения хозяйственной жизни в некотором, заранее намеченном, перспективном плане; допущение такой возможности евразийцы считают характерным проявлением утопизма: всегда останутся факторы, имеющие значение для экономической жизни, которые не поддадутся регулированию и учету в порядке заранее составленного плана. Дело идет не о безостаточном растворении хозяйственной жизни в заранее составленном плане, но об у с и л е н и и в ней начал учета и плановости.

иностранными предпринимателями, к концессионному делу должны быть, главным образом, привлечены местные предпринимательские кадры.

В тех отраслях промышленности, транспорта, строительного дела и т. п. в которых существуют или будут созданы в будущем государственные синдикаты по сбыту, нормировке цен и т. п., — концессионные предприятия должны обязательно входить в состав таких синдикатов.

11. Допущение соразмерных государственным частных отраслей хозяйства, повышая спрос на труд и улучшая тем самым условия рынка рабочей силы, позволит приблизиться к осуществлению программы-минимум в области охраны труда. Программа-минимум подразумевает: «8-ми часовый рабочий день для всех трудящихся, как максимальное рабочее время; при чем для лиц, не достигших 18-ти летнего возраста, в особо вредных отраслях производства, а равно для горно-рабочих, занятых под землей, рабочий день не должен превышать 6 часов; 42-х часовый еженедельный непрерывный отдых для всех трудящихся, запрещение пользоваться трудом детей и подростков в возрасте до 16 лет; запрещение ночного труда и труда в особо вредных отраслях, а равно и сверх-урочных работ всем лицам женского пола и лицам мужского пола, не достигшим 18-ти летнего возраста; освобождение женщин от работ в течение 8 недель до и 8 недель после родов с сохранением полного заработка за все это время при бесплатной врачебной и лекарственной помощи, с предоставлением работницам через каждые три часа не менее получаса на кормление ребенка и выдачи кормящим матерям дополнительного пособия».

Евразийцы ставят своей задачей полное осуществление этой программы, отмечая в то же самое время, что компартия оказалась не в состоянии и фактически не провела названной программы. Это не могло быть иначе, т. к. компартия своей политикой, противной реальным интересам рабочих масс и народного труда, фактически подрывает те об'ективные экономические факторы, на использовании которых может основываться проведение этой реформы.

12. Допущение соразмерных государственным частных отраслей хозяйства, создавая новые об'екты обложения, увеличит финансовые рессурсы государства. Евразийцы отстаивают всецелое использование этого увеличения для проведения в жизнь поименованных ниже пунктов, недостаточно или вовсе не осуществляемых комвластью опять таки ввиду того, что своей политикой она подрывает те финансовые рессурсы, на использовании которых могло бы основываться действительное проведение этих требований:

«1. Всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс, к уничтожению скученности и антисанитарности старых кварталов, и уничтожению негодных жилищ, к перестройке старых, постройке новых, соответствующих новым условиям жизни рабочих масс, к рациональному расселению трудящихся.

2. Решительное проведение широких санитарных мероприятий в интересах трудящихся, как то:

а) оздоровление населенных мест (охрана почвы, воды, воздуха);

б) постановка общественного питания на научно-гигиенических началах;

в) организация мер, предупреждающих развитие и распространение заразных болезней;

г) создание санитарного законодательства.

3. Борьбу с социальными болезнями (туберкулезом, алкоголизмом, венеризмом и т. д.).

4. Обеспечение общедоступной, бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощи».

13. Как намечено выше (см. раздел I), возможность осуществления в СССР строя, отличающегося от строя окружающих стран, определяется тем об'ективным фактом, что Россия-Евразия есть мир особый. В частности в смысле экономическом Россия-Евразия представ-

ляет собою комплекс территорий, разнородных по своим экономическим данным и тяготеющих к тому, чтобы составить в совокупности (в порядке экономического взаимодополнения) самодовлеющее целое. Способствование этой тенденции издавна составляло важнейшее содержание русской таможенной политики. Также и в этом отношении политика комвласти, хотя и проходящая под лозунгом осуществления социализма в одной стране — представляет собою не более, как продолжение исторических русских тенденций, показывающее, что дело здесь не в социализме, но в самоутверждении России-Евразии, как особого мира. В последнее время тенденция к экономическому самодовлению сказывается в жизни России-Евразии в усиленной степени. Так напр., к 1927 г. общая сумма народного дохода, характеризующая масштабы народного хозяйства, востановлена по сравнению с довоенным временем б о л е е, чем на половину, в то время как размер внешней торговли, характеризующий значение в народном хозяйстве связей с внешним миром, восстановлен м е н е е, чем на половину. Иными словами, степень экономического самодовления России-Евразии по сравнению с довоенным временем возросла. Политика комвласти препятствует мощному развитию российско-евразийских производительных сил и делает экономику России-Евразии хотя и помещенной в рамку самодовления, однако относительно маломощной и худосочной. Евразийцы являются сторонниками радикальных мероприятий по развитию русских производительных сил. В то же время способствование экономическому самодовлению России-Евразии они возводят в сознательное начало экономической политики.*)

Положение это не только соответствует научно понятой природе российско-евразийского мира, но единственно может гарантировать (при обеспечении за промышленностью России-Евразии внутреннего рынка) проведение, в н е з а в и с и м о с т и о т и з м е н е н и я м е ж д у н а р о д н о й к о н'ю н к т у р ы, программы-минимум в области охраны труда и всей совокупности мероприятий по улучшению рабочего быта (п. 12 наст. раздела). В ином случае, каждое из этих мероприятий и все они в совокупности могут быть в любое время сорваны иностранной конкурренцией.

В этом смысле вся социальная политика евразийцев, с заключающейся в ней системой мероприятий по улучшению быта трудящихся масс. — основывается на понимании и утверждении России-Евразии, как особого мира.

14. Евразийцы подчеркивают, что способствование экономическому самодовлению России-Евразии подразумевает осуществление системы мероприятий по экономическому развитию всех (в том числе самых малых) народов Евразии. В общей экономической рамке России-Евразии каждый из этих народов признается и является равноправным каждому другому народу. К России-Евразии не применимы принципы колониальной политики. Эксплоататорские начала последней замены здесь понятием самодовлеющего материка, с осуществленным равноправием народов.

Раздел VII. (З Е М Е Л Ь Н О Е Д Е Л О).

1. В определении своего отношения к земельному вопросу, евразийцы исходят из исконных воззрений народов России-Евразии на землю, как на об'ект, конечное распоряжение которым принадлежит всему общественному целому. Интересы же общественного целого, связанные с развитием производительных сил, требуют установления личной собственности на землю (в частности на полевые, луговые и усадебные угодья), в функциональном понимании этой собственности.

2. Евразийцы отстаивают обеспечение свободы хозяйственного самоопределения крестьян (земледельцев). Должны быть проведены без всяких ограничений, внесенных

---

*) Понятие экономического самодовления не нужно толковать в абсолютном смысле. Понятием этим охватывается в данном случае завершение в пределах России-Евразии о с н о в н ы х процессов производства и обмена.

незаконной административной практикой — постановления в этой области земельного кодекса 1922 г. (ст. 134-136), предоставляющие крестьянам при общинном и участково-чересполосном порядке землепользования отказываться от существующего порядка землепользования и выходит с землей к одному месту, в случае: 1) согласия на то общества и 2) без его на то согласия: а) при полных переделах и разверстаниях земель и б) если этого требует не менее одной пятой состоящих в обществе хозяйств (дворов) и не менее 50 хозяйств в обществе, имеющем свыше 250 хозяйств.

3. Евразийцы требуют, чтобы каждый домохозяин, состоящий или выходящий на участковое землепользование, в смысле кодекса 1922 г. (с неизменным размером права на землю в виде чересполосных, отрубных или хуторских участков) имел право укрепить землю в собственность.

4. В отношении земель, укрепленных в собственность, необходимо допущение свободного земельного оборота, поскольку оборот этот определяется производительными целями.

5. Тем самым будут устранены элементы прикрепления к земле, присущие нынешнему строю, и в определенных отношениях, близкие к порядкам крепостного права. В нынешнем земельном строе крайне затруднены: 1) оставление землепользователем занятия сельским хозяйством и переход к другим видам труда и 2) переселение в колонизационные районы — затруднены тем, что в нынешнем режиме оставляющий сельское хозяйство или переселяющийся землепользователь должен безвозмездно отказаться от основной ценности, находящейся в его распоряжении земли. Между тем, аграрное перенаселение, являющееся, по сказанному, основным фактом российско-евразийской экономики, настоятельно требует перехода части населения от сельскохозяйственного к другим видам труда и в то же время делает необходимым широкую колонизацию окраинных районов. То и другое облегчается введением собственности, на вышеуказанных основаниях. Введением этим, также в области земельного дела, будут осуществлено расширение подбора применяемых правовых и организационных форм, без нарушения сложившихся правопреемств, — расширение в нынешних условиях остро необходимое во всех областях экономической жизни.

5. Введение собственности несомненно окажется фактом, содействующим интенсификации хозяйства. В этом строе получат действительное осуществление и смысл мероприятия, которые в настоящее время не могут быть осуществлены в достаточно широких размерах: «1) упорядочение крестьянского землепользования (устранение чересполосицы, дальноземелья и пр.), 2) снабжение крестьян улучшенными семенами и искусственными удобрениями 3) улучшение породы крестьянского скота, 4) распространение агрономических знаний, 5) агрономическая помощь крестьянам, 6) ремонт в государственных ремонтных мастерских сельско-хозяйственного крестьянского инвентаря, 7) устройство прокатных пунктов, опытных станций, показных полей и т. п., 8) мелиорация крестьянских земель.»

6. Интенсификация сельского хозяйства в результате введения собственности увеличит государственные доходы. Евразийцы отстаивают всецелое использование этого увеличения в целях проведения в жизнь мероприятий, ныне остающихся пустым звуком. Евразийцы считают необходимым:

«1. всемерную государственную поддержку сельско-хозяйственной кооперации, занятой переработкой продуктов сельского хозяйства;

2. широко проведенную систему мелиорации;

3. широкое и планомерное снабжение через прокатные пункты инвентарем бедного и среднего крестьянства».

7. Крестьянские хозяйства, самоопределяющиеся в пользу общинного порядка, остаются при существующем способе землепользования. Евразийцы считают необходимым проведение мероприятий по широкому распространению в их среде перечисленных в предыдущем кооперативно-агрономических улучшений.

Москва, 1927 г.

ЗАПИСКА ПО ВОЕННОМУ ВОПРОСУ.

О ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ.

I. Политическая организация вооруженных сил.

1) Вооруженные силы России-Евразии должны быть связаны с сущностью и содержанием государства и быть частью государственного целого.

2) Поэтому усвоение евразийских положений должно входить в обучение переменного и постоянного состава вооруженных сил. Организованный евразийский элемент должен быть особенно силен в постоянном составе, но в с е вооруженные силы должны быть политически организованы. Старый взгляд, что вооруженные силы могут быть только аполитичным орудием в руках правительства (администрации) должен быть решительно отвергнут. Нет настоящим образом «аполитичных» вооруженных сил, а есть искусственно и нежизненно устраненные от политики.

3) Вооруженные силы, как и всякое другое об'единение граждан, не может не интересоваться политической жизнью государства. Поэтому искусственная «аполитизация» их содержит в себе угрозу возникновения противо-государственных направлений и политических разногласий.

4) Не следует пренебрегать и тем соображением, что вооруженные силы, кроме своего прямого назначения, являются также школой политического воспитания.

. Все эти соображения указывают на необходимость планового государственно-политического устроения вооруженных сил. При этом должен быть строго соблюден принцип единоначалия.

II. Вооруженные силы и евразийство.

5) В евразийском государстве вооруженные силы не могут быть построены на классовом начале. Они должны быть евразийскими в полном смысле этого слова. Выделяя, об'единяя и организуя правящий слой, Евразийская партия должна принять на себя политическую организацию вооруженных сил, являясь и в них об'единительницей и направительницей.

6) Это особенно необходимо при федеративном устройстве государства, с которым связано наличие национальных войсковых формирований. Сковывающим идейным началом в войсках союзных национальностей должен быть наднациональный принцип, воплощенный Евразийской партией.

III. Единство военной и политической организации вооруженных сил.

7) Помимо политической монолитности, вооруженные силы федеративного государства должны быть, в чисто техническом отношении, об'единены в едином командовании и управлении. Обязательным условием, кроме общности военной организации (единый план войны, единая доктрина, единство снабжения, вооружения и обучения и т. д.). должны быть: общность политического управления, и единый язык командования (в отличие от командного языка).

Из последнего следует, что всякий гражданин, служащий в вооруженных силах на должностях командира тактической единицы, равной ей и выше, должен владеть языком командования (русским) наравне с языком командным (национальности войскового формирования).

IV. Народная война и вооруженный народ.

8) Современное состояние военной техники поставило проблему народной войны, т. е. вооруженного народа. Единственной системой подготовки, отвечающей этому заданию, является смешанная система кадрово-территориальная, кот. должна быть сохранена и развита в организации вооруженных сил России-Евразии. Если эта система как будто бы и не удовлетворяет современным условиям СССР, то главным образом в силу классового признака, проникающего организацию его вооруженных сил.

9) Принцип народной войны требует напряжения всех сил государства, как человеческих, так и материальных. Поэтому военная мобилизация должна быть лишь частью общегосударственной (план войны). Обще-государственная мобилизация должна предусматривать использование всех материальных и моральных рессурсов страны.

10) Опыт показал, что в европейских условиях внешняя помощь не может отвечать потребностям современной войны. Ресурсы Евразийского мира позволяют России вести войну своими средствами. Необходима однако индустриализация страны (машиностроение, моторостроение и пр.).

V. Союзное командование.

11) Вооруженные силы России, в отличие от европейской практики, должны быть об'единены в единый организм, включающий сухопутные, воздушные и морские силы.

12) Общее руководство подготовкой и ведением войны осуществляется особым е д и н ы м верховным союзным органом.

П. Н. Малевский Малевич.

ЗАПИСКА О СУДЕ.

1. Судебные функции юридически являются одним из первых аттрибутов государственной власти. Можно даже сказать, что самое зарождение государства происходит тогда, когда в первобытных обществах возникает властная организация, преследующая две основные цели, — производство суда и охрану безопасности, внешней и внутренней. В той или иной степени теснейшая связь суда с государством наблюдается в течение всей человеческой истории, при полной разности отдельных направлений, по которым эта история двигалась. В основе отмеченной связи между судом и государством лежит потребность найти беспристрастную, нейтральную силу, на авторитетное суждение которой можно было бы без страха представлять как частный спор (суд гражданский), так и оценку деяний, угрожающих самому бытию данного общества и идущих в разрез с его основными жизненными устоями (суд уголовный). Нет спора в том, что в течение известной нам человеческой истории потребность эта не находила истинного удовлетворения: исторические государства были государствами классовыми, организованный ими суд или не был судом внеклассовым и беспристрастным, или же только отчасти удовлетворял интересам беспристрастности и нейтральности. Однако, историческая неполнота воплощений не лишаетъ самую проблему свойственного ей основного смысла: задача отыскать нейтральную силу для оценки столкновения интересов частных между собой, или же интересов частных с интересами публичными, ставится во всей своей полноте и поныне. Она одинаково значима во

всяком обществе — и буржуазном и пролетарском. Особенно, в государстве, в котором уничтожены несправедливости буржуазного строя, суд нуждается в том, чтобы стать судом истинно беспристрастным, который судил бы трудящихся не по принципам господствующих классов, но по началам истинного права. И таким образом государство трудящихся особенно заинтересовано в том, чтобы организовать истинно нейтральный, внеклассовый суд.

2. В каком отношении суд этот должен стоять к государству? В современной юридической литературе существует стремление построить организацию суда совершенно независимо от государства. Провозглашенный европейским либерализмом известный принцип «независимости суда» истолковывают в смысле полной «выключенности» суда из иерархической системы государственного властвования. Суд должен быть независимее, чем управление (правительственная власть) и даже независимее, чем законодательство (законодательная власть). Судебные установления в государстве должны представлять собою некоторую совершенно свободную организацию, как бы государство в государстве. Положение их в ряду других государственных органов, согласно названному воззрению, можно уподобить разве только положению автономного местного самоуправления, — конечно, не согласно существующей практике, но согласно нормам либерально-демократической теории. Суд, подобно органам самоуправления, должен стать самостоятельной публично-правовой личностью, которая в праве оставить без внимания всякое указание, исходящее от любого государственного органа, — как бы высок ни был орган, это указание дающий. Психологической основой этой теории является безотчетный страх перед государством, который испытывается многими учеными и писателями либеральной школы. Связь с государством считают наихудшей формой зависимости, забывая все преимущества, обеспечиваемые этой связью. Государство уже просто по своей мощи, — по одному тому, что оно вооружено большей силой, чем все другие союзы, — способно освободиться от тех влияний, которым подлежат организации более слабые. Государство, напр., труднее подкупить, чем частное общество. Названное воззрение позабывает, что «выключая» суд из государства, оно включает его в целый ряд зависимостей, от которых государство принципиально свободно. И освобожденный от связи с государственной иерархией «свободный» суд рискует быть судом, наиболее зависимым из всех нам известных. Такой суд всего легче может попасть в руки, напр., того или иного частно-хозяйственного об'единения, которое будет делать из суда все, что хочет. — В противоположность западной, либеральной теории мы должны утвердить принцип зависимости суда от государства. Это значит, что судьи, как и другие государственные служащие, не могут быть безответственными перед государством и не могут быть освобождены, в пределах своей деятельности, от государственного надзора.*) — Утверждение принципиальной зависимости суда от государства никак не равносильно утверждению лицеприятия и пристрастия в судах. Напротив того, государство должно поставить суд очень высоко и обставить судей всеми условиями, обеспечивающими возможность вынесения нелицеприятных и беспристрастных приговоров. В этом смысле — и только в этом — суд должен быть вполне «независимым». Но такая «независимость» суда мало чем отличается от «независимости» других государственных служб. Любой государственный служащий призван руководиться в своей деятльности не какими-либо частными интересами и влияниями, но интересами закона и публичности. В этом смысле «независимым» должен быть любой милиционер. Но, разумеется, в положении судьи сравнительно с положением других служащих должна быть отмечена и некоторая разница. Носители власти управления призваны нелицеприятно исполнять закон в известных жизненных целях, а судья исполняет закон в специальных целях отыскания и установления права. Насколько последняя деятельность принципиальнее и важнее различных сфер деятельности управления (напр., важнее, чем установление

*) Этот принцип подразумевает также: 1) что судебные функции остаются в монополии у государства, как организации наиболее нейтральной; разрешение другим союзам и лицам отправлять судебные функции может последовать только в результате государственного акта, самоограничивающего государственную власть в определенных отношениях; 2) только государство вправе устанавливать конституцию суда и формы судебного процесса; 3) судебные должности являются должностями государственными; назначение судей происходит путем особых административных актов.

порядка уличного движения), настолько и положение судьи должно быть особо квалифицировано в отличие от положения других служащих. Поэтому следует, чтобы порядок назначения судей был обставлен особыми условиями, чтобы судья сменялся только в особо важных случаях и т. п. Если права судей выше, чем других служащих, то выше должна быть и их ответственность. Судейские проступки и преступления должны караться более суровыми наказаниями, чем проступки и преступления других служебных лиц. Кому вручено хранить закон, тот должен больше и отвечать по закону.

3. Каковы должны быть принципы, положенные в основание судоустройства? Историки судоустройства не раз указывали, что ни одна из областей государственной жизни не отображает в себе с такой явственностью культурные особенности народов, как судебные установления. Сколь характерно отличны были, например, типы судебных установлений римских, древне-германских, англо-саксонских и т. п. Мы не говорим уже о судоустройстве народов, не принадлежащих к европейской цивилизации. И потому можно сказать, что утрата собственной, национальной формы судоустройства и судопроизводства является для народа признаком максимума возможной денационализации. Но не достигли ли мы этого максимума в период Империи, когда в угоду западным теориям, мы, поистине, утратили почти всякое воспоминание о собственных началах судоустройства и судопроизводства, построив свой суд сначала по германско-прусскому образцу, а потом по образцам романско-либеральным? «Законы греко-римские» — писал граф Блудов в предисловии к Уставу Гражданского Судопроизводства (1864), — «в отечестве нашем не имели почти никакого влияния на ход и развитие нашего судопроизводства... Развитие законов и судебных учреждений в государстве русском, лишенное пособия науки, поддерживаемой правом римским, сим, можно сказать, вспомогательным в других землях законодательством, было медленное, а иногда и принимало направление неудовлетворительное и ошибочное». Мы видим, что авторы судебных уставов, при полном признании особых путей нашего развития, не склонны были усмотреть впутях этих истину. И это было самым уязвимым пунктом нашего судопроизводства и судоустройства, несмотря на его столь часто восхваляемый «прогрессивный» характер с эпохи «великих реформ». Судоустройство наше эпохи «великих реформ» отвлеченно было не плохо, но конкретно оно совершенно не считалось с состоянием народного правосознания и с глубокими историческими традициями, в нем коренившимися.

— Исторически русский суд был издавна судом народно-государственным. Древнейший памятник нашего судопроизводства, «Псковская судная грамота», установила тот порядок, по которому ни князь не мог судить без посадника, ни посадник без князя. Для различных по судопроизводству действий всегда назначались два лица: одно от князя и одно от общества. Дьяки, писцы и пристава были также княжеские и городские. И судебные приговоры совершались в двух грамотах, — одна грамота «чести дьяку княжему», другая грамота «чести дьяку городскому». Это присутствие народного элемента в суде перешло и в Московское законодательство. Судебник 1497 года запретил рассматривать и решать дела без приглашения в заседание старосты и лучших людей. Судебник 1550 года всецело принимает и развивает это установление. Однако, в конце московского периода порядок этот уничтожается. Уложение 1649 года отменяет исконный обычай, чтобы на суде наместника присутствовал староста и целовальник, — и московский суд таким образом переходит в руки приказных людей и теряет свой общественный характер. Империя дает этому порядку дальнейшее упрочение: вплоть до «эпохи великих реформ» суд у нас остается чисто чиновничьим и кроме того с явно выраженным классовым характером. Новые судебные уставы пытаются ввести в суд народный элемент, но по образцам не народным, а западным. Пресловутый суд присяжных, столь прославленный русской либеральной интеллигенцией, народом нашим был принят довольно равнодушно и не заслужил имени суда истинно-народного. Учреждение особых волостных судов как будто особо подчеркивало ту двойную жизнь, которую вела Империя, — с одной стороны жизнь «образованной», «барской» Руси, для которой имелись особые суды и особое право, и с другой стороны жизнь крестьянской, сермяжной Руси со своими судами и со своим особым правом.

Что касается до нашего судопроизводства, то и его развитие шло путями западных заимствований. Народам, живущим на территории России-Евразии, так же как и первоначальным

германцам, были совершенно чужды формы римского процесса. Состязательное начало в процессе, которое германисты считают изобретением германского народного духа, было столь же свойственно и древне-русскому процессу. Однако, в древности оно лишено было той преувеличенной исключительности, которая была придана состязательному процессу позднейшей романской либеральной доктриной. И Псковская судная грамота и Московские судебники, признавая состязательное начало в процессе, в той или иной степени совмещали его с началом следственным. Петр I, подражая судебным законам Фридриха Прусского, решился отменить состязательный процесс и устный характер судопроизводства заменил письменным. Исправления, которые были позднее внесены в первоначальную Петровскую реформу, не помешали следственному процессу исключительно господствовать в судах Империи вплоть до эпохи судебных реформ, когда у нас было введено состязательное судопроизводство в его исключительном, западном, романско-либеральном понимании. Состязательный процесс в его последней, романско-либеральной форме является утверждением начала личной автономии в суде и отражает общую структуру государства, лишенного какой-либо положительной миссии. Государство, которое своим идеалом ставит принцип невмешательства, считает возможным только минимально вмешиваться в столкновение интересов, разбираемых судом. Действия суда при таком порядке должны исключительно зависеть от требования сторон, от их частной инициативы. Для подобного процесса характерны три принципа: 1) Judex ne procedat ex officio (судья не начинает дела по своей обязанности, след., без просьбы сторон); 2) Ne eat judex ultra petitia partium (судья не выходит за пределы просьбы сторон): 3) Quod non est in actis, non est in mundo (судья ограничивается формальным составом дела, а не его существом). В общем эти начала и были положены в основание наших реформированных уставов гражданского судопроизводства. Что же касается до процесса уголовного, то, конечно, означенные начала к нему полностью не были применимы даже с точки зрения либеральной доктрины. В уголовном процессе сталкивается частное деяние с публичным интересом и, стало быть, в нем государство, так или иначе, выходит из своей инертности, представляет принцип публичности и стремится к активному расследованию дела и к активной защите общества. Уголовный процесс силою вещей должен совмещать так. обр. порядок состязательный с порядком следственным, без некоторых элементов коего он не мыслим. В такой смягченной форме и было введено состязательное начало в наш реформированный уголовный процесс.

Нельзя не отметить, что применение у нас новых, реформированных судебных уставов с их либеральной доктриной многих привело к глубокому разочарованию. «Господствующая доктрина о состязательном начале» — писал в 1898 г. Н. А. Гредескул — «путает всю теорию гражданского процесса, извращает судебную практику и тормозит правильное движение процессуального законодательства. Отожествивши состязательное начало с пассивностью суда в процессе, эта доктрина низвела его до полной бессодержательности, из живого принципа превратила в совершенно мертвую формулу. Состязательное начало могло бы сохранить живое значение только в случае, если бы пассивность суда могла быть проведена в процессе от начала до конца, если бы всю инициативу в процессе можно было передать сторонам. Но это не возможно: процесс есть совместная деятельность, взаимодействие суда и сторон; никакими усилиями мысли его нельзя превратить в одностороннюю деятельность только сторон, которую пассивно созерцал бы суд.»*) И вот другой отзыв, касающийся уже не доктрины, а практики. «Состязательный процесс принес нам глубокое разочарование: он окончательно убил в нас веру в правду суда, поставил в фальшивое положение наше адвокатское сословие и оказал растлевающее влияние на наши нравы». Процесс этот, по мнению автора, ведет к «нарушению доверия», к культу «неверности слову», к практике «обмана и притязательности». Он не служит к достижению материальной правды, возбуждает вражду магистратуры и адвокатуры. «Не ко двору нам эти иностранные диковинки, которые только и хороши в тамошних условиях; к нам они не подходят... Мы должны откровенно сознаться, что весь этот состязательный порядок судебный совсем не в наших нравах.»**)

*) Цитирую по Тютрюмову, Устав Гражд. Судопр.

**) А. Красвский, Практические заметки о свойствах состязательного начала в гражданском судопроизводстве, СПБ., 1897 , стр. 6 и слл.

4. В настоящее время среди эмигрантских юристов довольно распространено мнение, что, по крайней мере, в ближайшем будущем невозможно у нас возвращение к судебным уставам Александра II просто потому, что уставы эти «слишком для нас хороши». Этой точке зрения мы должны противопоставить другую, евразийскую: возвращение к этим уставам неправильно просто потому, что они нашему народному сознанию не соответствуют, а, следовательно, они для нас не пригодны. Пришла пора покончить с тем наивным, чисто интеллигентским предрассудком, что в романской либеральной теории судоустройства и судопроизводства лежит некоторая абсолютная истина и что непризнание этой истины равно политической измене и нравственному падению. Судоустройство и судопроизводство прежде всего являются делом юридической техники, и в способах организации процесса, как во всякой технике, нет абсолютных истин. Вопрос здесь идет о том, как у д о б н е е и п р а к т и ч н е е при данных условиях построить судебный процесс? Впрочем, во всякой технике имеются, конечно, некоторые последние руководящие начала, — начала, которые требуется установить и при построении техники судебной. Для нас, евразийцев, романская либеральная теория процесса не приемлема, ибо она как раз противоречит нашим основным принципам в воззрениях на государство. Мы наделяем государство положительными заданиями и выводим его тем самым из состояния политического маразма. Наше государство отвергает либерально-демократический релятивизм и ставит государству положительные задания «народоводительства» во всех областях общественной жизни. Таким образом положительные задания встают перед государством и в области суда. Суд наш будет судом государственным, судом, проявляющим свою активность, судом, наделенным положительной миссией. Такой суд не может предоставлять стороны исключительно самим себе, он будет отстаивать право публичной власти не только служить сторонам, но и оценивать их действия с точки зрения публичных интересов. Наконец, он будет судом народным, — не в смысле отражения западных демократических теорий, но в смысле восприятия наших исторических народных традиций.

Принятие этих начал обязывает нас к особой установке по отношению к советскому законодательству о судоустройстве и судопроизводстве. Мы отнюдь не являемся поклонниками современной судебной практики в Советской России. Мы не склонны преуменьшать всех ее недостатков, обусловленных и вызванною революцией расшатанностью правосознания, и культом классового принципа в современных русских судах, и недостатком подготовленных судебных деятелей. Но если говорить не о существующих порядках в судах, а о принципах, положенных в советское судоустройство и судопроизводство, то многие из них мы должны признать более реалистическими, более соответствующими условиям русской жизни, более отвечающими правосознанию русских народных масс, и более совпадающими с нашими воззрениями на суд, чем принципы, положенные в судебное законодательство Империи. В области судоустройства и судопроизводства приходится отметить то, что мы отмечали и в других областях права; стихия русской революции заставила русских марксистов вести такую правовую политику, которая из учения Маркса полностью не вытекает, а в то же время отображает некоторые черты правосознания народов России-Евразии.*)

«Мы построили наш процесс так, что он, вероятно, со стороны западно-европейской буржуазной науки встретит самое отчаянное сопротивление, самую злостную критику» — говорил на 2-ой сессии ВЦИК 10-го созыва докладчик по вопросу о советских судебных уставах. Мы обязаны подчеркнуть, что со стороны евразийства некоторые из начал советского суда (но конечно, не все) и не подлежат «злостной критике» и не встречают «сопротивления». Советский суд есть суд, в котором народный элемент (в виде заседателей) сочетается с элементом государственным. Порядок этот не чужд западному судоустройству (суд шеффенов), но он, как мы видим, в то же время был исконным порядком суда русского**). Он более почвенен, чем пресловутый суд присяжных. — Советское судоустройство отменило сложную систему судебных инстанций, построенных для обжалования приговоров. «Мы решаем дело один раз»

---

*) статью в предшеств. VIII-ом вып. «Евразийской Хроники» «Народное право и задачи нашей правовой политики».

**) Главное различие между судом шеффенов и судом присяжных то, что в первом общественный элемент составляет с магистратурой одну коллегию, во втором — две различных коллегии.

— говорят авторы советского судоустройства. «Никакой апелляции у нас нет». Но еще по Псковской судной грамоте, суд, кому бы он ни принадлежал, по выражению одного из историков русского права (Беляева), «пользовался таким уважением, что всякий приговор его был окончательным». Система инстанций, введенная по западным образцам в законодательстве Империи, имела противников и в нашей русской дореволюционной юридической литературе, так что порядок, принятый советским законодательством, нужно считать просто возвращением к началам, законами Империи пренебреженным. — Советское гражданское судоустройство стало, далее, в совершенно правильное отношение к состязательному началу в процессе; оно не отменило этого начала, однако освободило его от западной утрировки. Соображения, которые были по этому поводу высказаны при обсуждении судебных уставов, не могут не быть признаны совершенно справедливыми, и принципиально, и практически. «Какъ судья должен себя вести»? — говорил докладчик на упомянутой сессии ВЦИК'а. «Должен ли он набрать воды в рот, сидеть смирно, следить за тем, как стороны будут приводить доказательства, как стороны будут между собой спорить, друг друг возражать, а затем, когда судоговорение будет закончено, внести свою оценку, в виду судебного решения, или же он должен принимать в суде активное участие. Для того, чтобы можно было построить гражданский процесс по первому типу, о котором я говорю, одним из необходимых условий является полное равенство сторон в процессе, — равенство в смысле овладения законодательными нормами, в смысле знания. Этого, конечно, представить себе нельзя, в особенности в такой стране, как Россия. Старый устав гражданского судопроизводства был построен, именно, по такому принципу. В старом уставе было сказано, что судья ни в коем случае не имеет права по собственной инициативе, по собственному желанию требовать каких бы то ни было доказательств. Это — совершенно ошибочное отношение к вопросу Мы стоим на диаметрально противоположной точке зрения, мы обязываем судью принимать активное участие в гражданском процессе... Мы построили процесс так, что рабочие и крестьяне, которые обращаются в суд с каким-нибудь гражданским требованием, заранее могли бы быть уверены в том, что они со стороны самого судьи встретят защиту и охрану своих интересов... Мы не имеем возможности обеспечить бесплатную юридическую помощь населению, и говорить об этом было бы только фразой, и если так, то нам нужно построить наш процесс так, чтобы судья сам в первую голову такого рода содействие оказывал рабочим и крестьянам, которые будут к нему обращаться». Призвав суд к активности, советское судопроизводство заставляет его отступить от начала формализма. Суд не в праве ограничиваться только формальной правдой и формальными условиями дела, выясненными в процессе. Суд призван решать дела по существу. «Если бы мы стали строить процесс так, чтобы судья дал только то, что называется формальной правдой... авторитет суда пал бы». — Наконец, советские уставы придали большое значение началу публичности в процессе. Представитель публичной власти (прокурор) может пред'явить в гражданском суде требования, когда стороны их не пред'являют. Это вполне вытекает из воззрения на государство, для которого гражданский оборот является не предметом молчаливого воздержания, но об'ектом положительной регулировки.

Что касается до советского уголовного процесса, то начала в него заложенные, не представляются безусловно неприемлемыми и его критикам. Советский уголовный процесс взял многое из старых судебных уставов, освободив их от преувеличенных влияний западного либерализма. Он резко подчеркнул начало публичности процесса (ст. 9-10 Уг. проц. кодекса). Он резко формулировал принцип материальной истины в процессе, утверждая, что «суд не ограничен никакими формальными доказательствами; от него зависит по обстоятельствам дела допустить те или иные доказательства и потребовать их от третьих лиц» (ст. 57). Он определенно подчеркнул права председательствующего, что соответствует не раз высказанным пожеланиям в старой русской юридической литературе (ст. 257: «Председательствующий в судебном заседании управляет ходом судебного заседания, устраняет из судебного следствия и прений сторон все, не имеющее отношения к рассматриваемому делу, направляя судебное следствие в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины».) Кодекс совмещает начала состяза-

тельности и следственности, подчеркивает равноправность сторон, непосредственноть процесса и его гласность.

Словом, в нашем судебном законодательстве мы принципиально можем взять за отправную точку советские законы. Наша дальнейшая задача будет сводиться к тому, чтобы освободить современный процесс от навязанного ему односторонне-классового начала, чтобы сделать его общенародным и еще более развить в нем культурно-исторические традиции, свойственные народам России-Евразии.

Н. Н. Алексеев.

МОНАРХИЯ ИЛИ СИЛЬНАЯ ВЛАСТЬ?

В широких кругах эмиграции, часто любящих изъясняться по вопросам политики — конечно, при усиленной поддержке правой печати — понятие монархии неразрывно связывается с понятием о сильной власти. Можно даже сказать, что забывая о о СССР., которому при всех его действительных дефектах, нельзя отказать в политической силе, эмиграция считает монархию единственной государственной формой, могущей осуществить сильную власть, столь явно необходимую для будущей России. Приходит это отчасти оттого, что прошлому, в гипнозе которого все еще пребывает множество людей, приписываются все, даже и не бывшие качества, отчасти же потому, что монархию считают какой-то навсегда данной и исторически неизменной формой. На самом деле монархия, как всякая политическая система, постоянно изменялась и изменяется, и, конечно, между монархиями Людовика XIV, Наполеона, Эдуарда VII, Петра Великого, Александра I и Николая II—мало что есть общего. Если же приглядеться к созременным европейским монархиям, то можно притти к заключению, что они уже давно не являются формами автократической государственности, и скорее подходят по типу к тем политическим системам, которые называются демократическими. Таковы — болгарское царство, королевства румынское С.Х.С., шведское, голландское, королевство бельгийцев... и до-фашистская Италия и преддиктаториальная Испания. Во всех поименованных случаях монархический строй уже не имеет глубоких культурных и социологических корней, и единоличное возглавление верховной власти может почитаться лишь как технический аттрибут политической жизни. Исключение, составляет монархический принцип Великобритании. Здесь королевская верховная власть не только связана с прочно сохранившейся аристократической традицией, но и является необходимым идеалистическим контрфорсом для основной движущей великобританской силы имперскаго предпринимательства. Каждый английский гражанин находится как бы в двойном внутреннем подданстве: у своей «английской» традиции (король) и у грандиозного предпринимательского «дома» Империи (доминионы и колонии). Лишь благодаря этой двуликости английская государственность находит в себе способности и силы для преодоления своей всегда сложной и рискованной политики. Т. о. для Англии монархический принцип оказывается до сего времени и культурно обоснованным и политически необходимым.

Из четырех больших после-военных революций (русская, германская, австро-венгерская, итальянская) лишь в Италии удержался монархический режим и удержался, видимо, потому, что не был определенно связан с какой-либо политической предреволюционной конъюнктурой, подобно тому, как германская монархия определяла собой агрессивно-милитарный стиль «пруссачества», или австро-венгерская корона — неорганичность придунайской монархической псевдо-федерации, или, наконец, как русская монархия стояла в неразделимой связи с общим чудовищным политическим декадансом предвоенной и предреволюционной России. Русское Царство не было достаточно ничтожным, чтобы уцелеть, временно сойдя на нет, подобно итальянской монархии, но оно было настолько надломлено и дезориентировано,

что не смогло в какой бы то ни было форме оказать сопротивление исторической волне революции и первое установило прецедент государственной слабости, за которым последовали провалы первого Временного Правительства, правления Керенского и проч. Таким образом, к моменту испытаний в русской монархии не оказалось той социальной крепости, культурной традиции и государственной воли, которые были бы в силах, многое «сдав» революции, в то же время удержать юридическую и историческую преемственность власти.

В результате старая государственно-культурная традиция оборвалась и ныне заменена новой. Только при глубокомъ и всестороннем понимании всех перемещений, происшедших в основах русской культуры, и ясно сознавая все последствия нарождения новой русской исторической традиции, можно говорить о русском будущем; и тогда обстоятельства окажутся против монархической реституции.

Современные русские монархисты необычайно противоречивы в своих политических построениях. С одной стороны, они всячески расширяют идею и смысл монархии, возводя ее до какого-то всеобщаго жизненного принципа, но с другой — они закрывают глаза на то, что всякая монархия должна иметь прежде всего социологическое обоснование и должна выростать из сложного взаимоотношения конкретных культурных явлений.

Обращаясь к конректному факту современной России, можно сказать, что она социологически на долгое время лишена возможности выдвинуть и обосновать новую монархию. Никакая монархия не может обойтись без специфически дворцового стиля, без капитула орденов, титулов и особой придворной психологии. Реставрация, т. е. ожесточенное восстановление монархии, неизбежно должна влечь ко всему этому. А между тем прежние русские монархические традиции и опорочены и забыты. Революция коренным образом разметала хранителей этих традиций и выдвинула новых людей. Эти новые люди, если только обстоятельства привели бы Россию к неизбежности монархического восстановления, будут поставлены в жалкую необходимость беспомощно копировать забытый ритуал прошлого, или же наскоро выдумывать и устанавливать новую традицию и стиль. И то и другое одинаково приведет к ужасающему культурному безвкусию, к насаждению всевозможных parvenus и в конце-концов к махровым уродствам плутократии. Восходящие в процессе революции политическое сознание и воля новых людей могут исказиться и притупиться в ненужном и вредном усвоении иноприродных им традиций и хватки. И новая русская монархия должна будет неминуемо либо впасть в обще-европейский «королевский» стиль, либо увязнуть в доморощенной отсебятине.

Не иначе стоит и политико-юридическая сторона монархической проблемы. Основной принцип монархии заключается в том, что верховная власть вынесена за пределы государственно-политического корпуса всего народа. В этом — условная сила монархического строя, но и безусловная слабость, потому что автократичность власти, ее сила и юридическая значимость действительны лишь тогда, когда право власти совпадает с абсолютностью ее суверенитета. В этом смысле монархия расщепляет оба указанных момента, поскольку она признает за народом, хотя бы только фактически, какие бы то ни было политические права, но в то же время почитает себя единственным обладателем суверенитета. (Из этого не должно следовать апологетическое отношение к современным республиканским демократиям Европы. Несмотря на то, что в них нет персонального носителя суверенитета, право широких масс на власть не становится суверенным уже потому, что в современном европейском народоправстве вовсе исчезли идея и ощущение метафизики власти, что единственно и переводит правовой стимул — в высший план).

Преодоление всякой революции неизменно определяется государственным максимализмом, усилением государственного тягла и требованием повышенной жертвенности во имя целого. Большевики умеют заставлять широкие массы выносить тяготы коммунистического режима не только террором, но и умелым конструированием всего советского аппарата. Именно это и дает возможность в современной России всякий политический акт, как обыкновенно административного порядка, так и верховно-распорядительного значения, одинаково обосновывать на первичном политическом сознании народа. Будущая российская власть неминуемо будет требовать от народных масс огромного политического напряжения и жертв,

А требовательность власти может быть плодотворной лишь в том случае, если ответственность будет лежать на всех, если не будет «вынесенной» инстанции верховной власти, на которую легко сваливать все обвинения и недовольства. Для того, чтобы новая, послекоммунистическая власть, выросшая из глубин революции, была бы действительно компетентна и полномочна государственно переоформить огромную территорию Евразии, недостаточно выдвижения одного лица или династии. Это должно стать делом целой п о р о с л и людей, которая давала бы возможность править титулом всего народа и выдвигала бы в е р х о в е н с т в о власти от самых народных корней. Смогут ли созреть в будущем в этой поросле новых поколений и людей идея и формы монархического строя, судить и трудно и преждевременно. Можно только с решительностью установить, что чем дольше народ и власть будут в неразделимом единстве, тем с большей силой и решительностью будут ликвидированы изнутри, самим народом, все революционные разрывы и надломы. Потому то так и опасен, особенно в период преодоления революции, неизбежный при монархии — ритуально-юридический разрыв между властью и народом.

Против монархии можно, наконец, выставить еще и следующее соображение. Конечно, всякая власть коренится в метафизике. То, что один человек м о ж е т приказывать, а другие м о г у т повиноваться, — всегда останется необ'яснимо-иррациональной закономерностью социальной жизни. В этом смысле и говорится, что всякая власть священна. Но монархия неминуемо должна устанавливать и обставлять себя в исключительных аттрибутах сакральности и в особой подчеркнутой связи с иноприродностью власти. Между тем, в эпоху революции власть становится сугубо «от кесаря», сугубо страстной и ч е л о в е ч е с к и-властной, и потому особенно болезненным становится смешение кесарева с Божьим. Церковь должна осознать это и в эпоху усиления человеческих страстей должна повернуться к жизни своей духовной гранью, должна встать на тот план противопоставленности жизни, с высоты которого она действительно могла бы стать совестью и судьей мира. А это при монархии — невозможно... Конечно, всякое народоправство несовершенно. Но в наше время, являющее особое усиление социального начала жизни, нужно искать новых форм политического устроения и власти. Ни монархия, ни европейская демократия напряженности нынешней русской общественности и политики не соответствуют. Нужно искать будущие формы русской государственности в принципе н а р о д н о й а в т о к р а т и и, наилучшим образом сочетающем в себе народный суверенитет с началом н а р о д о в о д и т е л ь с т в а. Только сочетание этих двух начал и въ состоянии создать сильную и органическую власть.

П. П. Сувчинский.

ОБЩЕЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ.

I.

До революции Россия была страной, в которой оффициальным хозяином всей государственной территории признавался русский народ. При этом не делалось никакой принципиальной разницы между областями с исконно-русским и областями с «инородческим» коренным населением: русский народ считался собственником и хозяином как тех, так и других, а «инородцы» не хозяевами, а только домочадцами.

За время революции положение дела изменилось. В закономерном для известного периода революции процессе всеобщего анархического разложения Россия грозила распасться на отдельные части, если бы русский народ не спас государственного единства, пожертвовав ради этого своим положением единственного хозяина государства. Таким образом, в силу неумолимой логики истории прежнее соотношение между русским народом и «инородцами» было нарушено. Нерусские народы б. Российской империи приобрели положение, которого

они не имели ранее. Русский народ оказался не единственным господствующим а о д н и м и з равноправных народов, населяющих государственную территорию. Правда, превосходя все прочие народы своею численностью и имея за собой многовековую традицию государственности, русский народ естественно играет и должен играть первую роль среди всех народов государственной территории. Но, это, все же, уже не хозяин среди домочадцев, а только п е р в ы й м е ж д у р а в н ы м и.

Описанная перемена, наступившая в положении русского народа, должна быть учтена всеми, кто задумывается над будущим нашей родины. Никак нельзя предполагать, чтобы создавшееся в процессе революции новое положение русского народа среди других народов бывшей Российской Империи и нынешнего СССР было лишь временным, преходящим. Те права, которыми теперь наделены нерусские народы СССР, уже не могут быть отняты. Время укрепляет существующее положение. В будущем попытка отнять или хотя бы умалить эти права вызвала бы самое ожесточенное сопротивление. Если русский народ когда нибудь вступит на путь такого насильственного отбирания или умаления прав других народов государственной территории, то тем самым обречет себя на длительную и тяжелую борьбу со всеми этими народами, на постоянное состояние то явной, то скрытой войны со всеми ними. Не подлежит сомнению, что такая война чрезвычайно желательна для врагов России, и что в своей борьбе против притязаний русского народа отдельные самоопределившиеся народы прежней Российской Империи и нынешнего СССР найдут себе поддержку и союзников среди иностранных держав. И это тем более, что с моральной точки зрения позиция русского народа, пытающегося отобрать или умалить национальные прерогативы других народов государственной территории, будет крайне невыгодной, почти незащитимой. В силу этой же моральной необоснованности борьбы за отобрание прав у нерусских народов бывшей Российской Империи борьба эта окажется непопулярной прежде всего в среде самого русского народа. Каков бы ни был исход этой борьбы, самый факт ее означал бы утрату русским народом государственного чутья в угоду шовинистическому самоутверждению, а это было бы во всяком случае признаком близкого распада государства.

Таким образом, об отобрании или умалении прав, приобретенных за время революции разными народами бывшей Российской Империи не должно быть и речи. Та Россия, в которой единственным хозяином всей государственной территории был русский народ, — эта Россия отошла в историческое прошлое. Отныне русский народ есть и будет только одним из равноправных народов, населяющих государственную территорию и принимающих участие в управлении ею.

Эта перемена роли русского народа в государстве ставит перед русским национальным самосознанием ряд проблем. Прежде с а м ы й к р а й н и й русский националист все же был патриотом. Теперь же, то государство, в котором живет русский народ, уже не является исключительной его собственностью, и с к л ю ч и т е л ь н ы й русский национализм оказывается нарушающим равновесие составных частей государства и, следовательно, ведет к разрушению государственного единства. Ч р е з м е р н о е повышение русского национального самолюбия способно восстановить против русского народа все прочие народы в государстве, т. е. обособить русский народ от других. Если прежде даже крайнее русское национальное самолюбие было фактором, на который государство могло опираться, — то теперь это же самолюбие, п о в ы с и в ш и с ь д о и з в е с т н о г о п р е д е л а, может оказаться фактором антигосударственным, не созидающим, а разлагающим государственное единство. При теперешней роли русского народа в государстве крайний русский национализм может привести к русскому сепаратизму, — что прежде было бы немыслимо. Крайний националист, желающий во что бы то ни стало, чтобы русский народ был единственным хозяином у себя в государстве, и чтобы самое это государство принадлежало на правах, полной и нераздельной собственности одному русскому народу, — такой националист при современных условиях должен примириться с тем, чтобы от его «России» отпали все «окраины», т. е. чтобы границы этой «России» совпали приблизительно с границами сплошного великорусского населения в пределах доуральской России: только в таких с'уженных географических пределах эта радикально-националистическая мечта и осуществима. Таким образом, в настоящее время крайний русский националист оказывается с государственной точки зрения сепара-

тистом и самостийником, — совершенно таким же, как всякие украинские, грузинские, азербейджанские и т. д. националисты-сепаратисты.

II.

Если прежде основным фактором, спаивавшим Российскую Империю в одно целое являлась принадлежность всей территории этого государства единому хозяину, — русскому народу, возглавляемому своим русским царем, — то теперь этот фактор уничтожен. Возникает вопрос: какой же другой фактор может теперь спаять все части этого государства в одно государственное целое?

В качестве такого об'единяющего фактора революция выдвинула осуществление известного социального идеала. СССР есть не просто группа отдельных республик, а группа республик социалистических, т. е. стремящихся осуществить один и тот же идеал социального строя, и именно эта общность идеала об'единяет все эти республики в одно целое.

Общность социального идеала и, следовательно, того направления, по которому устремляется государственная воля всех отдельных частей нынешнего СССР, разумеется, является мощным об'единительным фактором. И даже если со временем характер этого идеала изменится, все же самый принцип обязательной наличности общего идеала социальной справедливости и общей воленаправленности к этому идеалу должен продолжать лежать в основе государственности тех народов и областей, которые ныне об'единены в СССР. Но спрашивается, достаточно ли одного этого фактора для об'единения разных народов в одно государство. В самом деле, ведь из того факта, что Узбекская Республика и Белорусская Республика обе руководствуются в своей внутренней политике стремлением к достижению одного и того же социального идеала, вовсе еще не следует, чтобы обе эти республики обязательно должны были об'единиться под сенью одного государства. Мало того, из этого факта даже не следует, чтобы эти две республики не могли враждовать или воевать между собой. Ясно, что одной общности социального идеала недостаточно, и что националистически-сепаратистическим стремлениям отдельных частей СССР должно быть противупоставлено что то еще.

В современном СССР таким противоядием против национализма и сепаратизма является классовая ненависть и сознание солидарности пролетариата перед лицом постоянно грозящей ему опасности. В каждом из народов, входящих в состав СССР, полноправными гражданами признаются только пролетарии, и, в сущности, самый Советский Союз составляют не столько народы, сколько именно пролетарии этих народов. Захватив власть и осуществляя свою диктатуру, пролетариат разных народов СССР в то же время постоянно чувствует себя под угрозой своих врагов, как внутренних (ибо социализм еще не наступил, и в переживаемую «переходную» эпоху приходится допускать существование капиталистов и буржуев даже внутри СССР), так и внешних (в лице всего прочего мира, пребывающего всецело во власти международного капитализма и империализма). И вот, для того, чтобы успешно отстаивать захваченную власть против происков врагов, пролетариям всех народов СССР и необходимо об'единиться в одно государство.

Благодаря этому взгляду на смысл существования СССР, советскому правительству оказывается возможным бороться с сепаратизмом: сепаратисты стремятся к разрушению государственного единства СССР, но это единство необходимо пролетариату для отстаивания захваченной ими власти; следовательно, — сепаратисты являются врагами пролетариата. По той же причине оказывается возможным и необходимым бороться и с национализмом, т. к. этот последний легко может быть истолкован как скрытый сепаратизм. К тому же, согласно марксистской доктрине, пролетариат лишен националистических инстинктов, которые являются аттрибутами буржуазии и плодом буржуазного строя. Борьба против национализма осуществляется уже самим фактом перенесения центра народного внимания из сферы национальных эмоций в сферу эмоций социальных. Сознание национального единства, являющееся предпосылкой всякого национализма, оказывается подорванным обостренной классовой

враждой; а большинство национальных традиций опорочено связью с буржуазным строем, с аристократической культурой или с «религиозными предрассудками». При всем том, честолюбие каждого народа до известной степени польщено тем, что в пределах той территории, которую он населяет, язык его признан оффициальным, административные и иные должности замещаются людьми из его среды, и зачастую и самая область оффициально называется по населяющему его народу.

Итак, можно сказать, что фактором, связывающим все части нынешнего СССР в одно государственное целое, опять является наличие оффициально признанного единого хозяина всей государственной территории: только прежде таковым хозяином признавался русский народ, возглавляемый своим царем, а теперь таковым хозяином считается пролетариат всех народов СССР, возглавляемый коммунистической партией.

III.

Недостатки только что описанного современного решения вопроса сами собой очевидны. Не говоря уже о том, что деление на пролетариат и буржуазию по отношению ко многим народам СССР либо вовсе непроводимо, либо совершенно мало существенно и искусственно, следует особенно подчеркнуть, что все это решение вопроса само в себе несет указание на свою в р е м е н н о с т ь. В самом деле, ведь государственное об'единение народов и стран, в которых власть захвачена пролетариатом, является целесообразным только с точки зрения данного этапа борьбы пролетариата со своими врагами. Да и самый пролетариат, как угнетаемый класс, согласно марксизму есть явление временное и подлежащее преодолению. То-же следует сказать и о классовой борьбе. Таким образом, при описанном выше решении вопроса единство государства оказывается покоящимся не на каком нибудь принципиально постоянном основании, а на основании принципиально-временном, преходящем. Это создает нелепое положение и целый ряд совершенно нездоровых явлений. Чтобы оправдать свое существование, центральному правительству приходится искусственно раздувать опасность, угрожающую пролетариату, приходится самому создавать об'екты классовой ненависти в лице новой буржуазии, с тем, чтобы натравливать пролетариат на этот класс и т. д... Словом, приходится все время поддерживать в сознании пролетариата представление о том, что положение его в качестве единого хозяина государства крайне непрочно.

В задачу этой статьи не входит критиковать коммунистическую концепцию государства по существу. Мы рассматриваем здесь идею диктатуры пролетариата только в одном ее аспекте, именно, — как фактор, об'единяющий все народы СССР в одно государственное целое, и противостоящий националистически-сепаратистическим течениям. И следует признать, что в этом своем аспекте идея диктатуры пролетариата, хотя до сих пор и оказывалась действенной, не может стать прочным, непреходящим решением вопроса. Национализм отдельных народов СССР развивается по мере того, как эти народы все более свыкаются со своими новым положением. Развитие образования и письменности на разных национальных языках и замещение административных и иных должностей в первую очередь туземцами углубляют национальные различия между отдельными областями, создает в туземных интеллигентах ревнивый страх перед конкуренцией «пришлых элементов» и желание попрочнее закрепить свое положение. В то же время классовые перегородки внутри каждого отдельного народа СССР сильно стираются и классовые противоречия постепенно блекнут. Все это создает самые благоприятные условия для развития в каждом из народов СССР своего национализма с сепаратистическим уклоном. Против этого идея диктатуры пролетариата оказывается бессильной. Пролетарий, попавший к власти, оказывается обладающим, при этом иногда даже в очень сильной дозе, — теми националистическими инстинктами, которые, согласно доктрине коммунизма у настоящего пролетария должны отсутствовать. И такого попавшего к власти пролетария интересы мирового пролетариата, оказывается, волнуют гораздо меньше, чем это полагается по доктрине коммунизма...

Таким образом идея диктатуры пролетарита, сознание солидарности пролетариата и разжигание классовой ненависти в конце концов должны оказаться недействительными средствами против развития националистических и сепаратистических стремлений народов СССР.

IV.

Современное решение вопроса о принципе государственного об'единения частей бывшей Российской Империи логически вытекает из марксистского учения о классвой природе государства и из свойственного марксизму пренебрежения к национальному субстрату государственности. Но следует признать, что для сторонников этого учения ничего и не остается другого, как заменить идею господства одного народа идеей диктатуры одного класса, т. е. подменить национальный субстрат государственности субстратом классовым. А из этой подмены все дальнейшее вытекает само собой. Таким образом, коммунисты во всяком случае гораздо более правы и последовательны, чем те демократы, которые, отрицая единый национальный субстрат русской государственности, проповедуют широкую областную автономию или федерацию без классовой диктатуры, не понимая, что при таких условиях существование единого государства немыслимо.

Для того, чтобы отдельные части бывшей Российской Империи продолжали существовать как части одного государства, необходимо существование единого субстрата государственности. Этот субстрат может быть национальным (этническим) или классовым. При этом, классовый субстрат, как мы видели выше, способен об'единить отдельные части бывшей Российской Империи только временно. Прочное и постоянное об'единение возможно, следовательно, только при наличии этнического (национального) субстрата. Таковым до революции был русский народ. Но теперь, как указано выше, уже невозможно вернуться к положению, при котором русский народ был единственным собственником всей государственной территории. Ясно также, что и никакой другой народ, проживающий на этой территории не может исполнить роли такого единственного собственника всей государственной территории. Следовательно, национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской Империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и, в качестве таковой, обладающая своим национализмом.

Эту нацию мы называем *евразийской*, ее территорию — *Евразией*, ее национализм — *евразийством*.

V.

Всякий национализм исходит из интенсивного ощущения личностной природы данной этнической единицы, и, потому, прежде всего утверждает органическое *единство* и *своеобразие* этой этнической единицы (народа, группы народов или части народа). Но фактически нет (или почти нет) на свете народов вполне единых или однородных; во всяком народе, даже в очень маленьком, всегда существует несколько племенных разновидностей, нередко довольно значительно отличающихся друг от друга по языку, по физическому типу, по характеру, по обычаям и проч... Нет также (или почти нет) на свете народов вполне своеобразных или обособленных: каждый народ всегда входит в какую нибудь группу народов, с которыми его связывают те или иные общие признаки, а часто один и тот же народ по одному ряду признаков входит в одну, а по другому ряду — в другую группу народов. Можно сказать, что единство этнической единицы обратно пропорционально, а своеобразие этнической единицы прямо пропорционально величине этой единицы: к полной однородности, к полному единству приближаются только самые маленькие этнические единицы (напр. какая нибудь мелкая племенная разновидность одного народа), к полному своеобразию приближаются только большие этнические единицы (напр. какая нибудь группа народов). Таким образом, национализм всегда в известной мере отвлекается от фактической неоднородности и необособленности данной этнической единицы, и, смотря по степени этого отвлечения, можно различать разные виды национализма.

Из сказанного явствует, что в каждом национализме наличествуют одновременно элементы централистические (утверждение единства данной этнической единицы)

и сепаратистические (утверждение своеобразия данной этнической единицы и ее обособления от более широкой единицы). Далее ясно, что, благодаря вхождению одной этнической единицы в другую (народ входит в группу народов, но сам в свою очередь заключает в себе несколько племенных или краевых разновидностей), могут существовать национализмы разной амплитуды, разной широты, при чем эти национализмы тоже «входят» друг в друга, подобно концентрическим кругам, сообразно тем этническим единицам, на которые они направлены. Наконец, ясно, что централистические и сепаратистические элементы одного и того же национализма не противоречат друг другу, но централистические и сепаратистические элементы двух концентрических национализмов друг друга исключают: т. е., если этническая единица А «входит» как часть в этническую единицу В, то сепаратистический элемент национализма А и централистический элемент национализма В друг друга исключают.

Таким образом, для того, чтобы национализм данной этнической единицы не вырождался в чистый сепаратизм, необходимо, чтобы он комбинировался с национализмом более широкой этнической единицы, в которую данная этническая единица «входит». В применении к Евразии это значит, что национализм каждого отдельного народа Евразии (современного СССР) должен комбинироваться с национализмом общеевразийским, т. е. евразийством. Каждый гражданин евразийского государства должен сознавать не только то, что он принадлежит к такому то народу (или к такой то разновидности такого то народа), но и то, что самый этот народ принадлежит к евразийской нации. И национальная гордость этого гражданина должна находить удовлетворение как в том, так и в другом сознании. Сообразно с этим должен строиться национализм каждого из этих народов: общеевразийский национализм должен явиться как бы расширением национализма каждого из народов Евразии, неким слиянием всех этих частных национализмов воедино.

VI.

Между народами Евразии постоянно существовали и легко устанавливаются отношения некоторого братания, предполагающие существование подсознательных притяжений и симпатий (обратные случаи т. е. случаи подсознательного отталкивания и антипатии между двумя народами в Евразии очень редки). Одних этих подсознательных чувств, разумеется, недостаточно. Нужно, чтобы братство народов Евразии стало фактом сознания, и, при том, существенным фактом. Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя именно прежде всего как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место. И нужно, чтобы это сознание своей принадлежности именно к евразийскому братству народов стало для каждого из этих народов сильнее и ярче, чем сознание его принадлежности к какой бы то ни было другой группе народов. Ведь по какому нибудь частному ряду признаков отдельный народ Евразии может входить и в какую нибудь другую-не чистоевразийскую группу народов: так, русские по языковым признакам входят в группу славянских народов, татары, чуваши, черемисы и проч. — в группу так называемых «туранских» народов, татары, башкиры, сарты и проч. по религиозному признаку входят в группу мусульманских народов. Но эти, связи для всех названных народов должны быть менее сильными и яркими, чем связи, об'единяющие эти народы в евразийскую семью: ни панславизм для русским, ни пантуранизм для евразийских туранцев, ни панисламизм для евразийских магометан не должен быть на первом плане, — а — евразийство. Ибо все эти «пан-измы», усиливая центробежные силы частнонародных национализмов, подчеркивают одностороннюю связь данного народа с какими то другими народами только по одному ряду признаков и потому неспособны создать из этих народов никакой реальной и живой многонародной нации — личности. В евразийском же братстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. *) Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распутать, так что отторжение одного народа из

*) См. статью кн. К. А. Чхеидзе в «Евразийской Хронике», вып. IV.

этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям. Ничего подобного нельзя сказать о тех группах народов, которые лежат в основе понятий панславизма, пантуранизма или панисламиза: ни одна из этих групп не об'единена в такой степени единством исторической судьбы входящих в нее народов. И потому ни один из этих «пан-измов» не является прагматически ценным, в той мере, как общеевразийский национализм. Национализм этот не только прагматически ценен, но прямо даже жизненно необходим: ведь мы уже видели, что только пробуждение самосознания единства многонародной евразийской нации способно дать России-Евразии тот этнический субстрат государственности без которого она рано или поздно начнет распадаться на части к величайшему несчастию и страданию всех ее частей.

Для того, чтобы общеевразийский национализм мог успешно выполнить свою роль фактора, об'единяющего евразийское государство, необходимо соответственно перевоспитать самосознание народов Евразии. Конечно, можно сказать, что таким перевоспитанием занимается уже сама жизнь. Уже один тот факт, что все евразийские народы (и, кроме них, ни один один другой народ в мире) вот уже сколько лет совместно переживают и изживают коммунистический режим, — уже один этот факт создает между всеми этими народами тысячу новых психологических и культурно-исторических связей и заставляет их всех ясно и реально ощущать общность их исторических судеб. Но этого, конечно, мало. Необходимо, чтобы те отдельные люди, которые уже сейчас ясно и ярко сознали единство многонародной евразийской нации, проповедывали это свое убеждение,— каждый в той евразийской нации, в которой он работает. Здесь — непочатый край работы для философов, публицистов, поэтов, писателей, художников, музыкантов и для ученых самых различных специальностей. С точки врения единства многонародной евразийской нации надо пересмотреть целый ряд наук и построить новые научные системы в замену старых, обветшавших. В частности, с этой точки зрения совершенно по новому приходится строить историю народов Евразии, в том числе и русского народа...

Во всей этой работе по перевоспитанию национального самосознания с установкой на симфоническое (хоровое) единство многонародной нации Евразии русскому народу, быть может, приходится напрягать свои силы более, чем какому бы то ни было другому народу Евразии. Ибо, во первых, ему более, чем другим, придется бороться со старыми установками и точками врения, строившими русское национальное самосознание вне реального контекста евразийского мира и отрывавшими прошлое русского народа от общей перспективы истории Евразии. А, во вторых, русский народ, который до революции был единственным господином всей территории России-Евразии, а теперь является первым (по численности и по значению) среди евразийских народов, естественно должен подавать пример другим.

Работа евразийцев по перевоспитанию национального самосознания в настоящее время протекает в исключительно тяжелых условиях. На территории СССР такая работа открыто вестись конечно не может. В эмиграции же преобладают люди, неспособные в своем сознании реализировать об'ективные сдвиги и результаты революции. Для таких людей продолжает существовать Россия, как совокупность территориальных единиц завоеванных русским народом и принадлежащих на правах полной и нераздельной собственности одному этому русскому народу. Поэтому самой проблемы создания общеевразийского национализма и утверждения единства многонародной евразийской нации эти люди понять не могут. Для них евразийцы — изменники, потому что понятие «России» заменили понятием «Евразии». Они не понимают, что не евразийство, а жизнь произвела эту «замену», не понимают того, что их русский национализм при современных условиях есть просто великорусский сепаратизм, что та чисто русская Россия, которую они хотели бы «возродить», реально возможна только при отделении всех «окраин», т. е. — в границах этнографической Великороссии. Другие эмигранционные течения нападают на евразийство с противоположной стороны, требуют отказа от утверждения какой бы то ни было национальной самобытности и полагают, что Россию можно построить на началах европейской демократии, не выдвигая ни единого национального, ни единого классового субстрата русской государственности. Будучи представителями отвлеченно-западнических настроений старых поколений русской интеллигенции, эти люди не хотят понять, что

для существования государства необходимо прежде всего сознание органической принадлежности граждан этого государства к одному целому, к органическому единству, каковое может быть только либо этническим, либо классовым, и что, поэтому, при современных условиях возможно только два решения , — либо диктатура пролетариата, либо сознание единства и своеобразия многонародной евразийской нации и общеевразийский национализм.

Кн. Н. С. Трубецкой

ЕВРАЗИЙЦЫ И ГОСУДАРСТВО.

Живой и глубоко жизненный характер евразийского учения проявляется прежде всего в том постепенном процессе самоуяснения, который стихийно влечет нас к познанию нашего собственного существа, как некоторой особой идеологической группы. В первых стадиях этого процесса ставился ряд проблем, но не было еще их системы; в последующих стадиях проблемы начинают выступать в некотором систематическом порядке. Так стихийно и в то же время систематически разрабатываются нами в настоящее время проблемы политические и социально-экономические. Можно сказать, что в этой области многое уже у нас установлено, однако далеко не все. Из числа еще не вполне выразумненных вопросов нужно прежде всего назвать вопрос о нашем собственном существе, как организованной группы, и о нашем месте в государстве. По этому вопросу уже брошены общие мысли, однако они не имеет характера окончательных, установившихся формул. Представляем-ли мы собою партию или нет? Должны ли мы стремиться к образованию единой партии? Если нет, то кто же мы? И каково наше место в государстве, которое мы считаем своим, нормальным, евразийским государством, так же, как и в государстве современном, в условиях текущей политики?

В последующем будет сделан опыт решения названных вопросов, — опыт, который мог бы иметь значение «дискуссионное», а мог бы и послужить материалом для окончательных решений. Тема — многопланна, отдельные планы следует различить, — и в зависимости от разных плоскостей, вынести различные формулировки. Тогда, может быть, окажутся одинаково правыми и те, кто говорит, что мы — партия, и те, кто отрицает за нами характер партии.

1.

Политической партией в современном смысле этого слова называется возникшая свободно (а не в результате учреждения государством) группа лиц, которая об'единена общими целями и общностью в понимании средств, ведущих к осуществлению названных целей (единством средств). Существенным для партии может являться иногда единство целей, а иногда единство средств. Все различие между большевиками и меньшевиками, например, сводится к разногласию по поводу тактики, а не окончательных целей; но различие целей отличает партии социалистические от буржуазных. Ближайшей задачей всякой политической партии является завладение аппаратом государственной власти с тем, чтобы провести в жизнь свои основные цели (будем называть это «политическим действием»). Однако, многие современные политические партии отнюдь не стремятся к немедленному осуществлению этой последней цели. Тактические соображения часто побуждают партию всячески удерживаться не только от захвата власти, но и от прямого участия в правительстве. Современный европейский политический режим особо благоприятствует подобной тактике воздержания, в силу которой очень мощные современные политические партии, например, социалисты, представляют вечную оппозицию в парламенте всем другим политическим партиям и любому правительству. По-

добное положение — очень удобно, ибо «воздерживающиеся» вечно критикуют и не берут на себя никакой ответственности, создавая убеждение, что всякое правительство плохо, за исключением социалистического, которому еще не пришли сроки.

Так как современные европейские политические партии суть свободные об'единения, то партийный режим в той или иной степени предполагает многопартийность как выражение личного права участия в политике, как результат свободы политических мнений. Различные эти мнения не могут не находиться в процессе конкурренции и борьбы, потому на борьбе построены и отношения между партиями. Нормальным способом партийной борьбы считается приобретение большинства, которое бы обеспечивало партийное господство. Приобретение большинства предполагает, что другие партии должны ему подчиниться и, впредь до изменения политических настроений, отказаться от преобладания. Иной, не считающийся нормальным путь, является путем диктатуры, при которой одна из партий, не обладая большинством, захватывает власть и проводит свою программу насильственно, вопреки воле большинства. Диктатура может быть или «мягкой», когда захватившая власть партия не уничтожает другие, допуская в известных пределах их деятельность; или же «жесткой», когда захватившая власть партия просто уничтожает остальное и становится единственно господствующей группой в государстве (напр., фашизм в первой и в последней стадиях своего развития).

Исторически демократический режим западных государств выработал два вида партийных образований, границы которых иногда сливаются, хотя в типичных формах могут быть выражены вполне определенно. Первый из них характеризуется тем, что основанием партийного об'единения служит не какая-нибудь социально-политическая доктрина (не «идеология»), не догма или сумма догматов, но какой-либо практический вопрос очередной политики или сумма таких вопросов (напр., вопросы таможенной политики, вопрос об избирательных правах, аграрный вопрос в его текущей постановке и т. п.). Это — партии «на платформе» или лиги. Огромную роль они сыграли в жизни англо-американских государств. В сущности, основные политические партии Англии суть подобные партии «на платформе», а не идеологические об'единения «на программе». Другим типом современных партийных образований являются об'единения чисто идеологические, а их наиболее ярким современным примером являются социалисты. Основой современных социалистических партий является известная общественная доктрина, известная концепция социально-политической жизни, даже некоторая философия. Таков, например, марксизм. Если для партий «на платформе» политика является как бы целью в себе, то для партий «на программе» она есть только одно из средств для достижения основных идеологических целей. Было время, когда социалисты не признавали политической борьбы и не участвовали в ней (особенно в борьбе парламентской), но Лассаль и Маркс вывели их на дорогу политики. Особенностью этого рода партий «на программе» нужно считать то, что, хотя основные задания их и не сводятся к «политике», однако, в конечном счете, современная партия всегда является продуктом известной социально-политической идеологии. Современные партии в конечном счете стремятся к преобразованию общественной жизни, имеют основой своей некоторую общественную доктрину и, если связаны целым миросозерцанием, то последнее является в конечном счете философией социальной. Партии эти являются прокдутом той «религии общественности», которой живут многие современные люди западной цивилизации, веря, что преобразование общества есть основная проблема жизни, что вместе с этим преобразованием будут достигнуты наивысшие жизненные задачи, стоящие перед человеком.

Современные политические партии только отчасти совпадают с исторически возникшими общественными группами и общественными слоями социального целого. Так, например, рабочая партия английского типа совпадает в общем с тем общественным слоем Великобритании, который носит имя рабочего класса. Многие национальные партии в различных государствах базируют на историко-антропологической и расовой основе. Но большинство современных партий не только не совпадает с реальными общественными группами, но даже более, — в обычном порядке каждой определенной общественной группе соответствует несколько различных политических партий. Так различные социалистические партии считают

себя представителями «пролетариата». Небез'известная русская социалистическая партия, состоящая в основе своей из деклассированной городской интеллигенции, считала сея почему то призванной представительницей крестьянства, тогда как крестьян в ней не было и 10 %. Впрочем при помощи широковещательных лозунгов ей удалось во время революции привлечь значительное количество крестьянских голосов. Таким образом политическая партия в современном смысле есть об'единение, которое служит не представительству чисто реальных интересов общественных слоев и групп, но стремится и г р а т ь на известных реальных интересах в известных политических целях. Эта особенность отличает политические партии от профессиональных союзов, синдикатов, трэд-юнионов и т. п. реальных об'единений.

От политических партий в описанном смысле нужно отличить те современные, также идеологические об'единения, которые, хотя и стремятся к достижению известных политических целей, однако отнюдь не считают их своей последней задачей, а иногда и просто не выставляют их открыто, как свою цель. Нельзя недооценивать роли таких об'единений в жизни современных западных государств. К ним принадлежат, например, католические ордена, в особенности здесь нужно назвать иезуитов, политическая роль которых была огромна, хотя они никогда не были политической партией, вроде социалистов или коммунистов. Если иезуиты и ставили перед собою, а иногда и прямо проводили в жизнь цели, подобные целям современных коммунистов (учреждение коммунистического государства в Южной Америке), то для них все же это не было последним и высшим заданием, а только рядом средств для осуществления некоторых высших, религиозных планов. Равным образом католики и их ордена участвовали и участвуют в современной политической жизни, но на этот предмет они образовывали везде особую политическую партию, какой является, например, партия центра в Германии. К такому же роду идеологических об'единений относится масонство, не являющееся политической партией, но и идеями своими, и своей организацией, и своими действиями способствующее проведению некоторых политических целей. Основные задачи масонства отнюдь не покрываются решением общественных проблем. Масоны имеют и религиозные и нравственные задания, почерпнутые ими из довольно старых исторических традиций, и политика является только одним из частных планов их общей деятельности.

Поставим теперь вопрос, к какому же из названных типов об'единений ближе всего подходят евразийцы? Само собою разумеется, что евразийцы не есть партия «на платформе» или лига. Мы являемся об'единением идеологическим и всегда себя опознаем, как таковое об'единение. У нас имеется не только программа, нас об'единяет доктрина, совокупность догм, целое миросозерцание, целая философия. В этом смысле ф о р м а л ь н о мы ближе стоим к социалистам и коммунистам, особенно к таким , как марксисты. Но от социализма нас решительно отделяет все наше миропонимание. Помимо того, что мы строим совсем другую социальную систему, чем социализм, помимо этого мы выдвигаем совсем иные моральные, социальные, философские и религиозные учения. Мы не исповедуем западной религии общественности, мы не считаем, что решение социального вопроса есть последняя человеческая проблема, мы отвергаем теорию земного рая. Политическое действие для нас, как и для социалистов, не есть самоцель, мы также стремимся к политическому действия в особых, верховных целях, но этими целями не является для нас достижение окончательного социального благополучия на этой планете. Оттого задачи наши не покрываются ни политикой, ни планами социальных преобразований, как у социалистов. В этом смысле об'единение наше, если характеризовать его по моменту целевому, ближе стоит к таким об'единениям, как религиозный орден. Нам нужно с особой силой опознать, что формально (а не по существу), мы стоим ближе не к политическим партиям, а к таким об'единениям, каковыми являются католические ордена или масоны. Но и те и другие суть продукты западной культуры, западного христианства, мы же — восточники и, конечно, нас не могут вдохновить ни идеалы иезуитов, ни идеалы их западных антиподов — «свободных мыслителей», реформаторов и протестатнтов, учеников Якова Бема, Вейгеля и Каббалы, об'единивших в себе антидогматическую оппозицию против ортодоксального католицизма и ортодоксального иудаизма. По духу сьоему, мы, пожалуй, первый тип русского ордена. Были-ли у нас предшественники? — этот вопрос еще темен. Мне лично кажется, что за нами нащупывается старейшая традиция. В числе

прообразов особенно важно указать ту «партию», — я ставлю это слово в кавычки — которая действовала в старой Москве под именем «заволжских старцев». Старчество, в силу особых условий, сошло с политической сцены, превратилось в жизнеучение без особой интенции к политическому действию.*) Сейчас наступил момент снова вызвать это политическое действие в жизнь. Мы призваны начать строить Россию-Евразию по заветам старцев, наполняя эти заветы новым историческим содержанием.

Таким образом название «партия» для нас узко, мы, по целям своим, идейно больше любой политической партии, включая социалистов и коммунистов. Мы — организованное евразийство, род особого восточного ордена. Название «партия» не охватывает нашего внутреннего существа, не совпадает с ним. Поэтому только с некоторыми оговорками, чисто условно, мы можем называть себя «партией». Нужно понять, что при наших целях, во многих ситуациях нам более подобает выступать, как орден, как духовное об'единение, а не как партия. Мы в этом смысле должны дать себе отчет во всех преимуществах католической или масонской тактики и ими воспользоваться. Может создаться такая констелляция, когда евразийцам гораздо удобнее будет действовать через другие партии, даже создать себе известный фактотум, принявший то или иное легальное оформление, в то время как евразийское ядро будет хранить не партийный характер. Это не противоречит возможности, при других условиях, образовать самостоятельную евразийскую партию, выступающую наряду с другими политическими партиями. В конце концов все это — проблемы тактические, которые не подлежат решению без соображения с конкретными жизненными условиями. Центр же вопроса резюмируется в следующем положении: с у щ е с т в о н а ш е н е с о в п а д а е т с п р и р о д о й п о л и т и ч е с к о й п а р т и и (в обычном смысле этого слова), и п а р т и й н о с т ь е с т ь т о л ь к о о д н а и з в о з м о ж н ы х ф о р м н а ш е й д е я т е л ь н о с т и.

2.

Для определения тех условий, при которых организованное евразийство должно принять внешние оформления политической партии, нужно различать два вопроса: 1) вопрос о нашем положении и нашей роли в государстве, которое не построено по нашему образцу и которое мы, след., не считаем вполне отвечающим нашим идеалам, и 2)вопрос о нашем месте в государстве, которое мы сами построили по нашему собственному плану. Вопросы эти не вполне различаются, и из неразличения их вытекает неясность нашего отношения к партийному началу и возможность разногласий в нашей среде. Вопросы эти мы и разберем по очереди.

Что касается до первого вопроса, то практически он сводится для нас к выяснению нашего положения в условиях жизни современной России-Евразии. Нашей отправной точкой мы считаем советский государственный строй. В его современных условиях мы не принадлежим к числу легально действующих политических группировок. Мы можем стать таковой только при изменении современной политической кон'юнктуры. Попытаемся в дальнейшем определить каково может быть отношение евразийства к вопросу о партии в случае более или менее решительного изменения сушествующего политического режима в Советской России.

Можно предполагать следующие возможности такого изменения:

а) Путем постепенной эволюции, как этого желают и как это предполагают демократы, однопартийный коммунистический режим заменится многопартийным в западном или полузападном смысле этого слова. Отколется оппозиция, будет легализирован этот раскол, будут легализированы затем меньшевики и эсеры, эвентуально эрдеки. Советское государство превратится в нечто вроде того, что временами можно было наблюдать в Европе «второго сорта», — в Болгарии или Сербии. Спрашивается, каково должно быть наше отношение к принципу партийности в случае некоторой более или менее длительной стабилизации такого режима? Ясно, что в возможной эволюции, проделанной советским государством в означенном

*) Если не считать попытки Достоевского обнаружить политическую программу старчества в беседахъ Зосимы.

направлении мы, евразийцы, не принимали никакого сознательного участия, оно — не дело наших рук, новый режим возник помимо наших намерений, как организованной группы. Для нас, стало быть, он является чистым фактом, котораго мы в аксиологическом порядке не одобряем, но к которому принуждены как то приспособляться. Думается, что в умении приспособляться к нему мы должны многому научиться и у католиков и у социалистов. И те и другие не являются поклонниками буржуазной демократии, которую однако, весьма умело используют в своих целях. Иными словами, с водворением названного режима для нас настанет момент, когда мы принуждены будем вступить в политическую борьбу, как определенная политическая группировка среди других политических группировок. Тогда серьезно станет вопрос о превращении евразийства в политическую партию. Нам не следует забывать, что разбираемая нами возможность не принадлежит к числу тех, к которым мы стремимся. Возможность эта основана на предположении постепенного угашения того запаса энергии, который создала революция. Вступление советского государства на означенный путь означало бы, что творчество новых политических форм кончилось, революция угасла, наступает царство задворков Европы, чего, в сущности, и желают все наши, с позволения сказать, «прогрессисты». Однако нам не следует и пугаться наступления названной возможности. Мы планируем наше бытие не на ближайшие десять лет и мы знаем, что такая революция, как русская, в конечном счете не может не привести к установлению некоторых новых форм жизни, если бы даже эта революция видимо и окончилась временной реакцией. Возможный период развития России, как Европы «второго сорта», будет более или менее кратковременным. В течение его мы принуждены будем выступить, как политическая партия наряду с другими политическими партиями. Причем мы выступаем, как партия, которая стремится к построению нового государства и к уничтожению партийного режима. В полуевропейской демократии мы сидим не на правой стороне, а на крайней левой. И мы уверены, что победим. Если это будетъ демократия в стиле Керенского, то мы будем первой силой, которая ее свергнет; если эта демократия будет склоняться к новым формам в стиле фашизма, режима Пилсудского и т. п., то мы и будем тем главным хребтом, около которого будут складываться и кристаллизоваться новые демократические силы и который, ростом своим, будет преодолевать ограниченность, присущую названным европейским явлениям.

б) Можно предположить, что изменение современного советского режима произойдет в результате насильственного переворота, который будет сделан одной из современных реальных сил, играющих роль в Советском государстве. Причем сила эта будет посторонней евразийству. Евразийцы не будут принимать ни идейного, ни фактического участия в перевороте. В России воцарится, скажем, единоличный или коллективный Бонапарт, который в значительной степени примет наследие революции, сохранит ее фразеологию, впитает в себя многое из ее правовых установлений и организационных сил, отвергнув, однако, коммунизм, прежде всего, как социально-экономическую систему, а затем, может быть, и как идеологию. Подобные перевороты известны истории. Делаются они обычно людьми, вышедшими из революции, энергичными и волевыми практиками, лишенными в то же время каких либо принципов. Не было собственной доктрины и идеологии у Наполеона, нет ее и у Муссолини, что сознают сами фашисты. При таком обороте дела наше положение будет довольно благоприятным, но только при условии, если мы не будем афишировать себя, как особую, единую политическую партию. Захватчики власти, стабилизировав положение во имя каких-либо самых бедных титулов, не потерпят вторжения в сферу их деятельности посторонней партии; но они будут глубоко нуждаться в идеях, в политических принципах, в истинных титулах, обосновывающих их власть. Евразийцы должны при этом приложить все усилия, чтобы сделаться постепенно мозгами этого нового режима, чтобы наполнить новым содержанием унаследованные им от революции обветшалые формы, осмыслить их и оживить. Евразийцы должны всеми силами просачиться в этот новый режим и, руками новой власти, построить свое новое государство.

в) Наконец, можно предположить, что переворот будет совершен или группой, близкой к евразийству, или самими евразийцами. Это ставит нас перед необходимостью немедленного построения по нашему собственному плану. В каком отношении мы будем стоять тогда к

партийному началу? Будем-ли «партией» в процессе построения своего государства и сохраним-ли форму партии, когда государство это будет построено?

3.

Противники наши упрекают нас в том, что мы в своем государстве намерены упразднить свободный режим партий и, подобно коммунистам, об'явить власть одной партии, евразийской, которая станет на место коммунистической. Упрек этот делается не только «левыми», но, что особенно курьезно, даже и «правыми». Между тем то, что нам приписывается, составляет подлинный замысел всех русских эмигрантских «партий». Допустим, что у власти станет П. Н. Милюков. Можно-ли предположить, что он легализирует в своей республике партию Маркова? Сомневаемся, чтобы он легализировал и «николаевцев». И, разумеется, «николаевцы» сделают то же с р.-д. Подозреваем даже, что А. Ф. Керенскій не будет очень щедр по части «партийной свободы», — памятуя уроки прошлого. Иными словами, каждый идиллически мечтает о восстановлении тех порядков, которые были при царизме, когда одни партии были легализированы, другие — запрещены; различие только в том, к а к о й группе партий собираются предоставить «свободу» и к а к у ю хотят загнать в подполье. Мы, евразийцы, полагаем, что нет такого политического течения, которое столь мало было бы реставрационным, как наше. Мы отлично знаем, что политика запрещения есть наименее целесообразная и наименее мудрая из всех политик. Только наихудший политический режим стремится обстричь под одну скобку идейные разногласия людей. Свобода в обнаружении мнений во всех областях жизни, стало быть, и в политике, является непременным условием бытия всякого нормального государства. То же самое нужно сказать и о самоорганизации народа, о так называемой «свободе союзов». Наша политика не преследует цели отрицательного «запрещения» и «пресечения»; она исходит из того, глубоко продуманного нами, нового понятия о государстве, которое составляет альфу и омегу нашей государственной системы и решительно отличает ее, как от системы демократической, так и системы коммунистической.

а) Евразийское государство является политическим образованием, как мы говорим, д е м о т и ч е с к о й природы. Мы хотим этим сказать, что государство наше построено на глубоких народных основах и соответствует «народной воле». Если бы понятие народного суверенитета не было столь затасканным и не утратило бы всякий внутренний смысл и всякое внешнее обаяние, то мы готовы были бы сказать, что мы строим наше государство на суверенитете народа, — но не на том дезорганизованном, анархическом суверенитете, на котором строятся западные демократии (где «народный суверенитет» = механическому аггрегату мнений отдельных достигших политической зрелости граждан), а н а с у в е р е н и т е т е о р г а н и з о в а н н о м и о р г а н и ч е с к о м. Мы считаем «народом» или «нацией» не какой-то случайный отбор граждан, удовлетворяющих условиям всеобщего избирательного права, но совокупность исторических поколений, прошедших, настоящих и будущих, образующих оформленное государством единство культуры. Мы отдаем себе отчет в том, что «нация» в таком понимании неспособна к какому-либо политическому действию, что она недееспособна, что она должна действовать через каких-то заместителей, что воля ее должна получить выражение через определенного реального носителя. Однако, мы не можем допустить тот порядок, при котором выразительницей такой воли считается кучеобразная масса всех живущих ныне людей, достигших, скажем 18 или 20 лет. Честные демократы знают, что такая «куча», во-первых, также недееспособна, а во вторых, нет никакой гарантии, что ее устами говорит истинная нация.

Современной западной демократии свойственен особый, не имеющий никакого оправдания эгоцентризм голосующего корпуса взрослых граждан, который, будучи неорганизованным, сам по себе не способен провести ни одного голосования. Современная демократия есть олигархия живущего ныне, взрослого поколения над нацией, как целым, — олигархия, которая в то же время сама не может управлять и ищет себе заместителя, реального политического деятеля. Таким деятелем и является политическая партия, организующая голо-

сующий корпус и подменяющая своей волей мнимую волю голосующего корпуса. Мы, евразийцы, не признаем такой порядок нормальным. Мы заявляем: олигархии дезорганизованной массы пришел конец; связанный с нею явочный порядок в вопросах народного представительства должен быть решительно отменен. Государство не может считать выразителями народной воли всех взрослых вообще, взрослых «как таковых», отвлеченно взрослого гражданина, без отношения к тому, кто он, где живет и что делает. Государство должно пробудиться от немой пассивности; оно должно определить тот об'ективный и реальный принцип, на основе которого может быть построено истинное национальное «представительство», т. е. найдены реальные носители организационных государственных функций, действительные выразители национальной воли. Мы хотим, иными словами, заменить искусственно-анархический порядок представительства отдельных лиц и партий органическим порядком представительства потребностей, знаний и идей. Поэтому нам не нужна политическая партия, как она нужна демократии западного стиля.

Вопрос о замене механической системы народного «представительства» органическим давно уже возник перед западной демократией. Сейчас он является очередным вопросом внутренней политики западных государств, хотя свойственный демократии консерватизм, своеобразная демократическая косность и ретроградность, всячески препятствует реальному продвижению этого вопроса в жизнь. Мы находимся в более благоприятном положении, так как менее скованы предубеждениями, более свободны и более подвижны. К тому же идея, лежащая в основании советской системы (а не советская практика), разрешила довольно успешно проблему органического «представительства». В советской системе отправным пунктом является не отдельный человек и не искусственное соединение людей, но органический территориальный член целого, — совет, округ, область, город и т. п., — или же профессиональные об'единения людей в пределах этих территориальных единиц, наконец, национальные части государства. Начала эти и подлежат дальнейшему укреплению, развитию и усовершенствованию в евразийском государстве.

б) Европейская демократия гордится тем, что она основывает свою власть на «свободном» общественном мнении, выражающем волю большинства «нации». Общественное мнение, по внешней видимости, играет немалую роль в жизни европейских демократий, оно свергает правительства, изменяет состав парламентов, определяет основные направления политики. Но что же называет демократический режим таким «общественным мнением»? «Общественным мнением» на Западе называется не стабилизированное, прочное, глубоко укоренившееся в народе убеждение, а, скорее, известные, очень изменчивые народные настроения, возникшие к тому же не самостоятельно, а искусственно привитые политическими партиями. Политические партии в демократическом государстве инспирируют такое «общественное мнение» по любому вопросу политики. Партии вызывают и пробуждают политические настроения, разжигают страсти и их культивируют. Такое «общественное мнение», по большей части, создано искусственно, вздуто и не отвечает ни интересам отдельных народных слоев, ни интересам государственного целого. Существуют особые приемы такого возбуждения «общественного мнения» — это политическая агитация, вооруженная ныне всеми приемами новейшей рекламной техники. Оттого «общественное мнение» в демократической Европе меняется так же, как погода. Сегодня оно склоняется на сторону консерваторов, завтра — на сторону социалистов. Мы отлично понимаем, что «общественное мнение» не может быть чем-то совершенно неподвижным. Меняется общественная жизнь, должно меняться и «общественное мнение». Однако, истинная динамика народных убеждений не может выражаться в той нервной скачке политических настроений, которой характеризуется политическая жизнь современных демократий. Демократическая «динамика» общественного мнения есть вид общественной неврастении, являющееся безошибочным показателем растрепанности современного человека и всей его жизни. Можно сказать, что, если бы система дезорганизованного и не стабилизированного «общественного мнения» без всякого ограничения господствовала бы в государственной жизни, любое государство распалось бы и перестало существовать. Если западные демократии не подвергаются распаду, это значит, что в них существует некоторый корректив безбрежной динамики неорганизованного общественного мнения.

О коррективе этом не говорится в учебниках конституционного права, но он действительно существует, и его существованием об'ясняется, почему, например, несмотря на постоянную смену правительств, Великобритания вела одну и ту же внешнюю политику; или, почему, не смотря на скачку министерств во Франции, устои Французской республики оставались весьма консервативными, т. е. правила одна и та же бюрократия, существовало одно и то же административное устройство и т. д. Мы хотим сказать, что во всяком, даже самом демократическом государстве имеется некоторая политическая константа, хотя ее наличность и заслонена ныне пышными декорациями демократического режима и фразеологией парламентаризма. Наше евразийское государство исходит из требования, что константа эта должна быть опознана и ясно формулирована. Мы стремимся сознательно зафиксировать в политическом бытии нашего государства то, что западные демократии старательно прячут: путеводную идею государства, как целого, его основное призвание, его цель. В этом смысле можно назвать наше государство идеократией или иначе государством стабилизированного общественного мнения. Мы считаем, что в понятии народа, как совокупности исторических поколений, и воплощена истинная народная воля, единственным органом которой отнюдь нельзя признать случайное голосование наличного большинства взрослых граждан. Оттого мы народному голосованию и не придаем последнего, решающего значения, хотя и считаем его органом, очень важным для определения динамики общественной жизни. Государственная константа является принципом, который требует конкретизации. Народное голосование и призвано дать стабилизированной народной воле конкретные приложения к частным случаям государственной жизни.

Мы считаем, что, опять-таки в идее, а не в практике, советская система дает возможность удачно сочетать наличность стабилизированного общественного мнения с его динамикой. Советская система слагается из диктатуры единой партии и из ряда «представительных» учреждений. Первая воплощает начало постоянное, вторые — начало подвижное. Правильное сочетание этих двух начал и составляет основную задачу евразийской политики.

в) Наши противники упрекают нас в том, что мы копируем режим коммунистической диктатуры и, если стремимся к его преобразованию, то только путем превращения правящей партии в новое дворянство, которое будет, подобно старому, стоять наверху государства и управлять им. В подобном упреке обнаруживается бедность и косность демократической мысли, которая привыкла к установившимся трафаретам и вне их вообще ничего не представляет. Наше новое понятие государства принимает во внимание опыты прошлого и настоящего, но не делает из них каких-либо безусловных норм. Для истории России особо характерна наличность правящего слоя, который ранее олицетворялся в дворянстве, ныне олицетворяется в коммунистической партии. Но ни учреждение дворянства, ни фактическое бытие коммунистической партии не решают проблемы организации правящей группы в государстве нормального типа. Дворянство было основано на наследственных привилегиях, дарованных тем, кто особо отличился в государственной службе. Дворянство не было, следовательно, организацией идеологической, потому дворянство и обречено было на духовное изживание, на идеологическую смерть. Избавиться от этой судьбы наше дворянство могло бы только в том случае, если бы оно само организовалось на основе какой-либо почвенной, национальной идеи. Дворянство же наше такой идеи не нашло, напротив, оно офранцузилось, омасонилось, явилось наиболее активным фактором нашей европеизации. Дворяне были первыми нашими проповедниками европейской революции, которая, раз свершившись, истребила своих отцов до последнего корня. Новый, революцией рожденный правящий слой имеет то преимущество, что является об'единением идеологическим, однако ему свойственны и громадные недостатки. По существу своему его идеология является ложной и кроме того нам чужеродной, заимствованной с Запада. И, что самое главное, по положению своему в государстве новый правящий слой имеет характер западной партии, т. е. частного об'единения, преследующего некоторые политические цели. В смысле юридического положения коммунистическая партия никак себя не закрепила: в советском государстве она существует фактически, оффициально в советской конституции о ней ничего не говорится. Поэтому вся постройка советского государства как бы двоится между оффициальными учреждениями

советов и неоффициальными учреждениями коммунистической партии. Получается два правительства, — явное и тайное: с'езды Советов и их органы, с'езды партии и ее органы. Такое положение нельзя признать нормальным. Оно необходимо толкает или к превращению советского режима в многопартийный, или к конституционной легализации «партии», как оффициального органа республики. Теперешние вожди республики должны понять, что перед нами — только эти два пути, причем вступление на первый означает превращение России в подобие Европы второго сорта, вступление же на второй является попыткой построения государства нового типа.

Новый же тип государства требует, чтобы тот общественный слой, который является носителем стабилизированного общественного мнения из политической партии в европейском смысле этого слова превратился бы в органическую часть государства. Мы видели уже, что такими частями являются территориальные элементы республики, ее профессиональные и национальные клетки. Правящая партия» должна быть поставлена наряду с ними, как носительница органической государственной идеи. Тогда вышеназванная проблема сочетания государственной константы с государственной динамикой решается путем организации правильного соотношения в советах делегатов от территориальных и национальных частей и от профессиональных организаций с делегатами от правящего слоя.*)

2) Таким образом в нашем государстве мы партии заменяем реальными общественными слоями, — и это создает условия, при которых нам партии и технически становятся ненужными.. Наши противники говорят, что мы хотим запретить другие партии и властвовать при помощи диктатуры. Но, если брать нормальное государство в нашем понимании, то дело идет не о механическом запрещении партий, а о сложной политике, направленной на уничтожение партийного режима. Мы не будем запрещать партии, но безусловно будем бороться при выборах с тем навязыванием партийных программ, с той безобразной партийной рекламой, с теми бессовестными приемами посулов и обещаний, к которым прибегают современные политические партии. Да и при выборах в советы все эти приемы не будут нужны, а кроме того ни одна из современных русских, ничтожных партий ими не сумеет воспользоваться. Приемы эти пригодны, когда избиратель представляет аморфную массу, идущую к урнам и голосующую те списки незнакомых ей лиц, которых выдвинули партийные комитеты. А когда выборы происходят в каждом селе, то выбирают по деловому признаку, по местной деловой программе, а не по посулам.**) Тем более деловой принцип господствует в последующих стадиях, когда происходит отбор делегатами наиболее способных и опытных лиц. Современные представители русских политических партий потому и против советской системы, что они отлично понимают ее несовместимость с партийным режимом. «При советской системе партиям делать нечего, а потому долой советскую систему»... Однако, выборы при советской системе, если они делают не нужными партии, то они отнюдь не упраздняют свободу обнаружения мнений и борьбу различных течений среди избирателей. При выборах в советы мы вполне допускаем возможность деловых расхождений и деловых группировок. Но мы не хотим, чтобы избирателю его мнимые интересы вколачивала партия, — мы стремимся к тому, чтобы избиратель сам уяснил эти интересы и отобрал людей, которые окажутся истинно способными выражать волю нации, как некоторого органического целого.

Н. Н. Алексеев

---

*) Понятіе «правящего слоя в смысле Н. Н. Алексеева тожественно с понятием партии, знаменующей собою «часть света» (partem murdi), в ее целом, иначе — «активного нумена нации (или группы наций), ихъ стяженного воплощения». Подобную Партию (правящий слой) нужно строго отличать от партий многопартийной системы.

**) Резюмируя вышеизложенное можно сказать, что евразийцы стремятся к осуществлению такого строя, в котором определилась бы *функциональная ненужность* партий, в смысле многопартийной системы.

АРМИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ.

(по поводу книги ген. Ю. Н. Данилова Россія в міровой войнѣ, 1914 - 1915 г. «Слово», Берлин, 1924).

Въ течение 1914 - 1915 гг. русская армия проявила и, к несчастью, исчерпала свою творческую инициативу и свой боевой порыв. Вместе с переменою верховного командования она перешла к пассивной позиционной обороне и к самоотверженному выполнению частных и подсобных заданий, которые вытекали из обще-союзных операций. Первому периоду и посвящена книга ген Ю. Н. Данилова «Россия в мировой войне», 1914-1915 г.г.», вышедшая еще в 1924 г. (Берлин, изд. «Слово») и переведенная на немецкий и — с дополнениями о дальнейшем развитии операций на русском фронте — на французский языки.

Труд ген. Данилова представляется по данному вопросу пока единственным. Он сочетает в себе объективное научное рассмотрение указанного периода с личными впечатлениями и выводами автора, занимавшего ответственный пост генерал-квартирмейстера русской армии. Однако положение автора не обусловило его работы в дурном смысле: не увлекло его в сторону пристрастных оценок, обвинений и самооправданий. Перед нами объективный историк, сумевший отделить события от своего в них участия. Нам кажется, что этому способствовала широта, с которою поставлен вопрос. Автор не случайно назвал в заглавии имя России: он не ограничивает себя изложением узко-военных операций, но рассматривает их, как момент в истории всего, окончательно сорвавшегося в 1915 г. плана войны, и связывает их с положением армии, соотношением между нею и страною и состоянием самой страны. Правда, центром являются военные операции и все остальное дано в очень сжатой форме, но зато и обобщенно, что возвышает книгу над уровнем сборника материалов, каким является, напремер, труд ген. Деникина о гражданской войне. С другой стороны, сжатость изложения не препятствует тому, что тема книги является не узко-военною, а обще-историческою и существенно-важною для всякого русского человека, а не только для специалиста военного, как, скажем, книга ген. *Головина* о восточно-прусской операции. К тому же труд ген. Данилова важен для понимания будущего России потому, что посвящен объективному анализу ее прошлого, а не суб'-ективным домыслам о том, какова будет будущая русская армия, что является попыткою решать уравнение с одними только неизвестными.

Конечно, не будучи специалистом, но — лишь внимательным читателем военной литературы, я не склонен разбирать и оценивать кн. ген. Данилова с чисто военной точки зрения. Но мне кажется, что в данном случае надо высказаться по существу целого ряда общих тем, которые автор или ставит прямо или заставляет читателя поставить. А заставляет поставить некоторые темы он и потому, что, как сказано, не ограничивается собственно военной историей, и потому, что в его постановке тема войны оказывается насыщенною глубоким внутренним драматизмом. За умело сгруппированными и бесстрастно изложенными фактами развертывается трагедия великодержавного плана войны, трагедия русской армии, и, наконец, трагедия самой России.

Вместе с другими выдающимися специалистами (ср. в России работу Свечина) автор энергично отстаивает то положение, что современная война есть война народов, а не война армий и правительств и что успех военных операций зависит прежде и более всего от «подготовленности» к войне всего народа, от связи его с армией и их взаимоотношений. Таким образом война приобретает полный смысл исторического факта, и для понимания ее становится необходимым дружное сотрудничество военных специалистов с историками и философами. Надо, чтобы военные историки ставили проблемы так, как их ставит автор, и даже еще шире и глубже, и чтобы «штатские» ученые и просто желающие быть сознательными и ответственными русские люди изучали историю войны и военное дело, введением к чему и может служить книга ген. Данилова.

Дело тут совсем не в любви к рассказам о героических подвигах, лихих кавалерийских атаках и отдельных операциях — такого интереса и в русском обществе всегда было достаточно, — и не в увлечении примитивно-популярными очерками военных обозревателей, характерном для первого периода войны и расплодившем доморощенных стратегов, даже «военных министров» и «главнокомандующих». Дело в серьезном и ответственном внимании к войне и к армии. И вот, в связи с пониманием «народности» войны обнажается вся противоестественность психологии старого русского общества, «передовые» элементы которого либо расплывались в сентиментально-наивном пацифизме и рассматривали армию, как — в лучшем случае, неизбежную — организацию человеконенавистничества, либо видели в ней орудие «царизма» и классового господства. Ведь даже наиболее вдумчивые и сознательно патриотические люди не возвышались, по горькому замечанию автора, над пониманием долга и права всякого гражданина жертвовать собою за интересы отечества, как военной «службы» и «повинности». В лучшем случае, в армии видели необходимое средство самозащиты, и не размышляли о том, что великая культура и великий народ живут не ради самообороны, а ради активного осуществления своих положительных задач и что для осуществления этих задач необходимы инициативно-активная внешняя политика и одушевленная военною инициативою армия. В действительности не только пацифизм, приличествующий, впрочем, боязливым и слабым, но и воззрение на войну, как на обусловленное временным несовершенством человечества зло, а не как на необходимую форму эмпирически непреодолимого несовершенства мира, уже ослабляет волю культуры или свидетельствует о ее ослаблении. Есть в войне абсолютно значимый смысл, хотя, конечно, и не во всякой войне, смысл, определяемый не как самозащита культуры, а как ее активное самораскрытие, только путем войны осуществимое, хотя война и форма несовершенного бытия. Попытка отрицать онтологическую необходимость войны в несовершенной эмпирии — утопизм, не меньший, чем утопизм социалистический; и релативизация войны столь же ошибочна и вредна, сколь и милитаризм во что бы то ни стало. Одним словом наша эпоха нуждается не только в философии культуры, но и в философии войны.

Здесь мы философии войны развивать не собираемся. О ней не высказывается и автор подавшей повод к нашим размышлениям книги. Тем не менее последовательно проводимая в книге идея «народности» войны подводит вплотную к проблемам этой философии и, надо полагать, посодействует хотя бы временной победе над скрыто и явно пацифистскими умонастроениями. Говорю о «временной» победе, ибо боюсь оптимистических преувеличений и считаю нужными некоторые оговорки. — Несомненно, что всякая «большая», заслуживающая своего имени война, т. е. война, которая ставит под угрозу самостоятельное бытие или самостоятельное развитие, «жизненные интересы» народа, тем самым будет «народною» войною. Несомненно, что ближайший исторический период будет означен сознанием «народности» войны и армий. И несомненно, наконец, что выдвигаемым ныне с особенною настойчивостью положением определяется истинное существо войны и армии. Однако существо это может и не осознаваться или подвергаться более или менее значительным искажениям. Так народные армии неоднократно утрачивали явственную связь с народом, обособлялись от него и становились кастовыми организациями, а народные войны перерождались в войны правительств и государей. Подобное перерождение мы встречаем во Франции на протяжении какого нибудь десятка лет, закончившегося единодержавием Наполеона, еще ранее в Риме, перешедшем после Пунических войн и Гракхов к армиям наемников и войнам государей. Нет гарантий, что то же самое явление не повторится еще много раз; и во всяком случае, предотвратить разрыв между народом и армией не менее трудно, чем предотвратить разрыв между народом и его правящем слоем. Впрочем, оба разрыва — лишь два проявления одного и того же основного факта, отраженного и отживающими формами демократии.

С нашей точки зрения, одна из главных задач заключается в изыскании таких политических форм, при которых разрыв между народом, с одной стороны, и правящим слоем и армией, с другой, являлся бы наименее вероятным. Мы не можем удовлетворяться счастливым фактом и надеяться, что он сам собою удержится, но считаем необходимым добиваться того, чтобы пробудившееся сознание истинной природы войны и армии, т. е. их народности, не заглохло, а воплотилось в обеспечивающих его дальнейшее развитие формах. Вот почему исключитель-

ным значением обладает осознание минувшей войны, как существенного факта р у с с к о й истории. В этом отношении очень многое сделано ген. Даниловым, и для многого еще его труд дает богатый материал, вынуждая к совершенно определенным выводам. Конечно, автор не ставит ряда проблем — тех, которых мы далее касаемся; и это связано с постановкою его темы. — «Россия в м и р о в о й войне». Россия, стало быть, рассматривается, как одна из слагающих более общего процесса — обще-европейской войны, явившейся началом действительно «мировых» событий. Такая постановка вопроса, разумеется, вполне возможна и законна, и мы оспаривать ее правомерности нимало не собираемся, хотя период, рассматриваемый автором, в значительной мере заполнен инициативою России. Для Европы это — единственно возможная и интересная трактовка темы. Но для нас существеннее понять войну, как факт р у с с к о й истории и с точки зрения р у с с к и х интересов. И если значение русских операций не только для Марнской победы, но и для всего хода и исхода войны, значение ясно и убедительно показанное автором (ср. еще дополнения во французском переводе), не заставило в свое время союзников забыть о своих эгоистических интересах и притти на помощь России тогда, когда такая помощь казалась еще возможною, — оно обладает для будущего еще меньшею действенностью и останется не более, чем новым примером бескорыстного служения России интересам Европы. Напротив, осмысление войны с р у с с к о й точки зрения представляется для нас, русских, практически в величайшей степени важным.

Примерно со времени японской войны русское государство и русское общество вступили в период быстрой дезорганизации, закончившейся революцией.

Весь правящий слой, т. е. и правительство и общество, утратил чувство своеобразия русской культуры. Он ухитрился вытравить в себе и основательно заглушить в народе сознание единства, величия и великодержавия России. Мы не хотим сказать, что в правящем слое не было свойства, обозначаемаго иностранным словом «патриотизм», хотя и здесь нужно сделать существенные оговорки. Мы утверждаем, что не было великодержавнаго самосознания. Ведь даже в политически правых кругах, где национально-культурное самосознание еще пыталось заявлять о себе, оно не возвышалось над уровнем смутного, идейно бессодержательного чувства и «биологического» патриотизма, не раскрывалось в осознании особой исторической миссии России и в обращенной к ее будущему идеологии.

Вопреки весьма распространенному предрассудку, — очень часто, если не чаще всего, как раз армия является наиболее ярким и наиболее стойким, ибо организованным носителем народных идеалов и традиций. Это определяется «народною» природою армии и сказывается тем больше, чем она «народнее». Правда, не армия развивает и обосновывает народную идеологию: она ее лишь приемлет, впитывает и хранит, как нечто уже данное, и, естественно упрощая ее, живет не ее проблематикою, а ее общими основаниями. Но именно потому армия и традиционалистичнее, чем другие об'единения и организации; именно потому народные идеалы живы в армии еще и тогда, когда в обществе они уже не существуют или перерождаются, а сама армия нередко является искупительною жертвою за старые и не ею совершенные грехи Но именно в связи со своею обращенностью к прошлому армия более обращена к р е а л ь н о м у будущему народа, чем так называемые «прогрессивные» (т.е.мечтательно-абстрактные) элементы общества. В силу своей консервативности армия истинно прогессивна. Такою была русская армия; и только русское общество никак не могло этого понять, как не заметило оно до сих пор и того, что в эпоху дезорганизации старого государства русского одна армия была здоровою организующею силою.

Указываемая роль армии стоит в теснейшей связи с ее природою, непонятною для пацифистски-антимилитаристического, а по существу всегда эгоистическаго общества. Естественно, что социалисты, признававшие реальностью только «классы», собственно говоря — лишь два класса: «пролетариат» и «врагов пролетариата», и отрицавшие все не-классовое, т. е. народ и народное государство, и народно-государственные идеалы, должны были отрицать и народную армию, доказывая, будто она лишь средство классового господства. И хотя они сами мечтали, как и подтвердилось на деле, о классовом господстве пролетариата и, в том случае, если они умели размышлять, о пролетарской армии, существующей не для обороны и уничтожающей людей не сочинениями Маркса, а оружием, — они тем не менее

не стыдились играть на расслабленно-пацифистских чувствах общества. Они уверяли, что армия — организация убийц, а толстовствующее общество укреплялось в своем безвольном прекраснодушном антимилитаризме. Армии не только впорадно ставили в вину то, что правительство пользовалось ею для полицейских репрессий, но упорно искажали образ армии. Думали о том, что на войне убивают; но не думали , что на войне и умирают. Видели привилегированное положение военных, но так и не удосужились заметить, что привилегированное положение, к тому же преувеличенное, более чем оправдывалось бескорыстною жертвою собой не за себя, а за Россию. Ибо можно заподозрить в своекорыстии купца, промышленника, рабочего, крестьянина (не говоря уже о политике), хотя тут и привыкли говорить о великом значении труда; но нельзя считать своекорыстным идущего на смерть солдата и офицера, хотя бы и не принято было говорить о великом значение жертвы. Неужели же и теперь, после войны и революции трудно понять самоочевидные истины? — Армия не организация истребления, а организация народного самопожертвования за честь прошлых и благо будущих поколений. И если правда, что бескорыстная жертва не остается бесплодною, испытания русской армии во время войны и русского офицерства во время революции — залог великого будущего России.

Все сказанное отнюдь не является идеализацией старой русской армии, недостатки которой явственно обнаружились в течение войны. Частью и армия была разложена ядами, разложившими общественность, что и сквозит за многими утверждениями ген. Данилова, несмотря на большую его сдержанность и полное умолчание о политическом прожектерстве ген. Янушкевича, а в значительной мере и прямо им высказывается. Много было косности и бюрократической волокиты. Высший командный состав оказался в целом не на высоте. Выработанный Генеральным Штабом и прводимый Ставкою план войны с самого же начала встретил серьезное противодействие со стороны командования Юго-Западного фронта, противодействие, объяснимое лишь иным замыслом войны и, во всяком случае, тенденциями прежней, еще не обновленной армии. Наконец, нет нужды говорить здесь о недочетах в технической подготовке. И все же, если мы сопоставим русскую армию после Японской войны с нею же в 1914 г., если мы вспомним, что период с 1905-го по 1910-й год включительно был «периодом нашей военной беспомощности», —работу, произведенную нашей армией менее, чем за 10 лет, приходится признать похожей на чудо. И это в атмосфере общественного равнодушия, а частью даже недоверия и недоброжелательства, в которой приходилось действовать руководителям и реорганизаторам нашей военной силы (автор с благодарностью вспоминает о содействии со стороны Гос. Думы, «октябристской»!) Как ясно из сжатого, к сожалению з—сжатого изложения автора, русская армия успела обновить нисший и частью средний командный состав, поднять на небывалую для России высоту военную технику и оживить деятельность Генерального Штаба новыми идеями и новыми людьми.

По совести следовало бы не говорить о том, что армия была к войне еще не готова, а удивляться тому, что она была—при полной неготовности правительства и общества — в такой степени к войне подготовлена. Первые впечатления редко обманывают. А у русских людей в начале войны было впечатление неожиданного, почти чудесного перехода от паники или, по крайней мере, мрачных (говорили: «серьезных») прогнозов первых дней к изумлению перед обнаружившимися мощью и спокойною уверенностью армии. Стало очевидностью, что в стороне от политической шумихи, почти незаметно совершена была какая-то грандиозная работа. И эта работа, явившая русское великодержавие забывшим о нем русским людям, была великим национальным подвигом и началом нового русского великодержавного самосознания. Так первая, еще бескровная жертва армии не пропала даром, ибо великодержавное самосознание несомненно и неотъемлемо присуще новой, рождающейся из революции России, и она без него немыслима.

Вероятно, найдутся зоилы, которые усмотрят в данной автором характеристике состояния русской армии до 1910 г. и в 1914 г. преувеличение. Но если бы армия сделала несравнимо меньше, если бы она только сохранила себя такою же, как она была в период растущих дезорганизационных процессов (чего, во всяком уже случае, сказать нельзя), и то

ее заслуга перед Россиею являлась бы неизмеримо большою. Но автор основывает свои утверждения на фактах, и утверждения его сходятся с наблюдениями и впечатлениями со стороны. Кажется, что спорить не о чем. И блестящее подтверждение сделанных выше выводов мы находим в плане военных операций, который получил свою окончательную форму в 1912 г. В этом плане продуманность и трезвый учет технических возможностей сочетались с идеею широкого наступления и грандиозной борьбы с двумя противниками. Им отстранялись и пассивная оборона, и сведение русской армии к роли простого оттягивающего силы от французского фронта средства, и расчет на случайные и чисто внешние эффекты глубокого продвижения в Австрию, т. е.—позволю себе сказать без всякого момента оценки — «авантюризм». Ни первая, ни второе, ни третий, очевидно, не соответствовали великодержавию России. По величавости замысла я бы сопоставил наш военный план только с замыслом немцев; по степени продуманности предпочел бы его французскому, в котором темным пятном являются операции на правом фланге. Как бы то ни было, русский военный план, лишь теперь доступно для широких кругов изложены и в судьбе своей прослеженный ген. Даниловым, представляется воплощением русской великодержавной идеи.

Действительность показала его неосуществимость, и первая же неудача в Восточной Пруссии была началом его конца. Авторы плана и верховное командование, очевидно, просчитались. Они недостаточно учли неподготовленность к войне всего русского народа и переучли подготовленность русской армии. В труде ген. Данилова вполне раскрывается это трагическое несоответствие между замыслом и действительностью, все время нарастающее и, наконец, завершающееся гибелью плана и роковым надломом армии. Задним числом легко усмотреть совершенную ошибку и еще легче обвинять тех, кто ее совершил. Но вместо подобного, довольно бесполезного занятия лучше уяснить себе самое глубокое основание ошибки. А оно, несомненно, заключалось в том, что вера армии в великодержавие России заставила переоценить возможности русской действительности. Эта вера не была ложною для русского прошлого и для русского будущего, но она упреждала будущее и потому переоценивала настоящее. Едва ли русское общество, своею, мягко выражаясь, «неподготовленностью» к великодержавным задачам России обусловившее неудачу, вправе обвинять русскую армию за «возвышающий обман», жертвою которого она пала. И не лишне поставить дальнейший вопрос. Могла ли и должна ли была русская армия поступить иначе? Хотим ли мы теперь, задним числом, чтобы не было в прошлом достойного величия России плана войны и героической борьбы за него, чтобы не было ни Галицийской победы, ни, следовательно, и поражения в Восточной Пруссии, чтобы русская армия отступала, расчитывая на время, отсиживаясь в окопах, или рискнула иным разгромом в «авантюрах» на Австрийском фронте? Не забудем, что вынужденная пассивность фронта, отсутствие инициативы у верховного командования и вся разлагающая обстановка позиционной войны впоследствии более надломили дух армии, чем разгром пруссаками войск ген. Самсонова. Русская армия и в ней русский народ хотели достойного России ведения войны, а не выжидания и отсиживания.

За веру в Россию. за сознание русского великодержавия мы бы должны были не обвинять, а ценить и чтить нашу побежденную армию: так, как умеют чтить свои побежденые войска и своих побежденных вождей немцы. Не будем лучше вспоминать о том, как сумело отплатить армии русское общество, ибо ведь оно и до войны и в начале революции в лице своих «передовых» элементов и революционных министров вырыло пропасть между солдатами и офицерством.

Мы не привыкли по настоящему ценить жертву, т. е. узнавать ее плоды, и не умеем вскрывать пользу неудач. Поэтому мы и не замечаем, что русская армия впервые после долгого периода биологического существования России воплотила идею русского великодержавия и что воплощенная ею идея легла краеугольным камнем в строение новой России. Армия погибла, но погибла она за идею, которая в ней родилась и пережила и ее и революцию. Русский народ не забыл и не мог забыть явленного ему его

великодержавия. И новая, создающаяся через революцию русская национальная армия вобрала в себя элементы старой, погибшей, и унаследовала ее великодержавный дух. Если коммунисты планируют все в «планетарных» размерах, то есть соответствие этой планетарности и в новой русской армии, только, конечно, не коммунистически-интернациональное, а великодержавно-русское.

Так неожиданно соединяются в новой России наследие революции с наследием погибшей русской армии, и осознается непрерывность русского исторического процесса, ибо новая Россия строится народом чрез революционный процесс, но на почве, напоенной кровью павших за устремление к ней. Новая Россия не красная и не белая, а новая.

Я понимаю, что все это звучит парадоксом и что очень легко обвинить меня в приписывании армии, обществу и народу мыслей которых у них не было. Но такое обвинение покоится на ложной предпосылке, что у них и вообще нет мыслей, а мысли есть лишь у индивидуумов, и что нет ничего, кроме индивидуумов. Само собой разумеется, индивидуумы (за очень редкими исключениями)высказываемого мною не думали; и нет никакой необходимости, чтобы идеи такой реальности, как армия или народ, адекватно и правильно опознавались отдельными их представителями. Эти идеи выясняются в целом законченного исторического процесса, являясь его смыслом. Индивидуум осознает идеи и волю народа, как смысл его истории. А то, что русская история послѣдних 15 лет не бессмыслица, представляется мне неоспоримым.

Мы утверждаем факт уже давно начавшегося слияния идеи русской армии с идеею революции. Русская армия связана с революцией еще и иначе. — Неудача замысла войны должна быть определена, как обесмысливание войны. Именно потому она внутренне связана с надломом военного духа армии и народа. Армия увидела, что великодержавное задание ей не удалось и что ей не за что биться. Отдельные конвульсивные попытки надолго обмануть не могли, да они и не кончались удачей. Внушить мысль, что великий народ должен сражаться не за свое будущее, а за Европу, было невозможно так, как и по существу это превращало народную войну в войну европеизованного правительства. Армия, впрочем, отчаялась не сразу. Сначала она пыталась искать «измену», надеясь, что искоренив измену, вернет себе свой боевой порыв. И неподготовленность к войне обернулась видимостью вероятия измены. Недостаток ружей и орудий, плохая разведка, плохие окопы,—все легко истолковывалось, как следствия измены, а общество жило тем же подозрением и командование армии питало его, хотя бы тем, что устроило показательную расправу с Мясоедовым и допускало маниакальное преследование евреев.

Мания измены была последним усилием умирающей веры армии в себя. Эта мания скоро переродилась в убѣждение, что весь правящий слой никуда не годится и что великая Россия невозможна без революции. Так думала армия, так думал народ, все более объединявшийся и сливавшийся с ее массою. Конечно, русский народ мог бы потерпеть, отсидеться в окопах и, получив причитающееся ему от союзников, приняться за свое переустройство по окончании войны. Но мог ли он в то время быть уверенным, что доказавший свою негодность правящий слой не доведет его до полной гибели и и что война кончится победою союзников, а союзники не забудут о жертвах России? Можно ли было сказать, что эта опасность меньше, чем опасность революции во время войны? И достойно ли великого,сознавшего свои неисчерпаемые силы и мировые задания народа отступать перед опасностями или выбирать наименьшую? Впрочем, во время войны революция была осуществима с большею легкостью, чем во время мира.

Таким образом наши военные неудачи привели русский народ, великодержавное самосознание которого было пробуждено от долгого сна подвигами и жертвами его армии, к сознанию необходимости внутренно перестроиться во имя своего будущего и своих исторических, общечеловеческих заданий. В начале русское будущее и русская историческая миссия еще представлялись связанными с победоносным окончанием войны. Но очень скоро стало очевидным, что цели России и Европы не совпадают, что война является борьбою чуждых нам узкоевропейских интересов и антагонизмов. Истинная цель России — организация евразийского культурного мира и, стало быть, новый чекан человеческой культуры — оказалась несоиз-

меримою с мелкими заданиями европейской политики. И тем самым был бесповоротно осужден приведший Россию к ненужной войне русский европеизм. Русский народ осознал свою великую миссию и свое неразрывно связанное с нею великодержавие. Но этого целиком не поняли ни коммунисты, подменявшие русскую миссию европейской выдумкой, ни белые, которые погибли за русское великодержавие, ибо связывали его лишь с прошлым и с прошлым европейским. На путях новой России, в которой уже нет ни красного ни белого, неизбежны были ошибки, и для ее будущего необходимым было жертвенное утверждение ее великодержавия. Так и те остатки русской армии, которые не влились в красную, а подняли белое знамя тоже приняли участие в созидании новой России — своею самоотверженною гибелью за ее великодержавие.

Л. П. Карсавин

«РИТМЫ ЕВРАЗИИ».

Противники евразийства, критикуя его, бьют мимо. Поборники другого круга идей, они не в силах, повидимому, отрешиться от раз навсегда предписанной им школы, с которой и подходят для оценки наших идей. Получается какой-то своего рода дальтонизм, невозможность различать некоторые цвета. В гамме красок, излучаемых раскаленным революцией телом России, наши критики бессильны отличить подлинное место евразийства. Их спектральный анализ вращается в кругу прежних дореволюционных интеллигентских окрасок, догм. Вновь открывшиеся, инфракрасные, лучи евразийства старыми методами, конечно, неуловимы. В старом спектре их не было. Вернее — в нем они еще не ощущались. Их проявила революция. Об этом коренном свойстве евразийства, на которое пробуют наклеивать какие-то старые пожелтевшие этикетки, особенно сильно думается при чтении Начертания русской истории. Автор, Г. В. Вернадский, и комментатор, П. Н. Савицкий, «кладут руля» по евразийской бусоли. Насыщают свежим степным воздухом наше историческое сознание. Дают ощущение устойчивости, крепости. Их строки дышут своей, своеобразной энергией. Русская история, сложившаяся на пространствах Евразии, осмысливается как таковая, без пригонки к схемам западного исторического процесса, протекавшего в условиях существования народов сбитых в тесную кучку, толпившуюся на путях евразийского полуострова, привеска к евразийскому континенту.

Живительное значение подобного подхода к историческому материалу для нас очевидна. Названный труд есть ценное руководство на путях русско-евразийского самопознания. Названный труд (к которому примыкает в отношении геополитическом предшествующая работа П. Н. Савицкого о географических особенностях России) является одним из достижений переплавки русского сознания в горне революционного становления России. Переплавка, в которой улавливаются определенные нами как инфракрасные лучи евразийства.

Противники евразийства, его отрицатели и хулители, постараются, вероятно, втиснуть и Начертание в негодные для него рамки старых схем того круга культуры, с которым Россия органически не была и не будет связана. Как метко выразился один из неруских оценшиков евразийства — для определения своего *я* оно прежде всего отмежевывается от своего *не - я*.

Эти беглые заметки просим не рассматривать как отзыв. Они являются лишь настойчиво просившимся под перо выражением отзвука в мыслях при чтении Начертания.

Отзвука тем более сильного, что с ним связаны в некотором смысле личные переживания пишущего эти строки. Речь идет о военных действиях на азиатском театре, свидетелем, иногда и участником которых пришлось быть в Персии, в Урмии, на курдском отрезке фронта, в момент максимального напряжения наших сил, тянувшегося от Арарата до Сулеймании. «Геополитическая сторона некоторых операций и походов» монгольских и русских. Ее под-

мечает и Г. В. Вернадский, схватывая общность евразийского ритма в походе Кубилая и в русско-японской войне (стр. 228). Ее же уточняет целым аккордом монголо-русской ритмики и П. Н. Савицкий (стр. 236): И тот, и другой упустили из виду на мой, может быть и небеспристрастный, каюсь, взгляд, — самый разительный и живой пример геополитического совпадения ритмов монгольского и русского военного делания. Мы имеем в виду операции наши на только что упомянутом фронте, которые не только во многом сближаются с монгольскими операциями Хулагу на этих-же плоскогориях, среди этих-же хребтов, но в значительной части были осуществлены нашими забайкальскими казаками, насчитывавшими в своих рядах не мало бурят, прямых преемников монголов, выделенных теперь, как мы знаем, в автономную бурято-монгольскую республику. Что может быть нагляднее и убедительнее этого красноречивого этнического и геополитического совпадения, этого евразийского ритма, который мы очень сильно ощутили там, далеко, на берегу Урмийского озера. Лишний пример того, как евразийство жизненно, вынесено на гребне действительно бывшего, только что прожитого вчера и станет подхвачено тем, что будет переживаться завтра, а не является чем-то измышленным искусственно. В этом ощущении наша несомненная сила. Так как для нас ощущения, чувства являются столь же сильными ф а к т а м и, как те факты (особым родом препарированные надо думать?), на которые нас приглашают опираться наши критики, уличающие нас в отрыве от действительности в фантастике, и боящихся зыбкой почвы чувств.

Да, фантастика! все эти еще столь живые в памяти образы. Походная колонна тянется под знойными лучами персидского солнца. Перекресток. Куда итти? Головной дозор верхнеудинцев выставил «маяк». Этакий плосколицый, скуластый, казачина-бурят, со своей винтовкой, пикою, и всяким добром притороченным к седлу. Зорко глядят раскосо-поставленные глаза. Стоит не шелохнется большеголовый, широкогрудый, мохнатый и злой конек его. И дальше потянулась колонна по указанной тропе. «Непрерывность сухопутного пространства», «Освоение его русской государственностью». Читаешь эти формулы и видишь за ними, рядом с бурятом, «братским», русского казака забайкальца; русого, сероглазого, на много здоровее сложением, так-что кажется иной раз будто конек не о четырех, а о шести ногах. Эти освоители евразийских пространств, эти «пари», как сами меж собой перекликаются, поражали меня своей способностью быть у себя в самых глухих углах центрального Курдистана, где каждая экспедиция была не только военной, но и научно географической, где мы часто бродили ослепу, не имея карт; не потому, что по небрежности штабы ими не запаслись, а так как есть в Курдистане места менее известные, нежели где нибудь в Центральной Африке, — белые пятна на карте; так вот в этих самых гиблых местах наши аргунцы, читинцы, нерчинцы и тп., рысили на мохнатых коньках своих, как у себя дома, ходили дозорами, разведывали, языка добывали, — и все это проделывали так сказать в терминах своей забайкальской географии: ущелия оставались для них и здесь «падями», курдские сакли прячущиеся по этим «падям», были «фанзами», курды — «манзами», просо «чумизой» и кукуруза «гяоляном». Все плоды земные для наших «парей» были безразлично «ягодой», будь то виноград, инджир или дыня. Эта приспособляемость, это свойство духа как бы сжимающего громадные пространства через их уподобление, в соединении с выносливостью и настойчивостью, в другом применении, не в военной обстановке, дали нам Дежневых, Челюскиных и др., часто оставшихся безымянными, освоителей евразийских просторов. На этих просторах менялся волевой центр, направлявший устремления. В XIII в. направление указывалось из Каракорума, в XX в. из Петрограда; но мощность охвата осталась преемственно той же. Благодаря выпуклой схеме Н а ч е р т а н и я совпадение ритмов Евразии нами раз навсегда должно быть продумано, прочувствовано и усвоено.

В нашу задачу не входит здесь исследование об эпохе Ильханидов, преемников Хулагу, в истории Персии XIII, XIV в. в. Нам хотелось примером взятым из современности, подтвердить одно из положений Н а ч е р т а н и я. Кроме сказанного нужно-ли напомнить, что некоторые географические названия района военных действий так ясно хранят в себе монгольские переживания: перевал Ям (между Джульфой и Тавризом), Саин Кала (к ю. в. от Урмийского озера), Алики — искажение Хулагу, одна из станций Джульфа-Тавризской

ж. д. башня и мост Хулагу в Марагу и т. д. Легенда помещает клад с сокровищами Великого Хана на одном из островов Урмийского озера. Многое можно было бы еще сказать, оставаясь в области этих исторических сближений и реминисценций, если обратиться например к вопросу об айсорах, осколках тех несториан, которые в монгольскую эпоху развили в Монгольской державе поразительную миссионерскую деятельность. В Начертании не раз говорится о той или иной ханше, что она была христианкой-несторианкой. В последнюю войну потомки несториан, айсоры, гл. обр. горские, из Санджака Хаккяри, во главе с своим Патриархом Мар-Шимуном, были на нашей стороне. Соглашение 1916 года, отдававшее России Армению и Курдистан, было в евразийском аспекте как бы повторением завоеваний Хулагу в этих же местах. Есть мелкие бытовые черточки, которые носят в себе какой-то глубокий смысл. Монголы Хулагу осаждали город Эрбиль (от которого был в каких нибудь двух переходах ген. А. Г. Рыбальченко в 1916 г., находившийся в Равандузе и имевший справа от себя забайкальцев ген. В. А. Левандовского); многие монгольские всадники имели у острия своих пик привешенные крестики; они были несторианами. При взятии Багдада дома несторианского духовенства, «аркаун»-ов избежали «потока и разграбления». Я не мог не вспомнить об этом, так сказать «от противного», рассматривая искусно вышитые цветной шерстью крестики, помещенные у горцев-несториан на их сандалиях, «решик»-ах.

Помимо подтверждения жизненным материалом правильности евразийских построений Начертания, нам хотелось этими строками напомнить, что было бы позором и ничем не оправдываемым безразличием к памяти павших, если бы одна из самых блестящих по своему историософическому значению страниц нашей военной истории в Азии осталась не написанной.

Когда говорят, — а это бывает так редко, — о «второстепенном» персидском театре, причем речь идет всегда о Керманшахском (ген. Н. Н. Баратова) направлении, то охотно впадают в мелодекламацию нашего лжеевропеизма с неизбежным упоминанием Александра Македонского, по следам которого... и т. д. Нужно отказаться от этих фальшиво звучащих перепевов. Кампания в Персии должна и может вызывать в нашей памяти не македонские фаланги, шедшие с Запада на Восток и ничем не связанные с евразийскими волевыми и пространственными началами, а всадников-монголов Хулагу. Ярким повторением в широком историческом масштабе считаем мы движение этнически сродных масс по воле — тогда монгольского великого хана, теперь — русского белого царя, Цаган-Хакана. И тогда , и теперь испили евразийские кони тигровой струи.

26.9.1927. Париж.

В. П. Никитин

В ЗАЩИТУ АНАЛОГИЙ

Наука о государстве, обществе, человечестве — в общем социология — должна быть отнесена к наукам биологическим, к наукам о живом, об организме. К ним же принадлежит и история, поскольку понимать ее надо шире простого хронологического констатирования. В ряду наук о существе социальном истории принадлежит думается то же место, что медицине в ряду наук о существе биологическом (в узком общеупотребительном смысле этого слова). Отыскание закономерности процесса — задача обоих параллельных наук; в этом отличие прагматической истории от простого летописания и экспериментальной медицины от знахарства.

Методология обеих наук разработана в наше время довольно подробно. Остановлюсь сейчас на одном частном только методе, методе затасканном и опоганенном — но тем не менее первостепенной важности — на аналогии.

Конечно, аналогия — вещь опасная. Кому я думаю не набили оскомины сравнения русской и французской революций. Мне в начале революции пришлось где то вычитать такую аналогию: Робеспьер-Ленин, Дантон — Троцкий, Марат — Луначарский. Некоторая правда имеется конечно и в такой аналогии — если разделить например Робеспьера между Лениным, Сталиным Дзержинским, то фигура получится довольно полная: Дантон и Троцкий — тоже пожалуй аналогия, имеющая некоторый смысл — в те времена даже предсказательский (неудавшийся бонапартизм); ну а Марат — и Луначарский — это пожалуй, как говорят, только для рифмы. Да не в этом дело; не о такой внешней, дешевой аналогии речь.

Когда обычно возражают против применения метода аналогии в сравнении русской и французской революций, говорят: «да тут обстановка совсем иная, события совсем другие, а вы сравниваете». — «Там, говорят, политическая — а тут социальная; — а потом там Франция, а здесь Россия — как же можно сравнивать».

Тут то и заложено всё непонимание сущности аналогии. Ведь не в обстановке, не в событиях, не в индивидуальности организмов дело — дело не в форме выражения, а в качестве сущности. Врач одинаково определяет сыпной тиф и у негра и у финна и у 40,5 температурного и у 38,4 градусного, и у лежащего в госпитале и у сидящего на пероне вокзала, и у старика и у мальчика. Не их индивидуальность он определяет, ни чем болезнь кончится, ни что было до этого — а какой процесс и в какой стадии.

Последовательность стадий закономерна. После заболевания идет наростание болезни, кризис, а потом выздоравление; ни в обратном порядке ни в перемешку не бывает. Форма выражения стадий и их сравнительная длина — величины конечно переменные — весь смысл закономерности в органической последовательности этих стадий.

Дешевая аналогия действует сравнением фактов и имен. — Настоящая, необходимая — сравнением стадий.

Не сравнением Казалеса и Пуришкевича, Барнава и Милюкова, жирондистов и левых эсэров, Ленина и Робеспьера — провидятся факты будущего, — а диагнозом стадии.

А стадия уже выражается довольно четко как стадия выздоровления. Заболевание, идущее от середины прошлого века и достигшее апогея в кризисе 1916-1919 годов уже в прошлом. Сейчас — начало выздоровления, накопления новых сил — путь к расцвету.

Линия русской истории стала вновь подыматься. Произошла историческая вулканизация, перемещение и очищение умершего, обновление организма. Впереди период расцвета и величия.

По французски это называлось бонапартизмом. По русски мы хотим назвать это евразийством. По качеству между этими двумя понятиям общего мало (так же как между Россией и Францией вообще) — это всего лишь аналогичные этапы революционного процесса.

И потому мимо попадут возражения: «какой же бонапартизм без Бонапарта», — а «фигуры то и не видно», и тому подобные.

Не в Бонапарте дело, а в идеологии новых, сильных людей, переживших и понявших смысл революции.

В конце концов всегда наступает момент, когда революция начинает сознательно пониматься массами, когда смысл ее оценивается даже обывателем. Трудней всего это делается в эмиграции. А потому хорошими врачами определил бы я Жозефа де Местра и наших первых евразийских идеологов, ибо то, что сейчас очевидно каждому, тогда еще и не мерещилось. Именно врачами, а не предсказателями, ибо течение болезни было неизбежно, важно было только уловить стадию.

Владислав Иванов.

ФИНАНСОВЫЙ ОБЗОР.

Государственные финансы СССР.

Финансовое положение советского союза очень напряжено и заставляет желать очень многого. Причины этого лежат в направлении советской экономической политики, связанной с теми классовыми целями, которые ставятся властью органам комиссариата финансов. Последующее изложение посвящено выяснению этих недостатков и причин их вызывающих, но одновременно с этим и указанию тех достижений в области организации государственнаго финансового хозяйства, которые позволяют советскому союзу своими силами, без помощи заграничного капитала делать попытку постепенного восстановления разрушений, нанесенных революцией, и голодом и плохо-ли хорошо-ли но удовлетворять текущие потребности государственного хозяйства.

К началу НЭП-а, т. е. в начале 1921 года от старого аппарата министерства финансов не осталось и следа. НЭП потребовал в первую очередь упорядочения финансов государства и создания вновь того налогового аппарата, который для этого необходим. В этой области в Советской России сделано очень много; и к началу 1927-го года в общих чертах воссоздано государственное финансовое хозяйство страны. В связи с новым административным делением страны и финансовые органы построены иначе, но в своей сущности приближаются к старой дореволюционной организации. Два главных органа это — финансовые инспекторы и финансовые отделы (губернские и областные)

Низшим органом являются налоговые комиссии, имеющие чисто бюрократический состав (фин. инспектор, представители исполкомов, проф. союзов и т. п.). В них включаются (по назначению) один или два плательщика налогов. У нынешнего финансового аппарата в лице фин. инспекторов много недостатков, из которых главнейшие то, что он отличается чрезвычайно низким качественно личным составом, и то, что в лице инспекторов сосредоточены не только органы обложения и контроля, но и органы взыскания. В настоящее время разрабатывается проэкт реформы, которая должна повысить заработок и качественный состав (требование непременного окончания Высш. Уч. Заведения) а с другой стороны должна функции взыскания налогов передать в руки милиции.

Центральный финансовый аппарат олицетворяется комиссариатом финансов, который отнесен к числу об'единенных нар. комиссариатов, при этом чрезвычайно централизованных.

Бюджетные и вообще налоговые права отдельных Республик, входящих в Союз, целиком подчинены власти Союза. Хотя формально в законе провозглашена самостоятельность финансовых прав отдельных Республик, фактически вся власть сосредоточена в руках Нар. Комис. Финансов Союза: «Союзный бюджет рассматривается совместно с бюджетами союзных республик в Сов. Нар. Комиссаров Союза ССР, по докладу Нар. Комис. Финансов и утверждается в форме единого бюджета одним общим законодательным актом». Еще более важным в смысле ограничения прав отдельных Республик является постановление об единстве кассы для комиссариата финансов Союза и отдельных Республик. Эта единая касса является источником покрытия всех государственных расходов как по общесоюзному бюджету так и по бюджетам отдельных республик. Все доходы и расходы по всем местным бюджетам проходят через единую кассу, которая находится в полном распоряжении Союзного комиссариата финансов. В порядке союзного законодательства определяются все доходные источники союзных республик.*)

Разграничивая источники доходов, закон (Положение о бюджетных правах от 29 окт. 1924 г.) относит в ведение Союза главные виды неналоговых доходов (от жел. дор., почты и телеграфа, главнейш. отрасли гос. промышленности) и важнейшие налоги: сельско-хозяйственный, промысловый, подоходный и все косвенные. Союзным республикам переданы налоги: рентный и наследственный, равно как местные неналоговые источники. Естественно что при таком положении вещей не удается без дефицита сводить республиканские бюджеты (кроме РСФСР), и союзу для их сбалансирования приходится сюда передавать часть общесоюзных налогов и разрешать к этим налогам очень значительные прибавки.

*) Также вопрос о заключении займов отдельными республиками относится к компетенции Союза.

Если теперь посмотреть на ту налоговую систему, которая за последние шесть лет создана Нар. Ком. финансов, то и тут надо будет признать довольно большие достижения. Главнейших налогов три: единый сельско-хозяйственный, промысловый и подоходный.

Единый сельско-хозяйственный налог создан впервые и не имеет аналогий в старой русской налоговой системе. Этот налог неоднократно реформировался и до сих пор не может еще считаться окончательно выработанным, но общие его черты уже ясно намечены. Налогу этому подлежит сельское население, занимающееся земледелием, коллективные и советские хозяйства. Налог взимается с каждого отдельного хозяйства по совокупности доходов, получаемых им в денежной или в натуральной форме от отдельных отраслей. Доход от полеводства исчисляется по количеству пахотной земли в хозяйстве. Окраины и Юго-Восток имеют льготу исчисления дохода по количеству посева, а не пашни. Ту же льготу имеют коллективные и советские хозяйства. Налог по своей сущности раскладочный, т. е. установлена низшая сумма, которую должен дать каждый район, в соответствии с чем и устанавливаются нормы доходности отдельных налоговых источников для каждой волости или района. Но для каждого отдельного хозяйства доход устанавливается волостной налоговой комиссией, чем об'ясняется большое значение этого института. Размер единого с.-х-ного налога определяется для каждого хозяйства в зависимости от дохода на каждого едока в хозяйстве. С первых 20 рубл. дохода на едока взимается — 2 коп. с каждого рубля и затем налог прогрессивно поднимаясь доходить до 25 коп. с каждого рубля дохода на едока в 100 рублей и выше. Для Укр. ССР размер налога установлен в виде пробы в зависимости от дохода не на едока, а на хозяйство, с соответственным изменением ставок. Установлен при этом по всей стране минимум дохода не подлежащий обложению (нормы различаются по отдельным республикам в пределах 25-30 руб. на едока или 60-90 руб. на хозяйство).

С.-хозяйственный налог строится так, чтобы он ближе всего подходил к подоходному, но, учитывая условия крестьян. хозяйства, подоходность эту он выражает описательно, путем перечисления источников обложения. В истекшем году налог был заплочен сравнительно легко, что заставило сов. власть идти дальше: она хочет на будущий год усилить обложение наиболее зажиточных крестьянских хозяйств, повысив процент обложений до 45 коп. с рубля при высших доходах. Удастся ли достигнуть этим благоприятного финансового результата, сказать трудно, но хозяйственный отрицательный результат будет конечно налицо, ибо этим будет остановлено улучшение зажиточных крестьянских хозяйств. Выявившееся в этом году сокращение посевов технических культур на будущий год хотят парализовать понижением обложения: нормы доходности технических культур должны всюду быть на 50% ниже норм зерновых культур.

В общем, хотя с.-хоз. налог очень тяжел, но он организован рационально и отвечает своему назначению. Хуже то, что, хотя этот налог называется единым, фактически крестьянская масса платит много иных сборов под видом самообложения. Это самообложение должно осуществляться на началах добровольного соглашения граждан и принятие даже большинством не обязательно для лиц не участвовавших в голосовании или голосовавших против. На самом деле местное начальство под видом самообложения вводит самые разные поборы. Напр., в Москов. губ. един. сельск.-хоз-налог составляет всего 24 проц. крестьянских платежей, а самообложение — 38,7 проц., натуральные повинности оценивались в 19,3 проц., страхование в 12,2 проц., и семянная ссуда в 5,8 проц. всех платежей. В других районах сельско-хозяйственный налог составляет около половины всех платежей, а самообложение от 25 до 35 проц. всех платежей. При этом самообложение и натур. повинности падают на бедное крестьянство сильнее, чем на зажиточное. «Революция в этой области крестьянского хозяйства не внесла никаких заметных изменений, и различные виды самообложения, а также натуральные повинности продолжали существовать и существуют в очень заметных размерах в настоящее время. Единственным, на что приходится здесь указать, это на полное отсутствие учета и даже какого бы то ни было представления о тех скрытых формах всевозможного рода платежей, которые платит современное крестьянство. В этом отношении произошло изменение по сравнению с дореволюционным временем несомненно в невыгодную сторону (Черцеховский «Самообложение и натуральные повинности в деревне». Вест. Фин. № 4— 1927 г.*)

Следующим крупным налогом является промысловый. Это налог городской. Он делится на две части: 1) патентный сбор, уплачиваемый по твердым ставкам вперед по особому расписанию разрядов, установленных отдельно для промышленных предприятий, торговых предприятий и личных занятий. Финансовое значение этой части промыслового налога не велико, но она имеет большое контрольное значение для второй части — уравнительного сбора. Эта вторая часть промыслового налога исчисляется по сумме оборотов предприятий, при чем сюда же зачисляется половина уплоченного патентного сбора. Уравнительному сбору подлежат все частные, кооперативные и государственные предприятия, поскольку эти последние переведены на хозяйственный расчет. При общей норме обложения в 1 проц. с оборота оптовой торговли, 1,5 проц. — розничной и 1,5 проц. для промышленности фактически государственная и кооперативная торговля пользуются огромными льготами. Это усугубляется еще тем, что определение оборота частных предприятий производится налоговыми комиссиями очень произвольно и несправедливо, повышая таким путем на много значение обложения. Хотя по своему названию промысловый налог предполагается как налог на промышленность, в конкретных условиях СССР, он, по существу,

*) Вестник Финансов — официальн. изд. Нар. Ком. Финансов.

есть, главным образом, налог на торговлю. А как налог на торговлю, учитывающий и стремящийся для обложения использовать растущий оборот, он в значительной своей части является налогом переложимым. Но в то же время, путем нажима на промысловый налог, легко произвести нажим на наиболее тяжело обложенную частную торговлю и заставить ее сжаться. Этот налог одно из самых действительных орудий борьбы с частной предприимчивостью в торговле и промышленности. Промысловый налог — общесоюзный, но в своей значительной части в виде отчислений он поступает в распоряжение союзных республик, которые кроме того имеют 100 проц. надбавку к нему в местный бюджет. По своему финансовому значению это самый значительный налог — в истекшем году вместе с надбавкой он дал 444 миллиона рублей, тогда как единый сельско-хозяйственный — 266 миллионов рублей.

Подоходный налог в его настоящей форме совершенно не отвечает своему названию. Ввиду нивеллированности имущественного положения русских граждан и ничтожности процента сколько нибудь зажиточных людей такой налог не может иметь фискального значения, если он не ложится на широкие слои населения, которое иногда даже можно назвать беднотой. Обложению подлежат слишком много лиц с мелкими доходами, благодаря чему накапливается очень много недоимок, а общий результат, при страшной перегруженности налогового аппарата, сравнительно ничтожен. По наблюдению комиссариата финансов еще одно явление делает подоходный налог не отвечающим своему назначению. Этот налог в своей подавляющей части падает на те же группы населения и на те же юридические лица, что и налог промысловый,—т.е. на торговлю и промышленность. А по этой причине он в большей своей части переложим на потребителя. В официальной литературе эта переложимость подоходного налога приводится как аргумент в пользу обложения этим налогом государственной промышленности. Под названием подоходного налога введен, собственно говоря, своеобразный налог, служащий лишь дополнением и коррективом к реальному обложению.

Остальные прямые налоги (наследственный, рентный и на сверх-прибыль) по своему фискальному значению ничтожны. Кроме последнего , они все имеют много сходного с аналогичными налогами в других государствах, и только безгранично вздутая прогрессия ставок показывает их «классовый» характер.

II.

Косвенные налоги есть главнейший источник бюджетных доходов СССР, значение которого все растет. Нечего указывать на то, что это наименее социальный налог, наиболее неравномерный и тем более тяжелый , чем больше предметов широкого потребления обложено и чем потребитель неимущее. В СССР косвенные налоги широко развиты и захватывают очень широкий круг предметов необходимого обихода. Главное место занимают акцизы. Акцизом обложены следующие предметы: табачные и гильзовые изделия, сахар (до 1-го апреля 1927 г. была обложена соль), нефть, керосин, виноградные вина, спирт, водочные изделия, коньяки, наливки и настойки, спички, пиво, квас, мед, фруктовые, искусственные и минеральные воды, чай и кофе, дрожжи, восковые и стеариновые свечи, все изделии текстильной промышленности и резиновые галоши.

Второстепенной (при наличии монополии внешней торговли) статьей косвенного обложения являются таможенные пошлины.

Такова, вкратце, налоговая система СССР. Надо сразу же указать, что налоговая система во многом возрождалась, а не строилось вновь, т. е. восстанавливались отдельные налоги и сборы по старому, испытанному дореволюционному образцу. Но, конечно, есть и много новшеств, среди них одно, которое заслуживает серьезного внимания — это сельско-хозяйственный налог, который по своему строению и существу должен будет остаться одним из основных камней будущей русской налоговой системы.

Переходя к общей картине государственных финансов СССР., надо остановиться на едином союзном бюджете. Б ю д ж е т в СССР имеет форму, которая делает его неясным; без предварительных подсчетов и расчетов трудно установить действительное финансовое значение отдельных статей. Для определения действительной величины средств, которыми может располагать СССР, надо исключить из бюджета те балансовые суммы, которые искажают его вид. Сюда в первую очередь надо отнести доходы и расходы по комиссариату путей сообщений и почты и телеграфа. Эти суммы почти равны — в прошлом году предполагался, напр. доход 1.498.700 тыс. руб. и расход в 1.469.700 т. р., т. е. доход должен был быть на самом деле в 30 мил. рублей К концу года выяснилось, что жел. дор. принесли убыток 99 мил. рублей. На текущий год по средствам пути и связи заранее ожидается убыток в 60 мил. руб. Ввиду сказанного, нельзя в доходную часть бюджета заносить суммы от путей сообщений и связи, т. к. на самом деле все полученное будет израсходовано на эти же пути сообщений и связи да еще потребуется из других налоговых источников затратить туда некоторые средства.

То же самое надо повторить и о госуд. промышленности и торговле. В прошлом году в бюджете ожидалось дохода от промышленности (помимо налогов) 280.384 тыс. руб., а затрачивалось на промышленность 324.600 тыс. руб. В этом году при 219 миллион. рубл. дохода ожидается 699 мил. рубл. расхода. Поэтому из доходной части бюджета надлежит исключить и доходы от промышленности и торговли, на каковые будет в текущем году затрачены значительные средства из других налоговых источников.

Таким образом, для того чтобы хотя приблизительно представить себе действительное реальное значение доходной части государственного бюджета СССР надо из нее исключить все доходы транспорта, связи, госпромышленности, госуд. торговли и банков. Тогда бюджет в своей доходной части выразится в нижеследующих цифрах (для сравнения приведены также цифры истекшего бюджета):

	Бюджет 1925-26 г.		Бюджет 1926-27 г.	
	в милл. рубл.	в проц.	в милл. руб.	в проц.
Прямые налоги	583,4	25,3	773,3	26,7
Косвенные налоги	1.127,1	48,9	1.386,9	47,9
Пошлины	170,2	7,5	173,2	5,9
Всего налогов. доходов	1.880,7	81,7	2.333,4	80,5
Доход от гос. имуществ:				
от лесов	140,5		195,8	
от прочих	53,9		77,5	
От реализации гос. фондов	76,1		69,8	
Всего неналоговых доходов	270,5	11,7	343,1	11,8
От займов	120,0	6,6	220,0	7,7
От выпуска монеты	30,0			
Итого	2.301,2	100,0	2.896,5	100,0

Из таблицы бюджетных доходов сразу бросается в глаза преобладание налоговых доходов и среди них особенное значение косвенных налогов. Несомненно, средства поступающие в распоряжение правительства вовсе не так велики, но они не могут быть больше, т. к. нет того налогового источника, который мог бы быть обложен. Если бы советское правительство не расходовало массу средств на т. н. социалистическое строительство, то возможно, что бюджет Союза ССР так или иначе пришел в состояние равновесия. Можно даже сказать иначе: если бы советское правительство оставило бы себе то же влияние на всю хозяйственную жизнь страны, путем сохранения в своих руках не только железных дорог и некоторых важнейших отраслей крупной промышленности, но даже и в более широком масштабе приближающемся к современному положению вещей в России, это бы не могло повредить экономическому развитию страны, если бы при этом направление экономической политики не носило того бессмысленного преследования всякой частной инициативы, которое приводит всю хозяйственную жизнь страны к полному замиранию. Сохранение в руках государственной власти даже целых отраслей промышленности при известной бедности страны капиталами и при известной отсталости ее экономического развития может быть не только не вредным но даже иметь значительное воспитательное значение, но цель то должна быть иная. Всякая разумная экономическая политика должна принимать все меры к развитию хозяйственного положения страны и в первую очередь развитию частной инициативы и предприимчивости, а затем способствовать всячески накоплению своего национального капитала.

Политика советской власти в этих двух точках как раз противоположна. Все налоги построены так, чтобы предотвратить даже возможность какого бы то ни было накопления. Даже больш., благодаря низким прожиточным минимумам, освобожденным от обложения, и чрезвычайно сильно выраженной прогрессивности ставок обложения, при самом среднем доходе уже приближающей обложение в конфискации — благодаря всему этому не может даже сколько нибудь подняться общий уровень жизни. Советская власть совершенно напрасно воображает, что она поднимет потребление промышленных товаров, заставляя насильно промышленность снижать цены. Вся тяжесть вопроса лежит совсем не в том: в советской России правительство смотрит косо и недоброжелательно на всякое более или менее обеспеченное материально существование. Иначе говоря, считается нежелательным буржуазным элементом всякий, кто имеет достаточно средств для того, чтобы удовлетворять довольно полно свои разнообразные потребности, т. е. иметь возможность покупать значительное количество товаров и разных услуг. Но ведь только путем роста обеспеченности населения и роста заработков и накопленных капиталов можно поднять покупательную силу населения. Понижение цен на промышленные товары, не отвечающее конъюнктуре рынка в России, уже привело только к ухудшению качества товара, и как следствие этого, к неожиданному кризису сбыта.

То же самое наблюдается и в отношении частной предприимчивости. Вся система советского хозяйства построена так, что частная инициатива в ней не должна иметь места. Но на самом деле, конечно это не так. Крестьянское хозяйство уже первое целиком не укладывается в рамки «обобществленного сектора» и требует для своего развития наличия свободного рынка и свободы накопле-

ния. Да и частная торговая деятельность в своем большинстве, несмотря на все ограничительные или даже запретительные меры, имеет огромное, преобладающее значение.

Вот в области промышленного производства, где контроль и простое притеснение особенно легко, а скрытая форма ведения дел особенно трудна, там частно-хозяйственная инициатива почти не может проявиться. Налоговое обложение всеми возможными средствами помогает такому положению вещей. Обложение по классовому признаку, т.е. обложение каждого частно-хозяйственного предприятия более чем вдвое по сравнению с государственным приостанавливают развитие частных предприятий или даже вызывают закрытие существовавших. И это при условии, что эти частные предприятия работают хозяйственнее и лучше, чем казенные (по признанию самих же советских хозяйственников).

Из сказанного станет ясно, что налоговой аппарат с самого своего возникновения кроме своей прямой задачи — сбора в казну средств имеет еще задачу служить орудием проведения специфических черт советской экономической политики. Конечно каждый налог имеет большое экономическое влияние и это учитывается при введении всякого налога в жизнь, но построение всего налогового аппарата так чтобы он служил главным образом орудием хозяйственной политики — этого нигде кроме советской России наблюдать не приходится. В последнее время, стремясь правильно и фискально выгодно организовать налоговой аппарат, финансовое ведомство, все менее и менее охотно берет на себя эти посторонние его прямой задаче функции.

Та часть государственной хозяйственной деятельности, тот «обобществленный сектор», который должен был, постепенно расширяясь, занять место нежелательной частной инициативы, — не оправдал возложенных на него надежд. Обобществление хозяйства повело к постоянному товарному голоду с одной стороны и к пустой государственной казнѣ, с другой. Отсюда та двойственность в отношении к частно-хозяйственной деятельности, которая так характерна для современной советской России. Частно-хозяйственная деятельность принципиально нежелательна, но потребности населения и государственные финансы делают ее жизненно необходимой.

Финансовое ведомство СССР, обстоятельствами последних лет, особенно же проведением денежной реформы, было приведено к необходимости прокламировать принцип приспособления государственных расходов к государственным доходам. Но отсюда поневоле надо делать и следующий неизбежный вывод: чтобы поднять доходы, — а это советскому государству совершенно необходимо, — надо создавать новые об'екты обложения. Вместе с тем эти новые об'екты обложения могут быть созданы только в области частно хозяйственной. Это потому, что неналоговые доходы неспособны возрастать, потому что промышленность и пути сообщения требуют вложения нового огромного капитала, а государственные имущества ограничены в числе. Затем эти имущества не могут давать большого дохода, пока они будут больше служить для регулирования рынка, чем для извлечения дохода. Тут стоит диллема: или употреблять государственные имущества и предприятия как орудие социальной борьбы или как доходное имущество. Одновременно достигать обоих целей невозможно.

Обложение государственных предприятий тоже конечно не достигает цели, поскольку эти предприятия убыточны, т. к. этим только нав'зываются новые расходы на покрытие их дефицита.

Таким образом остается только обложение частно-хозяйственной деятельности граждан СССР. Это единственный реальный источник доходов, который способен расти и шириться. Но тут и выясняется интереснейший и в современных условиях неразрешимый вопрос: социалистическое, советское хозяйство может расти и совершенствоваться только за счет разрушения частно-хозяйственного элемента. А в то же время государственные финансы самого этого социалистического государства прямо зависят от развития и расширения частно-хозяйственной деятельности и накопления. С развитием и увеличением частного капитала — развиваются и укрепляются финансы СССР; с гибелью частного капитала и сокращением частно-хозяйственной деятельности, финансовое положение СССР становится критическим. Здесь существует зависимость, которая тормозит всякое дальнейшее развитие. И выбор может быть только между двумя направлениями: или строение социалистического хозяйства и тогда постепенное уничтожение налогов, рынка и денежной системы, или же наоборот, укрепление финансов, усовершенствование налоговой системы, и как следствие, необходимая поддержка всякой частно-хозяйственной деятельности и частно хозяйственного накопления. Дело вовсе не в наличии или отсутствии государственной промышленности и торговли, а в направлении экономической политики. При другой политике государственные предприятия получат совсем другое значение и их будущая судьба и значение будут зависеть от того направления, в котором пойдет хозяйственное развитие страны. Поддержка частной хозяйственной деятельности и частного накопления должна лежать в основе здоровой экономической политике, без чего пропадает без толку та энергия, которая могла бы идти на развитие национальных богатств России.

В заключение несколько слов о значении отдельных расходных статей в советском бюджете. Здесь приходится пользоваться только цифрами прошлогоднего бюджета, т. к. уже выяснилось, что разразившийся сейчас в России кризис и обострение политической борьбы вместе с нарушением в значительной мере нормальных торговых сношений с заграницей сделают цифры, предположенные для текущего года, совершенно неосуществимыми. Я буду приводить не только цифры государственного бюджета, но и одновременно цифры местных бюджетов. Это необходимо, т. к. большинство расходов на культурно-просветительные нужды проходят именно по местному бюджету. Если тут опять по возможности отбросить балансовые статьи и посмотреть, что тратится

по государственному и местному бюджетам вместе на отдельные государственные нужды, то для прошлого бюджетного года мы получим нижеследующее:

Оборона страны 617,6 миллионов рублей (в текущем году предполагается 713,1 милл. р.), Административные расходы 750,4 милл. руб. Культурно-социальные нужды — 695,2 милл. р., и наконец финансирование хозяйства — 937,3 милл. р.. Эти цифры достаточно красноречивы и подвергать их еще комментариям не стоит. —

Интересно только отметить одну особенность текущего бюджета, где сильно сокращено количество средств отпускаемых на финансирование сельского хозяйства. Эта мера при современном положении сельского хозяйства в России, необходимости самой широкой организации переселенческого вопроса и поднятии интенсивности сельского хозяйства, может быть об'яснена только наличием узко партийной хозяйственной политики, которая совершенно не интересуется будущим хозяйственным положением России.

Н. С. Жекулин.

ПО АЗИИ.

Сегодняшняя Персия.

9 августа 1919 года правильно и удобно считать поворотным моментом в развитии послевоенной Персии. Правильно, т. к. заключение англо-персидского договора, помеченного этим числом, послужило толчком, благодаря которому напряженность в глубинах персидского сознания, сильно раздраженного войной, дошла до своего предела и д о л ж н а б ы л а найти себе какое то выражение. Удобно , т. к. хотя мы знаем, что всякий подробный глубинный процесс есть развитие, накопление предшествующих моментов, а конечный, неизбежный р а з р я д ими определемый есть одновременно какая то завязь будущего, нам все же следует из этого непрерывного ряда выхватить временной отрезок, как нечто самостоятельное и неповторяющееся, как об'ект нашего рассмотрения.—Названный мною договор, авторами которого был с персидской стороны Мирза Хасан Хан Вусуг ад Доуле*) и с английской Сэр Перси Кокс, типичный представитель стопроцентного «керзонизма», — был в сущности еле замаскированным протекторатом. Через своих военных инструкторов (которые по образцу уже созданных за войну South Persian Rifles должны были образовать North P. R.) и финансовых советников Англия — становилась вершительницей судеб Ирана, которому она к тому же давала в долг 2 миллиона фунтов. Таможенный тариф получал изменения в пользу английского ввоза. Дальнейшие события развивались вкратце следующим образом. 1920 год был переходным годом английского засилия в Тегеране, где старорежимное российское представительство агонизировало, лишенное жизненных соков. 18. 5 Энзели было занято красными частями, причем англичане не оказали никакого сопротивления. В мае-же Тегеранское правительство предлагает Москве начать переговоры. Оно обращается также в Лигу Наций с протестом против договора 9 августа и приостанавливает работу английских советников. Сэр Перси уезжает в отпуск, из которого он не вернется. В августе представитель Перси едет в Москву. В ноябре Лорд Керзон все еще заявляет, что английские войска выведены не будут, т. к. они необходимы для противодействия большевикам. Вместе с тем в стране нарастало все крепче ощущение развала и измены. Всегда наблюдающиеся в Персии центробежные стремления обрисовывались ярче обычного, особенно в Прикаспийском Гиляне, где Мирза Кучик Хан, главарь «лесовиков» (джангели) располагал довольно значительными и хорошо вооруженными силами. Идеологически Кучик Хан восстал против порабощения своей страны Англией. Не менее удобная почва для схожих настроений имелась и в пограничном с Закавказьем Азербейджане, наряду с Гиляном всегда шедшим во главе революционных движений последних годов, равно как в Хорасане с его туркменами, в Белуджистане, в Курдистане, в Хузистане, — словом без малого всюду, где только имеются вольнолюбивые кочевничьи элементы.

В этот момент, в феврале 1921 г. происходит взрыв реакции. Некий Риза Хан, офицер персидской казачьей бригады, в которой он начал службу простым казаком, из Казвина двинулся на столицу с небольшим отрядом преданных ему людей, и не встретив сопротивления, произ-

*) Этот несомненно один из умнейших государственных людей Персии был амнистирован и в прошлом году вернулся на родину, где был избран депутатом и вошел в кабинет Мустоуфи-уль-Мемалека в качестве министра юстиции. Очень интересна была его речь, апология акта 1919 года, в ответ на обвинения оппозиции. По мнению Вусуга Персия к окончанию войны была в безвыходном положении и единственно Англия могла ей оказать поддержку для восстановления порядка. Вусуг вменял себе в заслугу, что в такой тяжелый момент он не уклонился от ответственности. Бессудные ссылки (даже казни) своих политических противников Вусуг об'яснил соображениями государственной необходимости.

вел полную перемену декораций. Англофильское правительство Каввам-эд-Доуле (брата Вусуга) было ликвидировано, а заменено национально-настроенным кабинетом журналиста Зия эд Дина, одним из первых заявлений которого была декларация об отмене договора 9 августа. В то же время Гулям Али Хан Мошавэр оль Мемалек, находившийся в Москве, заключил договор, 26. 2 1921, с Советским Правительством. Влиянию Англии наносился сильный удар. Заключая с большевиками торговое соглашение 16. 3. 1921, содержавшее между прочим обязательство воздержания от пропаганды, Английское Правительство само как бы снимало главный повод борьбы с большевизмом в Азии. Договор 9 августа был окончательно «похоронен» Л. Керзоном в его речи 26. 7. 1921 в Палате Лордов, в которой он возлагал ответственность на Персию. Следует удивляться близорукости английской дипломатии думавшей сыграть на отсутствии России в Азии, в которой однако Россия, будучи связана с Азией органически, отсутствовать не может. — Как Англия уходила во свояси из Персии, об этом лучше всего рассказал один из членов ее финансовой миссии Бальфур, (Hon. J. M. Balfour) в своей книге «Recent Happenings in Persia, вышедшей в 1922 г., но вскоре изъятой из продажи. Возвращаясь к Риза Хану упомянем, что он заподозрив искренность Зия-эд-Дина (Зия оказался английским агентом, обеспавшим, но не сумевшим провести организацию North Persian Rifles помимо Меджлиса) в мае 1921 устранил его от дел. Зия бежал в Багдад, потому в Европу и, кажется, живет в Швейцарии. Сначала в качестве военного министра, потом (с Октября 1923 г.). премьера, главнокомандующего (февраль 1925), наконец Шаха (12 декабря 1925), Риза Хан, он же Сердар Сэпэх, он же Риза Шах Пехлеви олицетворяет государственный смысл и чаяния сегодняшней Персии. Утверждение это нуждается, впрочем, в некоторой оговорке. Поскольку вопрос касается государственного смысла, инстинкта самосохранения, выражающегося в защите от внешнего врага и в поддержке порядка, безопасности (т. наз. «а м н и й э т»; в «доброе старое время» в персидских газетах хроника с мест зачастую исчерпывалась сообщением: «Слава Аллаху, там то прошел дождь и безопасность полная»; два момента с которыми связано благополучие населения) внутри, теперешний властелин Ирана вполне отвечает своему назначению в глазах страны. Вместо малочисленной вооруженной силы, утратившей значение особенно после ухода наших инструкторов выжитых англичанами, Шах создал 40 тысячную прекрасно экипированную армию, благодаря которой он сумел утвердить во всей стране авторитет центральной власти и наладить, при помощи американской финансовой миссии правильное поступление податей, так что последний бюджет был сведен даже с маленьким излишком. Все это удалось Шаху не без упорной и настойчивой борьбы с упомянутыми выше центробежными элементами, с 1921 по 1926 г. г. Ему пришлось иметь дело с такими серьезными противниками, как курдский вождь Измаил Ага Симко, хорошо нам знакомый за время войны и после ухода наших войск с урмийского фронта бывшего фактическим царем всего западного Азербейджана, пока его не разбили в августе 1922 г. (при оффициозном участии «белого» русского генерала А., хорошо знавшего этот театр). Вторым крупным противником был Шейх Газзаль, феодальный вождь арабского племени Чааб по нижнему Каруну и Персидскому заливу. В этом районе находятся нефтеносные участки Anglo Persian Oil C-o, почему Шейх пользовался покровительством Англии, обстоятельство осложнившее, но не помешавшее Риза Шаху сломить противника к 1925 году. В восточной Персии туркменские и белуджские восстания причинили также не мало хлопот. Ходили слухи о поддержке туркмен «северным соседом». Определенно известно во всяком случае, что среди персидского командного состава не обошлось без измены. Если упомянуть еще прошлогоднюю попытку дяди низложенного Шаха, Салар уд-Доуле, в энный раз *) поднять восстание против Тегерана, то этим будет исчерпана история укрепления власти новой династии внутри страны. Государственный смысл Риза Шаха помог ему также справиться и с голодом 1925 г., когда в спешном порядке были закуплены грузовики-автомобили, позволившие перебросить местный и ввозной хлеб в нуждающиеся районы. Голод в Персии всегда был ужасен именно из за бездорожия и отсутствия сообщений, а не только из за недорода. Помнится как в 1918 году в Тавризе люди мерли на улицах, тогда как в каких нибудь 100 кил. оттуда, в плодородной области Хэштэруд хлеба было хоть отбавляй. Оставим, однако, пока эту экономическую сторону положения в Персии. Риза Шах, как только что сказано, олицетворил следовательно в полной мере государственный смысл Ирана. В большей чем это было раньше степени он обеспечил Ирану — «н у н — о — к а н у н» (хлеб и закон). С таким криком разыгрываются всегда в Персии народные волнения, т. наз. ш у л ю г. Закрываются базары, — жизненный центр городов мусульманского Востока, — и толпа, главным образом женщины и дети, двигается к присутственным местам. Дав «хлеб и закон» Персии, осуществил ли Риза Шах в то же время ее сокровенные чаяния? И да, и нет. Лучше — сначала, в первые годы, да; теперь — гораздо меньше. Что нам понимать под сокровенными чаяниями Персии? Большинство наблюдателей персидской действительности сходятся на том, что под видимым безучастием и апатичностью у перса крайне живуче его национальное чувство, корни которого уходят вглубь его многовековой истории. Это весьма поучительный пример того, как историческая память живет не только в ее избранных носителях, в высшем культурном слое народа, а пронизывает собою всю народную толщу. Глубоко ошибается тот чужестранец, который, подходя к персу со своими мерками, заключил бы об отсутствии у него пат-

*) Салар-уд-Доуле выступал еще при Мемед Али Шахе. В 1912 году онъ был при содействии Российского Правительства выслан из Персии. Уезжая он сказал усмехаясь: «до свидания!» пишущему эти строки, а не «прощайте».

риотизма. Персидский патриотизм в его временном протяжении представляется мне столь же своеобразным и отличным от западного шаблона явлением, сколь и наш евразийский, русский патриотизм, благодаря своей пространственной протяженности, не укладывается в узко ограниченные и насыщенные совершенно другим содержанием европейские понятия этой категории. Упор в седую древность, в клинопись бисутунской скалы, уверенное спокойствие и мудрость прошедшие через века переживаний на перекрестке столкновения разных культур и народов, сознание своей пассивной силы сопротивления и претворения, — все эти моменты складываются вместе, чтобы получить выражение в том, что за неимением другого термина, я вынужден назвать персидским патриотизмом. Могущий оспариваться во многих его оценках в свете наших теперешних знаний, устаревший Гобино остается незаменимым в его как-бы интуитивном подходе к персидской народной душе, сущность которого, прочувствованная мною на почве Ирана, сформулирована выше. Восстанавливая национальное достоинство Персии, устраняя английскую опеку, принимая имя Пехлеви, переносящее в доисламский период высокого политического и культурного развития Ирана, давая своему сыну славное имя Шапура той же Сассанидской династии, поступая так Риза Шах этим возвратом к чисто-иранской традиции не только подчеркнул свое отличие, от свергнутой тюркской, туранской династии Каджаров, но показал что сознает насколько все это созвучно с национальным чувством. Оживание «музея истории» может оставлять равнодушным только тех близоруких людей, которые отдали себя в подчинение предвзятой идее исторического прогресса идущего по измышленным ими и обязательным линиям. Mutatis mutandis персидский пример, вскрывающий с новой силой давно забытые напластования иранских исторических переживаний, нам кажется так же знаменателен, как и аналогичные настроения проявляющиеся — ограничимся только этим указанием — в трудах французского историка К. Жюльена восстающего против засилия «римского духа» и уходящего в гальскую древность. Читатель «евразиец не нуждается в разъяснениях насколько наша позиция, наша историческая установка близки к указываемым примерам. Риза Шах оказался не только прекрасным военным организатором, но и тонким психологом. Он правильно учел извечную жажду Ирана — жажду народного героя, жажду оживления мифа, приведения в движение фигур иранского эпоса. Мифический герой — кузнец Кавэ, относящийся к заре исторического сознания Ирана, хватает свой кожаный рабочий передник, прибивает его к древку и под этим знаменем ведет толпу восставших против чудовища Зохака, угнетавшего народ и ежедневно, для питания змей выросших на его плечах, требовавшего мозги двух юношей. Кавэ побеждает Зохака и приковывает его где то на вершине Демавенда. Образ сливающийся с эпической фантастикой. Образ живущий и сейчас в иранском сознании. И покуда действия нового диктатора Ирана в глазах населения одушевлены желанием служения стране, до тех пор Риза был, несомненно, весьма популярен и мероприятия его, хотя бы они иногда и били по населению, приветствовались. Линия поведения Риза Хана разошлась с чаяниями населения лишь только оно усмотрело в его действиях мотив личного интереса. Таких «спасителей отечества» Персия знала слишком хорошо. Риза Хан ошибся в тот момент, когда после отъезда Шаха в Европу (ноябрь 1923) он стал вести усиленную агитацию в пользу провозглашения в Персии республики. Республики, в которой, разумеется, он был бы президентом. Такое выпадение из исторической традиции Ирана (откуда ведь собственно и идет идея о божественном происхождении царской власти, вскрывающаяся в древнеперсидском понятии «фар», ореол) связанное с выступающим тут особенно ярко личным интересом (звание президента основано на соревновании, а не на праве) привело к полной неудаче попытки. В столице вспыхивают антиреспубликанские безпорядки (19 и 20 марта 1924). Риза Х., Сердаре Сэпэх, подает в отставку. Через два дня он, однако, соглашается, по просьбе Меджлиса, вернуться к власти, а 1 апреля обращается с воззванием к народу, указывая, что по совещании с духовенством г. Кума (Кум где гробница непорочной Фатимы, дочери Пророка, наряду с Мешхедом, — гробница Имама Ризы, — священный город), он пришел к убеждению о несовместимости республиканского режима с принципами Ислама. Духовенство оказалось в данном случае на более крепкой почве, чем Сердаре Сэпэх. Как говорит один немецкий знаток Ирана, чувствуется, что принятие принципа республики было бы изменой, такой же отдачей иранского народного духа чуждому этическому началу, какой в свое время было обращение в Ислам, выросший на семитской почве. Чтобы подчеркнуть свою преданность Исламу в его шиитской форме (своеобразное осуществление протеста Ирана против арабской религии) Риза Хан осенью 1924 г. совершает паломничество в Кербелу и Неджеф, святые шиитские места в Иране. Его возвращение, через Багдад, в Персию было сплошным триумфом. Тем более, что этот акт исповедания веры совпал с победой над Шейхом Газзалем (см. выше). Шейх подчинился безоговорочно Тегерану, уплачивал контрибуцию. Позволившая расправу со своим фаворитом английская дипломатия получала компенсацию в виде расширения концессионных прав Anglo-Persian. Не отказываясь от мысли о верховной власти Риза Хан, научен ный опытом, ведет более тонкую политику. В Феврале 1925 г. он в ультимативной форме обращается к Меджлису, указывая что все его начинания наталкиваются на интриги, исходящие из окружения Валиагда, брата Шаха, оставшегося в Тегеране в роли регента. Меджлис предоставляет Ризе Х. диктаторские полномочия, ставя его во главе всех вооруженных сил страны. Вторым шагом было обращение к Шаху с просьбой вернуться. Когда от него получен был ответ о предстоящем выезде из Франции в начале октября месяца, то, по странному «совпадению», в конце сентября в столице вспыхнули хлебные безпорядки; 27-9 толпа врывается в Меджлис, бесчинствует и наносит побои даже председателю парламента Мотамэн-оль-Мольку. Приверженцы Шаха садятся в «бест» в.... советскую миссию.

Дальше события развиваются быстро. Риза Хан водворяет порядок, оцепляет кордонами иностранные миссии для недопущения бегств. Испуганный Шах остается во Франции (не в честь низложенной династии будь сказано, что Шах Ахмед Султан во время голода наживал на хлебе из своих удельных имений, выдерживая его в амбарах!), 31 октября Меджлис, большинством 80 голосов из 85 об'являет низложенной династию Каджаров и передает верховную власть Ризе Х. вплоть до решения учредительного собрания, состоявшегося 12 декабря. Согласно решению Собрания верховный закон (ст. ст. 36-38 и 40) установил наследственную власть династии Пехлеви. Коронация Риза Шаха Пехлеви состоялась с большей торжественностью 26 апреля 1926 г. Опоясанный мечом завоевателя Индии, Надир Шаха, который подобный ему был обязан троном своему личному дарованию, Риза Хан воссел на престоле Хосроя и великого Аббаса.

За время управления Персией Риза Ханом, ставшим затем Риза Шахом, ряд реформ был осуществлен в стране, из которых самой существенной должно считать финансовое оздоровление, позволившее иметь уравновешенный бюджет. Достигший этих результатов, глава с ноября 1922 г. американской миссии Д-р Мильспо, при возобновлении контракта разошелся во взглядах с Правительством, которое ограничивало его бывшие почти диктаторскими полномочия, усиливало свой контроль равно как и роль персидского элемента в администрации финансов. Поступая так, Правительство уступало давлению оппозиции в Меджлисе, настаивавшей на том, что приглашение иностранных советников и их работа только в такой мере допустимы, поскольку они воспитывают кадры персидского чиновничества; что касается контроля над распоряжением суммами Казначейства, то он необходим ввиду обнаружения перерасхода более 5 миллионов туманов во время голодной кампании. Ведший ее Полк. Мак Кормак (до войны вожак «гризли» в Ю. Африке, затем интендант во Франции и, наконец, «оздоровитель» персидских финансов) во время улетел на аэроплане по делам службы. Др. Мильспо не сошедшийся в условиях, после пятилетней работы, положительные результаты которой нельзя оспаривать (см. весьма полезные для ознакомления, с этой стороной положения обстоятельные печатные доклады амер. миссии), покинул Персию. Таким образом персидские финансы вновь стоят под знаком вопроса. Это не мешает однако планам постройки железной дороги от Бендер Гиза на Каспии к Хор-Мусе на Персидском Заливе. Подготовительные работы ведутся под руководством америк. инженера Полянда, причем на сегере изыскания ведут и русские инженеры. (Недавно принят закон о приглашении большого числа иностранцев-специалистов.). Постройка жел. дор. должна производиться на суммы поступающие от установленной в прошлом году монополии на чай и сахар. Упомянем также, что кое что делается по ремонту и постройке дорожной сети; что создано несколько (первых в стране) фабрик (суконная, спичечная, мыловаренный завод); принимаются меры для улучшения земледелия (выставка земледельческих машин, орошение и т. д.); введена метрическая система, вырабатываются уставы судопроизводства по европейскому образцу, в связи с чем об'явлено решение об отмене капитуляций с будущего года. Теневыми сторонами положения является слишком тяжелое, особенно для крестьянства, налоговое бремя; 55 проц., бюджета уходит на содержание армии, которая обзаводится даже... танками, тогда как части остаются без жалованья по месяцам. Недовольно также население и преследованием духовенства, тогда как возвращение «изменника» Вусуг-ад-Доуле толкуется в неблагоприятном для правительства смысле. У меня нет места в рамках настоящего краткого обзора рассмотреть внешнюю политику Персии за эти годы. Она во многом определяется остающимся неизменным отношением сил, т. е. соревнованием между Россией и Англией, как это было до соглашения 1907 года. Не следует впадать в ошибку тех, которым большевики везде в Азии рисуются в каком-то идиллическом аспекте друзей принимаемых с распростертыми об'ятиями. Действительность сложнее. Если в 1921 г. обстановка в Персии, вызвавшая подписание договора, была чрезвычайно выгодна для России, то с того момента все делалось как бы для того, чтобы испортить добрые отношения. За последний год особенно положение осложнилось в связи с затруднениями в подписании торгового договора, переговоры о котором длившиеся с 1922 г. [illegible] дцать лет. Персы были заинтересованы в разрешении им транзита, тогда как с русской стороны никак не налаживался вопрос о рыбных промыслах на персидском побережьи Каспия. Дело доходило, с одной стороны, до эмбарго на персидские продукты в России, и, с другой, до бойкота русских товаров в Персии. Не следует также думать, что политические симпатии об'единяют Тегеран и Москву. Общая политика может строиться при общности идеологии, каковая тут отсутствует, как бы ни старались надевать коммунисты националистическую маску. За исключением десятка другого платных агентов и статистов, вряд ли коммунизм имеет действительных последователей в Персии. Как и везде в Азии, если большевизму удается иногда достигать результатов, то только потому, что в глазах азиатов зачастую «Россия» покрывает «большевизм». Кроме того нельзя отрицать, что у большевизма, хотя совершенно ложная и неприемлемая, но есть некая общая согласованная политика в отношении Азии, чего нет у остальных правительств.

Если обратиться к рассмотрению тех духовных сил, которые в наши дни наблюдаются в Персии, то на первом месте придется, повидимому, все же оставить шиизм благодаря его национальной окраске. Вот что мы читаем, напр., в заключении передовицы посвященной об'яснению траурных дней Мохаррема: «Хусейн, сын Фатимы, да будет на нем мир и молитва, является совершенным образчиком полного отказа от материальных соображений. С одной лишь чистой одухотворенностью он восстал против насилия и заслуживает того, чтобы и мы подобно всем другим живым народам ежегодно вспоминали его как гордость исламского исповедания».

Один из выдающихся ораторов Меджлиса Д-р Мосадэг заявил в августе п. г. что осно-

ванием своей программы он берет изречение пророка, которое должно также быть основой программы парламента и нации: «Ислам возвышается, но ничто не может возвыситься превыше его». Затем он преподнес председателю Меджлиса изображение Пророка на белом плате (иконопись есть, между прочим, также одна из отличительных черт персидского ислама) со словами: «я подношу это священное изображение Царя Ислама Меджлису, лучшим украшением коего оно явится, дабы оно предстояло и руководило наши прения. Я молю Аллаха направлять нас по религиозному и политическому пути начертанному Пророком, каковой является единственным божественным и праведным путем. Я прошу депутатов и особенно главных мудждтедов повторять часто подобно молению выше упомянутое речение Пророка». Можно было бы умножить цитаты свидетельствующие о силе шиизма в персидском сознании. Тут уместно подчеркнуть, что в некоторых основных своих верованиях шиизм приближается к христианству. Так ему близка идея предвечного существования: Мохаммед, Али, Фатыма, Хасан и Хусейн, по шиитским верованиям, существовали «прежде всех век», Основным, сильным мотивом шиизма является далее вера в пришествие Спасителя, Мессии, Махди, которая является наследием зороастрийской эсхатологии (Саошиянт). Понятие воплощения божества, обожествления знакомо шиитской секте Али Илляхи. Упомянем, наконец, об искуплении жертвою, не чуждом шиитскому мировоззрению. Нам кажется поэтому, что шиизм, как этап по пути познания совершенной истины, должен быть оцениваем нами выше нежели бабизм и его дальнейшее выражение бехаизм, которые претендуют на роль обезличивающих универсальных религий вбирающих в с бя ряд верований, как бы отказывающихся от понятия абсолютной, конечной и единственной истины, тем снижая религиозный пафос на уровень безразличного эклектизма, обретающегося в сфере близкой к атеизму. Некоторые исследователи считают, что в современной Персии около одной десятой городского населения принадлежит к бехаизму. Близка к христианству и намечена уже американскими миссионерами как наиболее удобный об'ект их деятельности секта людей истины (Ахли Хакк), распространенная между прочим среди курдов и насчитывающая предположительно около миллиона последователей. Я не могу углублятьс я в разработку характерно-иранской черты, выражающейся в живой и действенной религиозной мысли, но не мог ее и не отметить, т. к. именно она наполняет духовное содержание иранизма лежащего вне плоскости материалистической спекуляции. Наиболее талантливый и яркий выразитель персидской религиозной мысли (хотя он то стоял за сближение шиизма и суннизма), Сеид Джемаль-д-Дин, которого Пр. Браун считает как бы духовным отцом персидской революции, вел очень любопытную полемику с. Э. Ренаном и написал книгу «Опровержение Материализма». Следует упомянуть, анализируя духовное содержание иранизма, и о зороастрийской реакции, которая идет главным образом по линии того же оживления национальной традиции, обращающейся к исламскому, чисто иранскому периоду истории Персии. Мотив о желательности воссоединения с родиной отделившейся от нее после исламизации ветви, т. н. Парси, живущих в Индии, где они, особенно в Бомбее, образуют богатую коммерческую общину, часто встречается в калькутском еженедельнике Хабль уль Матин, который сыграл не малую роль в развитии персидской революции. В области языка зороастрийская, вернее пехлевийская реакция, может быть усмотрена в стремлении к иранскому пуризму, очищению от арабского словарного наноса. Характерна и календарная реформа, установившая зороастрийское летоисчисление наряду с мусульманским. Влиянию языка в исторической жизни народа приписывается большое значение. Все настойчивее раздаются голоса о необходимости образования коллегии переводчиков, чтобы эмансипироваться от засилия иностранных книг, иностранных научных терминов. «Если при Аббасидах, 800 лет тому назад, были переведены с греческого языка на арабский все выдающиеся труды, почему не сделать этого теперь? Иначе получается преклонение перед иностранными языками, без знания которых невозможно следить за наукой. Саади и Надир Шах упоминаются с презрением, тогда как преклоняются перед Гюго и Вашингтоном... Иран претворял Туран и защищался в течение своей многовековой истории благодаря именно своему языку, своим обычаям. От преклонения перед всем иностранным до измены своим традициям — один шаг. Посмотрите как держат себя у нас в Персии все эти англичане, американцы: словно цари какие то; мы для них как будто букашки. Пора с этим покончить. Наша молодежь, получающая образование на Западе, забывает все родное и не пригодна для работы дома. Нам следует брать у Запада только его технические достижения, его прикладные знания. В области нравственной (наши «фоколи» — от слова faux-col) — привозят с собой пудру и сифилис. Мы должны обращаться к примеру древних Персов, славившихся тем, что они говорили правду и были храбры». Эти настроения резюмированные мною дословно из персидской прессы, заслуживают нашего внимания, облегчая подход к пониманию современных настроений подростающего персидского поколения. Кружок персов, студентов Бейрутского Американского Колледжа, в своем письме в реданцию тегеранского оффициоза «Иран» больше всего подчеркивает, что учась в Бейруте они остаются на родной почве Востока, не забывают восточного духа, подобно тем, кто уезжает учиться на Запад. Суммируя сказанное, я в праве заключить, что настроения, которыми, повидимому, живет персидская сознательная молодежь ни в коей мере не питаются коммунистическими идеалами, а переносят нас скорее в эпоху, скажем, итальянского Risorgimento, термин совпадающий с персидским (увы, арабским!) «тэджэдод», встречающимся очень часто на столбцах газет.

Я умышленно не останавливался на характеристике парламентской жизни Ирана, на мой взгляд мало отражающей духовную сущность народа. Что персидский медж ис есть парламент sui generis, в котором собственно нет ни партий, ни программ, в котором жизнь протекает около

нескольких лиц, — об этом как раз был ряд интересных статей в том же «Иране», причем симпатии автора, хотя он как будто и сетует на это ненормальное положение, склоняются не к образованию ряда партий, а к единой партии, хорошо дисциплинированной, в роде народной партии в Турции, где, как мы только что видели, Мустафа Кемаль Паша в своем манифесте «предлагает» голосовать за указываемый им список. Быть может известие, которое получено из Тегерана, как раз когда я заканчиваю настоящий обзор, об образовании «фашистской» партии Иран-и-Ноу, т. е. Новый Иран, и является осуществлением отмеченного выше стремления?

Париж, 4. 9. 1927. **В. П. Никитин.**

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ИСКУССТВА.

Византийская археология наука сравнительно молодая. Ее основателем можно по справедливости считать Н. П. Кондакова, детально разработавшего ряд отдельных ее областей и в свое время давшего первое научно обоснованное построение, общего характера, истории византийского искусства. Многочисленные путешествия Кондакова на Православный Восток, в Константинополь, на Балканский полуостров и т. д. указали на необходимость и положили начало практическому изучению и обследованию памятников византийского искусства. Как и в других областях византиноведения (напр. истории Византии), и здесь русская наука стояла на первом месте и во главе дела изучения. Действительно не было кажется ни одного уголка православного мира, где бы не ступила нога русского ученого с целью разыскания древностей, открытия памятников. Важнейшие памятники Константинополя обязаны своим открытием Кондакову, позднее древности К-ля были предметом систематического изучения Русского Археологического Института во главе с Ф. И. Успенским. Путешествиями русских ученых были изучены древности Палестины и Сирии (Н. П. Кондаков), Малой Азии и Кипра (Я. И. Смирнов), Синая (преосв. Порфирий Успенский, Кондаков, В. Н. Бенешевич), Христианского Египта (В. Г. Бок), Балканского полуострова — Болгарии, Македонии (Кондаков и др.), Сербии (Покрышкин и др.), Афона (пр. П. Успенский, Кондаков, Никольский, Георгиевский и др.), Кавказа (Кондаков, гр. П. С. Уварова и др.), Армении и, само собой разумеется, России, где центрами византийского искусства являются Херсонес, Киев, Новгород и отчасти Суздальская Русь (работы Редина, Айналова, его учеников и др.); список этот можно было бы значительно продолжить.

Интерес к Византии, в частности к Византийскому искусству, на Западе появился и развился под влиянием русской науки; в этой области ученые и исследователи Запада часто шли, руководясь указаниями русских. Зародились и на местах (гл. обр. в Балканских государствах) свои ячейки работающие в области изучения византийской древности, тоже часто многим обязанные русской научной традиции (особенно в Болгарии).

Движение науки византийской археологии за последнее десятилетия шло очень быстрым темпом, возрастал интенсивно интерес, росло количество открытых и исследованных памятников. Факты говорят в данном случае сами за себя; в 1910-11 г., появились в свет два руководства или общих обзора по истории византийского искусства (французское и английское); через 15 лет, т. е. в 1925-26 гг., оба автора (Ch. Diehl и O. M. Dalton) были вынуждены или переиздать в расширенном виде или дополнить специальной работой свои сочинения, настолько возрос материал. За тот же промежуток времени появились и новые работы общего характера, и популяризации, и исследования различных отделов искусства, напр. две больших работы по византийской миниатюре, по мозаикам, изделиям слоновой кости (начато издание т. н. Corpus dyptichorum), вышли капитальные работы по иконографии (Кондакова и Millet), наконец выпущены издания либо отдельных памятников, либо групп памятников, обычно по их географической принадлежности. Давать полный обзор всех этих изданий мы здесь не намерены, остановимся лишь на некоторых, а равно и сообщим о ведущихся работах или открытых памятниках, еще не дождавшихся своего здания, но представляющих интерес. Ограничусь однако гл. обр. областью памятников живописи и мозаики.

Война отразилась сильно на научной работе, и многие новинки, вышедшие в свет в 1925-6 г., по существу не новости, а плод работы еще довоенной. Русская наука в этом отношении пострадала больше всех. Деятельность Русского Археологического Института в К-ле после войны не возобновлялась и неизвестно, когда возобновится (все ходившие до сих пор слухи об этом так и остались слухами). Последнее влечет за собой то, что всякое сколько либо серьезно поставленное исследование К-ля рекратилось совершенно и даже имевшийся в готовом (т. е. обработанном и сфотографированном) виде материал (напр., фрески бокового придела Кахріе-Джами) для науки, пока что, погребен. Русский орган византиноведения (Византийский Временник) влачит жалкое существование, сведенный до минимума в своих размерах, лишенный необходимых иллюстраций и выходящий с промежутками по нескольку лет. Из исследовательских поездок можно было бы упомянуть лишь одну — в Константинополь и Малую Азию г.г. Алпатова и Брунова — но и то, как можно судить по краткому отчету, напечатанному в Виз. Временнике 7.26. 1926, она имела

целью скорей ознакомление с памятниками (и их состоянием) К-ля, Никеи, Трапезунта, чем производство каких либо новых работ или исследований. На местах работа, ведшаяся раньше, более или менее восстанавливается; такие заключения можно сделать в отношении Херсонеса (см. Отчет о Керченской Конференции Археологов в «Сообщениях» Акад. Ист. Матер. Культ. т. I). и Армении (см. Отчет о поездке в «Известиях» той же Академии, т. IV). Из работ, начатых до войны и доведенных в настоящее время до какого то конца (не такого, как предполагался), следует упомянуть вышедший в свет I том памятников Синая, изд. нный В. Н. Бенешевичем, и атлас таблиц, посвященный церкви Спаса-Нередицы ок. Новгорода Русским Музеем.

Памятники Синая Бенешевича содержат ряд воспроизведений замечательных памятников византийского искусства, напр. знаменитой мозаики Преображения VI или VII века, впервые изданной здесь сколько либо уловлетворительно, великолепной энкаустической иконы Спаса, относящейся, видимо, к тому же времени, ряда мозаических икон, миниатюр рукописей и т. д. Текст, касающийся археологического и художественного исследования памятников написан Н. П. Кондаковым, а исторического и палеографического — В. Н. Бенешевичем.

Работа по исследованию Спасо-Н редицкой церкви производилась еще до войны В. К. Мясоедовым (ныне покойным), Н. П. Сычевым, Л. А. Мацулевичем, Н. Л. Окуневым. Издание фотографического материала имеет то значение, что делает наконец действительно доступным для изучения важнейший памятник живописи конца XII века; к сожалению недостаток средств не позволил поместить цветных репродукций с фресок. К таблицам приложены статья В. К. Мясоедова о церкви и предисловие Н. П. Сычева, рассказывающее о реставрационных работах, произведенных в церкви после революции, и об истории издания.

Говоря о работах, производившихся в России, нельзя не упомянуть о первоклассном памятнике, открытом уже в после-революционное время, именно фресках конца XII века в Дмитриевском соборе во Владимире. Фрески эти расчищены по инициативе «Всероссийской Реставрационной Комиссии», работающей под руководством И. Э. Грабаря. От XIII в. сохранилась большая композиция Страшного Суда со множеством фигур Апостолов, ангелов, праотцев, святых и т. д. Грабарь посвятил этим фрескам специальную работу, вышедшую (увы) в Германии и на немецком языке , и несколько статей в русских журналах. Фрески Дмитриевского Собора во Владимире, вместе с росписью Нередицкой церкви два замечательных памятника византийской живописи конца XII века, сохранившиеся в России. Ниже, говоря о характеристике живописи XII в., мне еще придется вернуться к ним, и остановиться на высказанных предположениях о возможности участия в работе и русских мастеров, равно и о тех художественных связях, которые выясняются сами собой при сравнении с материалом сохранившимся на Балканах (только что открытых и потому еще малоизвестных) и сопоставлениях с некоторыми сведениями исторических источников. Наконец бегло замечу, что указанная комиссия, носящая теперь наименование Государственных Реставрационных Мастерских, проявляет большую активность в производстве «раскрытий» памятников живописи, иконописи и т. п. Работы производятся и производились гл. обр. в Москве, Новгороде, Суздальской Руси и т. д.; судя по спискам, приведенным неоднократно И. Э. Грабарем, в его работах, насчитывается довольно много расчищенных памятников. К сожалению издано еще очень немногое. Большая часть этих памятников относится ко времени уже позднейшему (XIV-XV в.в.) и подходит скорей под заголовок русского искусства, чем византийского, или же так тесно связана с русским искусством (напр., произведения Феофана Грека), что с трудностью может быть от него отделена. Поэтому мы и оставляем в стороне указанную группу памятников.

Несомненно одним из крупнейших событий в области изучения византийского искусства является появление I тома давно ожидавшегося издания пещерных церквей Каппадокии R. P. G. de Jerphanion'a. Материал для этого издания был собран давно (1907-11), еще до войны, которая и прервала издание и надолго его отложила. Пещерные церкви и монастыри представляют собой весьма интересное религиозно-культурное явление, характерное для всего православного Востока (включая и Египет*). Явление это интересно и для понимания русской религиозной жизни в эпоху непосредственно следующую за принятием христианства, достаточно вспомнить наше Печерские монастыри и жит я Св. Св. Антония и Феодосия Печерских, основателей такого монастыря у Киева. Живопись Каппадокийских пещерных церквей дает возможность судить о греко-восточной иконографии (о составе иконографических циклов, характере отдельных композиций и т. п.), о которой до сих пор можно было лишь догадываться и строить более или менее фантастические предположения. Для изучения характера и стиля живописи матерьял этот тоже имеет огромное значение, и историку христианского искусства столь же (если не более) необходимо знать живопись каппадокийских церквей, как напр. римских катакомб. Хронологически пещерные церкви располагаются от IX-X до XIII-XIV веков; возможно что некоторые отдельные фрагменты восходят к эпохе иконоборчества (судить о них еще не приходится, т. к. в вышедшую часть издания они не вошли), кое-что м. б. и более позднего времени; несколько надписей говорят об украшении церквей при

*) В настоящее время пещерные церкви и монастыри (в очень ограниченном, в смысле размеров, понятии этого слова, вернее кельи) кроме Каппадокии, классической страны пещерной «архитектуры», и Египта отмечены в других частях Малой Азии, в Сирии, Болгарии, Крыму, южной Италии. Любопытно, что та же мочастырская пещерная «архитектура» известна у буддистов, в Индии и Восточном Туркестане, однако здесь трудно провести какую либо зависимость или приписать кому либо первенство.

императорах Константине Порфирородном и Никифоре Фоке (X век). При характеристике живописи старшей из групп («архаической», памятники которой и составляют содержание I тома), т. е. IX-XI в.в., каппадокийских церквей иногда вводится понятие «графического стиля», чертами которого являются определенные контуры, почти однотонное заполнение лиц, лишь с бликами и тенями, известный схематизм в трактовке одежд. Общее впечатление от несколько грубоватого, но не лишенного силы и свежести, исполнения должно быть противопоставлено характеру столичного т. е. собственно византийского — Константинопольского, искусства, гораздо более утонченного и изысканного (как мы его знаем напр. из миниатюры). Каппадокийские росписи типичны для представления о греко-восточном, по происхождению вероятно сиро-египетском, искусстве. Наконец следует еще обратить внимание на ту роль, которую мог сыграть природный пейзаж Каппадокии (также и сев. Сирии) в создании т. н. иконного или иконописного пейзажа. Достаточно посмотреть на фотографии и виды окрестностей церквей и монастырей, чтобы убедиться, что основа, кажущихся фантастическими или «стилизованными» на иконах, горок и площадок чисто реальная. Понятно, что иконный пейзаж должен был создаться в греко-восточном искусстве и затем стать каноном для всякой иконописи; это становится еще более вероятным, если указать, что на иконах, имеются также и изображения самих пещерных монастырей.

Не менее важно по результатам исследование Балканского полуострова. Ведется оно гл. обр. местными силами, однако следует отметить значительность участия в работе французских ученых в Пелопоннесе, Сербии, на Афоне (G. Millet) и в Солуни - Салониках (Ch. Diehl), а затем и русских, систематически исследующих памятники Сербии (Н. Л. Окунев, С. Н. Смирнов, и группа художников, исполнившая великолепные копии для королевской коллекции), Болгарии (А. Н. Грабарь и С. И. Покровский), а отчасти и Пелопоннеса (Г. В. Вернадский). Перечислять все открытые памятники было бы здесь невозможно, т. к. количество их очень велико. В смысле издания материала нужно сказать, что издано не только не все, но даже очень немногое и часто почти неудовлетворительно. Изучение архитектуры обставлено лучше, чем живописи. Имеются специальные работы по архитектуре Греции, Сербии (G. Millet), Румынии и Болгарии *). Хуже обстоит дело с живописью, большая часть материала разбросана по разным периодическим изданиям, редко когда вся роспись бывает издана целиком, как напр. сделано для живописи 1259 г. в церкви Бояны ок. Софии в Болгарии.

В противоположность Константинополю, где пока что известны только немногочисленные мозаические и фресковые (одна) росписи эпохи Палеологов, т. е. конца XIII — начала XIV в. в., почти повсюду на Балканском полуострове можно построить непрерывный хронологически ряд памятников начиная XII-ым и кончая XVII веком**). Если не обратиться ко второму центру Балканского полуострова — Солуни — то можно возвести художественную традицию еще дальше вглубь веков. Солунь сохранила нам превосходные мозаики, начиная с IV века, но наибольшее значение имеют конечно мозаики VIII-IX в.в. в Св. Софии. Значение их выростает от того факта, что их несомненно копировали, как художественные оригиналы и освященные канонические образцы. Так, изображение Богоматери в церкви с. Нерез около г. Скопье в Македонии (церковь датируется надписью 1164 г.; роспись в большей части записана в конце XIX в., весной этого года сделаны частичные расчистки фресок под руководством Н. Л. Окунева); в фресковой технике передает характерные черты манеры изображать лик мозаикой. Манера, в мозаике вызванная техникой и характером материала — известная резкость, углы и линии на щеках, точно передана во фреске, где нет в этом необходимости. Богоматерь Нерезской церкви видимо скопирована с мозаического изображения в апсиде Св. Софии Солунской.

Несомненны в древнейшую эпоху (V-IX в.в.) сношения Солуни с православным Востоком (сиро-египетским углом); это был своего рода центр греко-восточного искусства. В XI-XII в.в. Солунь стала, видимо, очагом искусства для Македонии и более северных славянских государств. Памятники фресковой живописи XI-XII в.в. в Македонии — открытие самых последних лет (сейчас их насчитывается уже несколько, фрагменты в Св. Софии в Охриде, развалины церкви ок. с. Водоча, ц. ок. Нереза 1164 г.). Македонское искусство выступает с очень характерными чертами. Живопись чрезвычайно монументальна, манера широка и смела (посмотреть только твердость, доходящую почти до грубости, чрезвычайно уверенного контура, полное отсутствие мелочности в прописке деталей, напр., бород, волос и т. п.); в типах сильно чувствуется греко-восточная византийская основа (горбатые носы, характерный овал лица). При этом живопись носит черты подлинного реализма, художник, изображая Погребение Христа, рисует глаза Христа полуоткрытыми, брови Богоматери сведенными от горя, в Снятии со Креста изображает одну из ног Иосифа Аримафейского, стоящего на лестнице, подошвой к зрителю, в другой сцене — Входа Господня в Иерусалим — он намечает мускулатуру ног детей, приветствующих Христа. Однако тот же художник нигде не дает

---

*) Подробный список церквей с указанием упоминаний в источниках и приведением результатов археологического исследования опубликовала в Годишнике Болг. Нар. Муз. за 1922-5 г. г. г-жа В. Иванова, часть 1-ая доведена до XII в., работа при своей сжатости содержит большой фактический материал и удобна для пользования.

**) До настоящего времени только византийские мозаики давали почти непрерывный ряд памятников за целое тысячелетие (IV-XIV в.в.); разбросаны они на громадной территории от Палестины, Каира до Италии — Рима, Равенны, Венеции и Палермо..

лику Святого натуралистически правильной анатомии, ухо он всегда нарисует чрезвычайно схематично. Несомненно одно, что такой художник ничего не копировал с натуры, хотя и пользовался своими наблюдениями действительности. Он строго следил, чтобы были соблюдены установленные потретные образцы, чтобы Иоанн Златоуст был изображен с небольшой жиденькой бородкой, характерным суховатым лицом, тогда как Иоанн Дамаскин — в виде благообразного старца с орлиным носом и большой седой раздвоенной бородой, в чалме.*) Т. образ. он достигал индивидуальности каждой отдельной фигуры (особенно характерны лица св. св. монахов), если же присмотреться, то окажется, что пользовался он сравнительно небольшим количеством приемов, умело варьируя их. И достигалась этим необыкновенная живость, что в гораздо меньшей степени наблюдается в последующей живописи. Наконец замечателен еще и колорит этой живописи, тон тени в ликах оливковый, почти зеленый, что производит впечатление большой мягкости (Эти же земные тени отмечены в мозаиках кипрских и солунских). Чтобы кончить характеристику живописи XII в. нужно отметить весьма интересную аналогию между росписями ц. Нерезы и Спасо-Нередицкой; аналогии в данном случае не ограничиваются только характером, они есть и в иконографических сюжетах, и в их распределении, и в типах лиц, и в манере и приемах письма. Выше уже указывалась близость между Нередицкой росписью и фресками XII в. в Дмитриевском соборе во Владимире. Как известно по летописям, при Всеволоде Большое Гнездо, построившем этот собор, была привезена из Солуни часть гробницы Св. Димитрия. Как будто близость наших фресок с македонской живописью 2-ой половины XII в. говорит в пользу предположения (И. Э. Грабаря), что живописцы пришли тоже из Солуни. Но конечно решить этот вопрос без подробного сличения манеры письма невозможно, как невозможно еще определить были ли у греческих мастеров русские помощники (что пытается сделать И. Э. Грабарь в одной из своих статей; a priori это вполне вероятно). С другой стороны уже отмечена в литературе близость между собой памятников XII в. в Болгарии (Костница Бачковского монастыря) и Сербии (Столпы Св. Георгия ок. Нового Базара, ц. Немани в Студенице, Жича — нач. XIII в.). Того же порядка факт — иконографические аналогии с византийской живописью южной Италии. Т. обр. вырисовывается как будто известное стилистическое единство византийского искусства в эпоху XI-XII в.в. — искусства по духу своему монументального, импрессионистического, достигающего яркой индивидуальности и живости, доходящей до реализма, в то же время строго традиционального, живущего зависимостью от освященных преданием образцов.

Переходя к позднейшей эпохе, XIII-XIV в.в., мы сразу же сталкиваемся с заметными переменами в искусстве. Решение вопроса о том, где впервые произошли эти перемены и каковы их «причины» осложняется тем, что далеко не повсюду сохранились в равной мере памятники, а затем возникают и теоретического характера осложнения. Прежде всего приходится столкнуться с вопросом о г. н. византийском возрождении (renaissance byzantine). Необходимо сразу же указать, что в самом термине содержится отождествление или во всяком случае предполагается аналогичность (еще неизвестного) процесса развития византийского искусства*) с (хорошо известным) явлением, для европейской науки основоположным — именно тем движением, которое определило (в Европе) направление не только искусства, но и всей культуры «нового времени». До сих пор в корень этого вопроса ставилось обычно изучение искусства времени Палеологов, в частности мозаик Кахрие Джами, памятника сохранившегося в хорошем состоянии на почве самого Константинополя. Однако и здесь, несмотря на то, что история монастыря Хоры изучена и мозаики стали широко известными, использованы не все возможности. Фрески, имеющиеся в боковом приделе храма еще не опубликованы и не исследованы, тогда как исключительная важность памятника ясна, ибо он — единственный. В общей постановке вопроса, основанной обычно только на частичном знакомстве с материалом, создались два противоречивых мнения; оба сходятся на общепризнанном перерыве в византийской традиции в эпоху латинского завоевания (1204-1261). Оживляющих же, пришедших извне, влияний одно ищет на Востоке, другое на Западе. Третье предположение, отказывающееся от решительной роли пришедших извне влияний, выдвигает указание на общий культурный подъем в Византии, но не идет далее априорных (м. б. верных) суждений. В настоящее время новые памятники, до того отчасти недоступные исследователям, внесли существенное изменение в самую постановку вопроса. Раздались голоса о том, что рано решать общие вопросы и строить теории, т. к. громадное количество материала еще неизучено (греч. ученый Сотириу). В этом смысле оправдались слова Кондакова враждебно отнесшегося к необоснованным гипотезам и назвавшего их «археологической игрой».

XIII и XIV в. в. представлены достаточно обильно памятниками живописи на Балканском полуострове, в Болгарии, Сербии, Греции и Румынии. На II международном конгрессе византологов в Белграде в 1927 г. вопрос о «византийском возрождении» и его связи с живописью старых сербских церквей занимал центральное место. Известный историк византийского искусства G.

---

*) Н. Л. Окунев опубликует в ближайшем будущем часть этих фресок в журнале «Slavia», выходящем в Праге.

*) Черты этого процесса, в очень смелой и грубой схематизации обычно обозначаются гл. обр. как: большая свобода в композиции, стремление к известному реализму, воспроизведение черт более древних памятников, давно в византийском искусстве исчезнувших, а значит и изучение и копирование древних (гл. обр. эллинистических) оригиналов.

Millet указал, что живопись XIV в. Сербии в процессе художественной эволюции стоит впереди искусства того же времени в Константинополе (сравнение мозаик Кахрие Джами с фресками Ст. Нагоричина 1317 г.). Он утверждал также, что живопись сербских церквей XIV в. есть плод эволюции этого искусства, идущей через весь XIII в. и стоит в тесной с нею связи. В этом отношении особенно замечательна группа церквей XIII в. — Милешево (30--40с. г.г.)., Сопочаны (60-70-г.г.), Градац, Арилье (конец века). Н. Л. Окунев, исследуя характер живописи упомянутых церквей в Милешеве и Сопочанах пришел к выводу, что в ней существуют одновременно 2 течения, одно — архаизующее, воспроизводящее отдельные черты и детали византийских мозаик более древнего времени и иногда им намеренно подражающее, другое —новое с чертами отчасти связанными с художественным течением, идущим с Запада, т. е. от романского искусства и также итало-византийской живописи XIII в. Т. обр. следы западных влияний, которых искал Д. В. Айналов (в своем сочинении о византийской живописи XIV в., вышедшем в 1917 г.) в искусстве XIV в., находятся еще в XIII в., при чем уже не может итти речи о сильном художественном течении, оживившем умиравшее искусство. Отдельные более или менее значительные черты влияния отчасти имеют местный характер, отчасти проникают и далее на Восток. В этом можно видеть признак, обычный для всякой художественной эволюции. В XIII в. аналогичный процесс переработки византийского стиля происходил и в Италии, как это наглядно показал на ряде примеров итальянский ученый A. Munoz в своем докладе на том же с'езде. В живописи Болгарии памятники XIII в. (ц. 40 мучеников в Тырново — 1230. и гл. обр. ц. в Баяне 1259 г) стоят вне указанного процесса, живопись XIV в. только отчасти к нему примыкает, представляя довольно сложное смешение традиций и влияний (Земенский монастырь). В Греции открыт ряд памятников XIII в. (ц. Св. Троицы ок.Крапидион в Арголиде — 1245 г., и на о-ве Эгина, возобновленная в 1282 г.) и начала XIV в. (ц. 1311 г. на о-ве Эвбеи, все три опубликованы Сотириу), дающий пример иного характера и стоящий в тесной связи с ранее известными памятниками Пелопонеса (Мистра, Герана) XIV-XV в.в. Наконец с 1923 г. стал доступен для изучения (благодаря изданию Румынской Комиссии охраны историч. памятников и работе O. Tafrali в Monuments Piot) прекрасный памятник живописи конца XIII или (вернее) начала XIV в. — церковь резиденции угро-валашских господарей в Аржеше, по своей манере ближе всего стоящий к Константинопольскому искусству, как мы его знаем по Кахрие-Джами. Т. обр. становится ясным,что о перерыве художественной традиции в искусстве Балканского полуострова речи быть не может. Эта непрерывность традиции наиболее бросается в глаза при изучении колорита; так в смысле красок болгарские фрески XIII в. (Баяна) и сербские XIV в. (Нагоричино, Грачаница — ок. 1320 г.) недалеко ушли от гаммы Македонской живописи XII в. с характерными зелеными тенями. Говорить о возобновлении прерванной, в силу чисто внешних обстоятельств, художественной традиции, можно только для Константинополя, да и то с оговорками. Наиболее близкие к Константинопольским условиям были повидимому в России, где, несомненно, известный перерыв в византийской художественной традиции, об'ясняемый татарским нашествием; памятников XIII в. до сих пор неизвестно и оживление намечается, видимо, лишь к концу XIV века. Из всего сказанного можно сделать пока что один вывод, нельзя предполагать совершенно равноценного и одинакового развития во всех ветвях византийского искусства. Иначе говоря становится несомненным что не о «возрождении» неумиравшего византийского искусства должна итти речь, а о его дифференциации, т. е. разделении на несколько отличающихся друг от друга течений или художественных школ.

В качестве одной из черт, характерных для искусства XIV в. и для упомянутой его дифференциации нужно указать усложнение и разнообразие его иконографии. Появляются не только новые темы или даже целые циклы в зависимости от местных условий (почитания различных святых), но живут также и разнообразные типы («переводы») отдельных композиций. Единообразия в иконографии искать нельзя, и это разнообразие не может разобраться во взаимоотношениях различных ветвей в византийского искусства и выяснить характерные признаки художественных школ. Пока что громадная работа едва начата. Другой отличительной чертой является мельчание манеры, потеря чувства монументальной простоты в общем характере композиции, связанная с более тщательной мелочной разработкой деталей, в особенности в письме ликов. Об'яснимо это, лишь отчасти, сложностью иконографии, требовавшей такого мельчания (большое количество фигур и т. д.). С другой стороны в разработке личного письма несомненно влияние станковой живописи. Повидимому оригиналами перестали служить монументальные произведения искусства. В этой роли их заменили иконы. Причина, конечно, та, что далеко не всюду была возможность видеть монументальный оригинал, тогда как икону, освященную преданием, принести было не трудно. Начался этот процесс еще с XII в., для которого известны факты принесения почитаемых икон в России, а также изображения во фреске (Киев, в Болгарии — Бачково, в Сербии—ц. Немани в Студенице, Жича и др.) икон также повешенных на стену напр. алтаря (в рамках, с кольцами и гвоздями).*) К тому же художники писавшие иконы и фрески, были часто одни и те же. Характерным представителем этого типа является известный гл. обр. по России Феофан Грек. Однако, наряду с типичной для XIV в. «иконописной» манерой намечаются иногда (в особенности в Западной части Балканскаго полуострова) смутные поиски какой то лепки лица, т. е. движение

*) См. об этом в статье Окунева в Seminarium Kondakovianum, т. I, 1927 г. табл. XXIII и стр. 244.

в сторону «живописной» манеры». Это дает возможность в будущем проникновению все в большей степени западных гл. обр. итальянских влияний. Создавшаяся «греко-итальянская» школа живописи в последующие века получит на Балканах преобладающее значение.

Исключительной важности центром поздне-византийского искусства для XIV-XVII в.в. является Афон. И в этой области появившаяся только что в свет публикация известного французского византиниста G. Millet—несомненно большой вклад в сокровищницу науки. Вышедший пока только атлас с большим количеством таблиц позволяет систематически ознакомиться с живописным материалом Святой Горы. А материал этот громаден. Несмотря на то, что текст этого издания еще не вышел, некоторые изменения в представлениях об афонской живописи оно вносит. Так новостью является датировка известных фресок Панселлина в Протате — XIV веком. Исторические данные говорят за то, что последний жил в XVI веке, традиция приписывает именно ему фрески Протата. Однако стиль их и многочисленные аналогии с памятниками XIV в. позволяют поверить в правдоподобность предположения G. Millet, считающего, что в XVI в. фрески были лишь слегка поновлены, при чем это поновление не изменило ни общего характера, ни тем более иконографии живописи XIV в. Другое изменение внесено в общепринятое представление о дате фресок Георгиевского параклиса монастыря Св. Павла, приписываемых Андронику Византийцу и датируемых 1423 г. Millet относит, их к 1555 г. и считает фрески работой мастеров критской школы, писавших на Афоне в 30-х — 60 х. годах XVI в. Аналогии между т. н. живописью Андроника Византийца и работами критян отмечались уже давно (между прочим Н.П.Кондаковым), однако насколько обосновано приписывать роспись критянам, сказать трудно, не зная аргументации Millet. Приходится ждать его текста.

Этим мы и закоччим наши заметки о новых данных в изучении византийского искусства, по необходимости носящие беглый характер. Мы намеренно обходили вопросы касающиеся иконописи вообще, в частности, гл. обр. иконописи русской, а также русской фресковой живописи, надеясь в свое время коснуться этих вопросов в специальной заметке, которая явится продолжением настоящей.

Н. Белиев,

ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКА.

Едва ли не самой характерной чертой евразийства, как активного движения, стремящегося со всем напряжением реализовать себя в конкретной действительности, является его обращенность к актуальнейшим задачам и запросам завтрашнего дня. А это в свою очередь возможно лишь при предельной чуткости к действительности, осуществимо лишь в том случае, когда прощупывается пульс жизни и — прежде всего — жизни СССР, ибо для наших конкретных построений это в сущности и есть отправная точка. Не мечта и настроение, а именно — реальность. Что это бесконечно трудно и во всяком случае труднее, чем переругивание в эмигрантских газетах и политиканские споры о програмных поправках и группировках, — об этом вряд ли нужно говорить. В условиях докринерски слепой коммунистической диктатуры лишь подлинно жизнеспособное может как то пульсировать и утверждать себя в жизни вопреки воле тиранического режима. И как бы ни был слаб пульс, он все же знак и свидетель жизни.

Вот эту чуткость к подлинно жизнеспособному там, чуткость к возможностям мы с удовлетворением отмечаем в ряде недавно выпущенных евразийским издательтсвом работ. В этих работах от общих принципиальных установок и обоснований евразийства мы переходим к решению отдельных конкретных заданий, но характерна самая постановка вопроса: напр., «Советский строй и его политические возможности» — так озаглавил свою книгу по вопросу государственно-политического строительства проф. Н. Н. Алексеев. Уже в самой формулировке темы указана исходная точка его конкретных построений.... Словом, чуткость к действительности и выход в суждениях от нее.

Не меньшую чуткость к пульсу жизни современной России-Евразии мы встречаем в сборнике Кн. Н. С. Трубецкого — «К проблеме русского самопознания», особенно в его статье о русском языке («Общеславянский элемент в русской культуре»). Необходимо отметить, что языковой вопрос, или вопрос языковой политики ввиду совершенно исключительных условий внутренне национальных отношений в С.С.С.Р. является едва ли не самым острым вопросом в проблеме будущей России-Евразии и снять его просто с очереди ни теперь, ни потом не представляется возможным, да об этом, насколько известно, никто из евразийцев и не думает, если мы рассматриваем каждую из входящих в состав России-Евразии народностей, как индивидуацию единой, наднациональной евразийской культуры. Следовательно нужно как то по иному, чем раньше, подойти к этому вопросу, определить взаимоотношение языков, и как главнейших факторов всякой культуры, а прежде всего дать себе ясное представление, что такое русский литературный язык, о котором мы в сущности ничего не знали, кроме того, что он — «великий, могучий, правдивый и свободный», а это в

языковой политике еще далеко не все. И нужно сказать, что в русской лингвистической науке мы не имеем ни одного труда, который так просто и так всесторонне освещал бы постепенный процесс выработки русского литературного языка, его существа, как продолжателя церковно-славянской кирилло-мефодиевской традиции и его взаимоотношения с яз. украинским. Вместе с тем это не есть чисто научная работа, идея которой случайно родилась в процессе лингвистических исследований, которыми Кн. Н. С. Т. непрерывно занят: это своевременный ответ на запрос завтрашнего дня. Достаточно познакомиться хотя бы немного с лингвистической литературой С.С.С.Р., чтобы убедиться в актуальности выдвинутого Кн. Н. С. Т. вопроса. Его статья вышла в начале 1927 г. В то же время вышел в Ленинграде очередной № научного лингвистического журнала «Русская Речь» (из серии сборников, издаваемых отделом словесных искусств Г. И.И.И. «Akademia». под ред. Проф. Щерба), в котором редакция открывает новый специальный отдел — «Как складывался русский литературный язык». В предисловии к этому отделу отмечается, что «вопрос о происхождении русского литературного языка является одним из актуальных в русской филологии».

Печатаемые в этом сборнике статья и освещают отдельные стороны вопроса. Так Обнорский напечатал в том же номере статью — «К истории словообразования в р. лит. яз»., а В. Виноградов — «К истории лексики в русск. лит. яз». Очень интересные статьи касаются однако маленьких сравнительно частностей вопроса: первый рассматривает суффиксы абстрактных имен (напр. добр-о т а, син-ь, дешев-и з н а и т. п.) указывая, что большая часть таких суффиксов — церковно-славянские по происхождению; второй — тот-же церковно-славянский элемент устанавливает в словарном составе русского языка. И та, и другая имеют ввиду гл. обр. филолога-специалиста и не дают общей картины, какую находим у Кн. Н. С. Трубецкого.

В дореволюционной русской средней школе распределение занятий по родному языку было таково, что изучение языка оканчивалось в 4 классе. Уже это само по себе предопределяло судьбу и результат изучений: нельзя было ребенку дать научное представление о родном языке, этом важнейшем средстве его будущей жизни, и самое большее, чего достигали, это выучивали грамотно писать. Этого действительно достигали, но часто ценой очень дорогой: большинство ненавидело «русский язык», под которым понимало знание «правил» с многочисленными «исключениями», диктанты и пр. Часто и теперь уже взрослые и осведомленные люди отвечают, что учили грамматику для того, «чтобы грамотно писать». Но из личного опыта каждому очень хорошо известно, что пишет он, не руководствуясь правилами, а часто их и просто не знает. И тем не менее пишет грамотно. Словом — одно грамматика, которая может быть предметом самостоятельного изучения, как всякий другой предмет, а другое — правила правописания, знание орфографии...Эти вопросы поставлены на очередь в научно-педагогической литературе, и мы имеем о них целый ряд очень интересных и ценных работ, появившихся в России за последние годы. Таковы, напр., работы Пешковского — «Сборник лингвистических статей», 1926 г., в котором этот большой знаток постановки русского языка в средней школе, различая «уменье грамотно писать» и «знание грамматики», предостерегает от излишнего увлечения некоторых, будто в средней школе и совсем не нужно проходить «грамматику», если школьная грамматика лишь слабый суррогат научной, а для жизни достаточно просто «уменье грамотно писать». Пешковский защищает прохождении грамматики в средней школе, но и распределение занятий необходимо пересмотреть и учебники соответственно переработать, чтобы не было противоречия между грамматикой научной и школьной. Тогда в младших классах можно действительно ограничиться только практическим освоением языка, да усвоением навыков правописания и лишь в старшем, м. б. последнем, классе, предложить учащемуся научно построенную и ему доступную грамматику родного языка... Ряд работ Пешковского посвящен вопросу о взаимоотношении грамматики — школьной и научной. Таковы: «Об'ективная и нормативная — точка зрения на язык». Сб. «Русский яз. в школе» 1923. в. I. «Школьная и научная грамматика» и др.

Уже давно лучшими русскими лингвистами поднят был вопрос о несоответствии школьных грамматик с научными выводами лингвистики. И только в последние годы этот вопрос стал вопросом школьной практики: свежее дыхание чувствуется в новых руководствах. При том развале и разгроме школы, который произвели коммунисты-большевики, «ликвидируюшие» безграмотность, все эти здоровые мысли и идеи, конечно, не могут быть осуществлены... Это тоже живые побеги, пробивающиеся сквозь коммунистическую мерзость и запустение.

В науке о языке существуют различные методы его изучения. Можно изучать историю языка, следить за постепенным развитием и видоизменением его звуков, грамматических форм, словосочетаний — это будет исторический метод изучения языка. Но понятно, что для такого изучения необходимы языковые документы, памятники языка, потому, отправной точкой изучения может быть только время появления первых памятников, письменных свидетельств о языке. Для языка русского это будет — 11-е столетие, от которого дошли до нас наши древнейшие памятники (Остромирово Евангелие 1056 г., Изборники Святославовы 1073 и 1076 г.г. и некот. др.). Проникнуть в судьбы языка лежащие за пределами памятников с одним историческим методом невозможно. Поэтому применяется метод сравнительный, т. е. сопоставляются факты данного языка с фактами ближайше родственных языков. Для языка русского — с фактами остальных языков славянских, отбрасывая особенности отдельных языков, сближая им общее, можно восстановить тот основной язык, праславянский, из которого путем диалектического дробления развились отдельные славянские языки. Таким путем мы получаем сведения о жизни языка в до-историческую

его эпоху, следим за его судьбой до появления письменных памятников. Идя в сопоставлениях дальше, можно затем факты праславянского языка сравнивать с данными таким же способом восстановленных языков прагерманского, праромансского и т.д.—и подойти к индо-европейскому праязыку — общему родоначальнику языков почти всех европейских, славянских, индийских и иранских. Такой язык с его системой звуков, форм и синтаксиса действительно был восстановлен наукой настолько, что , напр., известный лингвист первой половины XIX в. Шлейхер писал басни на индо-европейском праязыке. Соединение этих двух методов приводит к сравнительно-историческому методу, которому наука о языке обязана восстановлением исторической эволюции лингвистических форм.

Однако язык является не только об'ектом всестороннего научного исследования, но и средством социального общения и в этом смысле — важнейшим фактором всякой человеческой культуры, наиболее ярким выразителем и определителем культурного лица того или иного народа. Если так смотреть на язык, то при изучении его прежде всего интересен не исторический процесс его развития, а сам язык в данном отрезке времени, соотношение отдельных сторон языка (звуков, форм, синтаксиса) и их частностей между собой в данное время, т.е. — иными словами — необходимо изучение его синхроническое, статическое, а не эволюционное, при чем не столько в данном случае имеет значение изучение отдельных звуков и форм и их соотношение в рамках языковой системы, сколько изучение тех значений, носителями которых эти звуки и формы являются, изучение смысловой стороны речи. В силу этой смысловой стороны своей, язык только и может быть фактором социальным, иметь социальную значимость. Точка зрения эта впервые была развита известным швейцарским лингвистом Де-Соссюром, нашим современником. Пользование языком в целях социально-коммуникативных допускает возможность постановки вопроса о рационализации пользования языковыми средствами, т. е. о сознательном пользовании этими средствами в зависимости от цели, которую говорение преследует, и социальной обстановки, в которой оно происходит. Ведь каждому из личного опыта хорошо известно, что он иначе строит свою речь, когда говорит с приятелем, иначе с малознакомым лицом иначе с начальством, иначе с хозяином. И слова выбираются иные, и соединение их иное в каждом из упомянутых случаев. То-же и в случаях письменного изложения своей речи: одно написать приятелю, родителям, другое — письмо к владельцу предприятия о предоставлении работы и т. д. Горе тому, кто вещи эти путает, и как много успевает человек, умеющий своевременно вставить подходящее слово! Словом, каждый по своему, в меру уменья пользуется средствами родного языка в зависимости от цели, которую преследует, и социальной обстановки, в которой находится. Но можно уменье повысить в продуктивности, превратить в знание или по крайней мере усилить знанием. Это и будет рационализация, о которой говорено выше... Таким образом выдвигается проблема рациональной организации речевой социальной деятельности, которую Г. Винокур называет «проблемой культуры языка». Его очень интересная книга «Культура языка», Москва, 1924 освещает изложенные выше вопросы, которые представляют интерес, конечно, не только для специалиста-лингвиста, но для каждого культурного человека, так как на деле всякий человек занят языкомъ, и проблема культуры языка является одной из основных проблем культуры вообще. Г. Винокур т. о. приходит к мысли об утилитарном использовании научно-лингвистических достижений, к мысли о своеобразной технологии языка. В этой плоскости наука о языке уже соприкасается с широкими слоями общества, интересы языковедения и общества взаимно проникают.

Развивая свои мысли о прикладном языкознании, Г. Винокур дает ряд очерков, об'единенных в трех отделах: язык быта, язык прессы и, наконец, третий отдел посвящает рассмотрению вопроса о стилистическом и культурно-лингвистическом значении искусства слова. В очерке первого отдела «О пуризме» В. касается очень живого вопроса современного русского языка, — вопроса о неологизмах, хлынувших широким потоком в эпоху революционную. Он определяет пуризм, в его исторических примерах, как настроение; человеку «не нравится», «неприятно» говорить «по новому». «База пуризма — говорит Винокур — это всегда или косность, упрямство традиции, или — к сожалению, чаще всего — политика». Пуризм В. принимает лишь в одном смысле — поднятие общей лингвистической культуры на основе вдумчивого, строго научного знания зыка. — Интересен очерк «Язык нэпа» с его бесконечными сокращениями телеграфного типа. В лингвистическом отношении период «нэпа» В. определяет, как время «осознания говорящим коллективом языковых процессов, начавшихся в русском языке с войной и революцией». Под осознанием В. понимает некоторое упорядочение того, что имело место и раньше, т. е. в период военного коммунизма, когда все должно было переименовываться по революционному: как невыносимый «министр» должен был быть заменен «комиссаром», так «дипломатический курьер» должен был превратиться в «дипкура». Увлечение таким революционизированием привело к гипертрофии сокращений, и в период нэпа» наметилось стремление как то упорядочить эти сокращения, произошло некоторое осознание революционных лингвистических процессов. Так слово «нэп», появившееся на свет в каком то фельетоне, описывавшем разгул обрадованных торговцев, вскоре приобрело этически-эмоциональный оттенок: в № 36 «Экономической жизни» 1921 г. пишется — «вдохновители новой экономполитики», не «вдохновители нэпа», — потому что «вдохновители нэпа» были бы «нэпманы», т.е. совсем не то, что имеет ввиду оффициальный орган. Этот — выбор между «вдохновители нэпа» и «вдохновители новой экономполитики — не совсем безразличный в условиях коммунистического режима — говорит о необходи-

мости для говорящего выбирать, делать какие то стилистические усилия в рамках бытового разговорного языка, это — сознательное использование языковых средств, усилие по пути культуры языка. — В 3-м очерке — «О д и н из вопросов языковой политики» — Винокур касается темы, практический интерес которой определяется революционными условиями места и времени: дело идет о революционных лозунгах, революционной фразеологии, которые сыграли такую роковую — с нашей точки зрения — роль в распространении и успехах коммунистической пропаганды. Правда, часть из этих лозунгов сложилась в кругах «политически грамотного» подполья, но вынесенные наружу, став достоянием социальным, зазвучали эти лозунги по иному — «сочно, напористо, убедительно» и... привели к Октябрю. «Долой войну!» «Религия — опиум для народа!» «Мир хижинам — война дворцам!» и т. д. и т. д., — они били в уши своей резкостью, красная пресса на них смотрела, как на основные, «узловые», формулы, их развивала в статьях, раз'ясняла... С точки зрения социальной обстановки и цели высказывания языковые средства использованы были отлично. Но прошло несколько лет, обстановка несколько изменилась, ухо и глаз привыкли к словесным формулам, и лозунги потеряли для массы свою «разительность и напорность», превратились в штампы, из которых вынут смысл, и — «Долой империализм!» «Наступление капитала!» и пр. и пр. зазвучали по иному: бессмысленно и скучно... Это заметили и вожди красной прессы, и сам Троцкий, который заявил как то, что «молодежь, выросшая в атмосфере лозунгов, призывов, плакатов, р и с к у е т п е р е с т а т ь р е а г и р о в а т ь н а н и х». В таком положении технология языка может выполнять цель политическую; нужно освежить революционную фразеологию, сделать ее через выбор соответствующих языковых средств действенной. Горю может помочь, по мнению автора, поэзия, как квалифицированная стилистическая форма, высоко развитая речевая техника, напр., слитки Маяковского:

Отгородимся от бурь словесных молом,
К делу!
Работа жива и нова.
А праздных ораторов —
На мельницу!
К мукомолам!
Водой речей вертеть жернова...

Или: Шагайте, да так, комсомольцы,
Чтоб у неба звенело в ухе!

Речь идет не о том, чтобы поэзия давала эти лозунги, но чтобы она своей высокой стилистической техникой давала примеры, образцы речевой техники быта. Мысль о том, что писание стихов обрабатывает слог, высказывал Толстой (Б. Эйхенбаум: «Молодой Толстой» 1922, стр. 33) и И. В. Киреевский (пол. собр. соч. 1911, т. I. стр. 12) О культурно-лингвистическом значении поэтического творчества Винокур еще раз говорит в очерке — «Поэзия и практическая стилистика». В отделе очерков «Язык прессы»Винокур приводит ряд интересных положений, иллюстрирующих его основную мысль о целесообразном использовании языковых средств, в данном случае о стиле, определяемом самой сущностью и назначением газеты. Необходимость, особенно в газетных сообщениях, в наименьшем количестве строк достигнуть максимальной насыщенности фактической ведет в газетном стиле к сознательной установке на средства выражения. В газетной речи задача выбора соответствующих грамматических форм существеннее выбора словарного материала: нужно выбирать наиболее вместительную синтаксическую конструкцию.

Отсюда обилие в телеграммах придаточных предложений, отсюда всякие: «по сообщению из авторитетного источника...», «в оффициальных кругах заявляют»..., «по словам»..., «как заявил» и пр. и пр. Как пример синтаксической напряженности газетного сообщения Винокур, приводит телеграмму: «Полномочный представитель Р.С.Ф.С.Р. в Китае тов. Иоффе вручил китайскому министерству иностранных дел ответную ноту на запрос последнего, правильно ли газетное сообщение, будто дальневосточный ревком распространяет свою власть и на восточно-китайскую железную дорогу, против чего китайское правительство заявило протест». Если бы эту телеграмму передать обычным разговорным языком, пришлось бы развивать целое повествование, так как всего количества сообщаемых в ней фактов не вместить в одну фразу без большого синтаксического напряжения. А это в свою очередь делает газетную речь порой трудной для мало подготовленного читателя. Поэтому все пожелания писать газету и «понятней и проще» не осуществимы без ущерба для ее фактической насыщенности при малом сравнительно количестве страниц. — При всем этом возникает необходимость специальной подготовки газетных работников. Два очерка посвящены этому вопросу («Корреспондентский кружок», «Работа над газетой»). — В очерке «Язык типографии» Винокур занимается проблемой зрительного, графического языка, отличного от языка звукового, так как графика, знаки звуков (буквы) могут не только обозначать самый звук, но иногда быть и также носителями самого смысла слова. Это легко понять на примере написания слова м и р по старой орфографии: м і р «вселенная» и м и р «тишина». Здесь буква и в двух своих разновидностях является носителем двоякого смысла слова, она дифференцирует значение. В печатном деле свои смысловые функции имеют формы типографского шрифта (напечатанное курсивом оттеняет смысл и значение написанного, все , набранное шрифтом, отличным от основного набора, выделяется по своему смысловому значению из контекста: таковы слова и отрезки, печатанные

разрядкой; в рукописи это достигается разнообразным подчеркиванием). — В очерке последнего отдела «Пушкин-прозаик» Винокур подчеркивает значение писем Пушкина для правильного уяснения, как обиходный разговорный язык, язык быта, превратился под пером Пушкина в язык литературный; какая при этом была проделана Пушкиным культурная работа над словом, в которой ярко отразилась величественная простота гения нашего поэта. — Небольшой очерк «Речевая практика футуристов» и в виде приложения — «Культура чтения» заканчивают очень ценную книгу Винокура. — Сам автор предупреждает, что его работа — не диссертация и не исследование, а лишь ряд очерков, связанных одной основной идеей о том, что общее культурное развитие не мыслимо в отрыве от развития и совершенствования культуры лингвистической в том понимании ее, как было указано. Поднятием культуры языка вообще поставлены будут на свое место те нововведения, что вошли в русский язык за последнее время: запрещением или мерами обычно понимаемого пуризма с ними не справиться. Да и для того, чтобы говорить о них за или против, нужно, повидимому и тому, кто говорит, взглянуть на вопрос культуры языка серьезнее, чем позволяет то знание школьной грамматики.

Революция и связанные с ней события последнего десятилетия произвели колоссальные сдвиги в социальном строе России-Евразии и выдвинули к активной роли в государственной жизни людей, слабо приобщенных и вовсе не приобщенных к духовной культуре. Отсюда возникает потребность приобщения к начаткам культуры новых, более широких масс, потребность, определяемая не одним гуманным, добрым желанием людей умственного труда поднять просвещение, а простой необходимостью как то справляться с задачами государственного строительства и управления. Иной вопрос, насколько и как это выполняется, но проблема приобщения к культуре широких масс революцией остро поставлена.*) И здесь вопросы языка приобретают принципиально общественное значение.

А время требует в этой области иного, чем прежде: более прикладного, утилитарного знания, построенного на основах новейших научных достижений. Отсюда практический уклон большинства работ по языку, появившихся в С.С.С.Р. Если это какие нибудь диалектологические работы, так связаны они с краеведением; если это работы по литературному языку, так или о «технологии языка» или о стилистике; если это труды по грамматике, то в целях использования для школы и т. д. Нельзя, конечно, думать, что нет совсем и чисто-научных работ: есть и не мало. Печатаются они и в Известиях Академий Наук (Всесоюзной в Ленинграде и Украинской в Киеве), и в научных журналах, как, напр., «Язык и Литература», и в печатных трудах университетских. Однако более характерны для времени работы первого типа.

В заключение я позволю себе посоветовать нашим друзьям познакомиться более подробно с книгой Винокура хотя бы для того, чтобы с должной серьезностью отнестись к оружию, которое приобрело такое огромное, иногда решающее значение в событиях последних лет.

Л. Копецкий.

Прага, IX. 27.

*) Это приобщение» мы понимаем в духе статьи Кн. Н. С. Трубецкого — «Низы и верхи русской культуры».

ТЕКУЩЕЕ

Евразийцы на Балканах

Балканы до сих пор еще остаются крупным центром русской эмиграции. Острые моменты тяги в другие страны уже миновали и лиц, живущих ныне в том или ином государстве, можно, без особой боязни впасть в ошибку, считать живущими там оседло. В связи с этим и бытовой уклад и политическая работа приняли на местах более или менее устойчивый характер. Благодаря этому, а также и тому, что Евразийская активность на Балканах имеет за собою уже некоторую давность и традицию, там создались дружные организационные кадры и у местных деятелей сложилась значительная общность взглядов на вопросы, связанные с повседневной работой. Это обстоятельство чрезвычайно существенно, ибо придает такой работе ту внутреннюю согласованность, без которой планомерное развитие организационной деятельности было бы недостижимо. Вместе с тем местным деятелям — в отличие от лиц составляющих направляющий и идеологический центр — физически невозможно отрешиться от участия в тех или иных событиях текущего момента, в их местном преломлении, и избежать отчетливого выявления своего отношения к ним.

***

Евразийское дело стоит под знаком непримиримости, безусловной, решительной и бескомпромиссной непримиримости к коммунизму. Однако, характерное для времени добровольчества стремление под предлогом пресловутой «аполитичности» механически об'единить в одно целое разнородную массу противоречивых интересов, сходившихся единственно на отрицании коммунизма, и то часто по взаимно исключающим одна другую причинам, сменилось в евразийской среде на Балканах органической спайкой — подданством объединяющей и сплачивающей идее. В связи с этим изменилась, точнее передвинулась значительно вперед цель борьбы. Она перестала исчерпываться свержением коммунистической власти. Свержение стало мыслиться лишь, как необходимый этап борьбы, — этап неизбежный, но не конечный. — Без свержения коммунизма не могут быть раскрыты великие судьбы изжившей и преодолевшей революцию России, не может быть выявлена ее самобытная (на основе Православия построяемая) культура, направляющая для всего Евразийского материка.

***

Истекший год характерен чрезвычайной интенсификацией травли поднятой против Евразийства (а, следовательно, по доброму русскому обычаю, и против отдельных евразийцев) некоторыми группами русской зарубежной общественности. Цепляясь — кто за призрак власти над эмиграцией, кто за мираж идеологического руководства ею — представители поколебленных дореволюционных миросозерцаний и после революционных честолюбий пытались — и голословным отрицанием, и клеветой, и даже, в наивном простодушии и самоочаровании, приказами — остановить рост нового, национального до самых исторических истоков своих, мировоззрения, и воспрепятствовать проникновению евразийских идей во все более и более широкие слои выброшенных за пределы родной страны людей. Между тем становится все более и более ясным, что не те, кто солидарно ответствен за прошедшую катастрофу, призваны и способны вывести нас из оврага, в котором мы очутились; что не по плечу эта задача тем, кто из своих расслабленных рук выпустил власть во время войны; тем, кто неконструктивную критику из поколения в поколение преемственно обращал в профессию; тем, наконец, кто из поджигателя в молодости к старости обратился в пожарного... Не им, как и не социалистам дать ответ на мучительные искания тех, кто пытается осмыслить кажущуюся бессмыслицу происшедшего и проникнуть в загадку будущего.

Вследствие изложенного поднятая травля при всей ее злобной напряженности цели не достигла и распространения евразийских идей не приостановила. Напротив того, она необыкновенным образом подняла и обострила интерес к Евразийству в широких эмигрантских массах. Так уж искони повелось, что интерес всегда возбуждается бранью больше, чем похвалой. Одновременно

она вызвала и укрепила исповеднический пафос в среде тех, кто свои взгляды не привык подгонять под трафарет угодный тем, кто почему то вообразил себя идеологическим или строевым начальством.

Попытки обвинить Евразийство во всех смертных грехах, хотя и доставили отдельным евразийцам много скучных и тяжелых переживаний, однако же принесли движению весьма ощутительную пользу. Отринув от него с одной стороны неустойчивые и маловерующие элементы, а с другой тех, кто напряжению самостоятельной мысли предпочитает покой привычного шаблона, эти попытки будили в добросовестных и пытливых умах желание самостоятельно разобраться в мировоззрении, с такой страстностью оспариваемом. И не трудно было этим умам убедиться, что правда далека от того винигрета обвинений, с которыми пестрыми рядами выступают против евразийства его профессиональные и доброхотные враги, что нет в нем ни «неблагонадежности», ни уклонов к «соглашательству», о которых периодически «намекали» наши благородные и в молодости много боровшиеся с «доносительством» оппоненты, ни «черносотенства модерн» столь испугавшаго некоторых авторов в «Посл. Новостях», ни «вывиха мозгов», о котором истерически предупреждала с-р'ов одна их соратница, ни даже «неуместного увлечения» по характерному выражению одного, впрочем весьма почтенного, военного генерала, в свое время безуспешно пытавшегося приказом принудить всех б. военно-служащих стать для чего то «аполитичными». И не только убедиться в изложенном, но и найти в круге евразийских утверждений многое такое, что неосознанно соответствовало и отвечало собственным мыслям и неоформившимся исканиям.

Истекший год богат для нас в этом отношении опытом... Богат и ценными пробретениями.

***

Из стран, расположенных на Балканском полуострове наиболее ярко проявилась в текущем году евразийская работа в Сербии. Необходимость такой интенсификации была вызвана рядом причин. Вследствие некоторых бытовых и исторически сложившихся условий, русская эмиграция в Сербии стала в положение как бы старшего брата к эмиграции, осевшей в Болгарии, оказавшейся к тому же во многих случаях в прямой зависимости от Белградских русских административных и организационных центров. Между тем евразийская деятельность в Болгарии имела значительно большую давность, а потому и более налаженную чем в Сербии организацию. Пробел необходимо было восполнить — что ныне и осуществлено.

Одновременно было признано желательным усилить популяризацию евразийских утверждений путем изложения и обсуждения в доступной форме не только идеологических, но и чисто тактических установок — хлеб добывается с большой затратой труда, а потому многим серьезное чтение просто недоступно... Во исполнение данного решения в Белграде состоялось несколько собеседований, на которых местные и приезжие евразийцы разбирали в ряде докладов очередные вопросы идеологическаго и тактическаго свойства и обменивались мнениями о событиях текущего момента. Кроме того, и уже в частном порядке, нашими белградскими единомышленниками было сделано несколько сообщений в тесном кругу некоторых местных организаций — по приглашению этих последних. Такого рода общения очень способствовали установлению атмосферы взаимной терпимости и доброжелательных отношений с теми, кто хотя и расходится с нами во взглядах, однако искренно ищет подхода к пониманию таковых. Состоялось несколько докладов и в провинции. Наиболее значительным как по аудитории, так и по возбужденному их интересу был доклад полк. Ген. Шт. Р. К. Дрейлинга в Загребе.

Из издающихся в Белграде двух газет — одна, «Русский Военный Вестник», издавна с непредвзятым интересом и симпатией относится к евразийству. Другая, «Новое Время», свое отношение к евразийству выражает довольно пестро, что может быть объяснено единственно тем, что внутри самой редакции не установилось в этом вопросе полной общности взглядов. Одна часть редакционной коллегии, связанная с традицией русской национальной мысли, повидимому, отнеслась к евразийству сочувственно, видя в нем новое, безусловно национальное течение русской мысли*); другая же часть, с этими традициями ни именем, ни прошлым своим не связанная, но по каким то причинам пользующаяся большим удельным весом, чем первая, обрушилась за последнее время на страницах того же «Нового Времени» на евразийство с обычными для наших противников отчасти доносительными приемами. К прежним обвинениям прибавилось новое — недостаточно бережное отношение к «точности юридической мысли, выработанной западом...»

Отмеченная выше непредвзятость «Русского Военного Вестника» к Евразийству и вообще независимость его мнений не могла оставить безучастными те круги русской эмиграции, кто в каждом военном пытаются видеть подчиненного, требуя от всех б. военнослужащих полной «аполитичности», — кроме, конечно, самих себя. «Русскому Военному Вестнику» было поставлено в вину неуместное увлечение Евразийством (и поставлено еще и другое, также касающееся убеждений, требование) и предложено срочно сойти с «несоответственного пути» под угрозой принятия всевозможных мер воздействия в случае отказа. На измену своим убеждениям редакция «Русского Военного Вестника» разумеется не пошла и исповеднически стойко отвергла предъявленные к ней требования, тем более неожиданные, что «Русский Военный Вестник» является всецело изда-

*) «Новое время» от 21 Января 1927 г. № 1717. Передовая, посвященная разбору изданной нами брошюры «Евразийство».

нием своего Редактора-Издателя Н. П. Рклицкого и ни в какой материальной зависимости, — как это всем хорошо известно, — ни от кого, а тем более от каких-либо военных организаций, не состоял и не состоит. Н. П. Рклицкий «не считая возможным по долгу совести выполнить предъявленное ему, как члену Русского Обще-Воинского Союза, требование о коренном изменении направления «Р. В. Вестника» в вопросах составляющих его верование»* подал заявление о выходе своем из состава этого Союза. Таким образом «Русский В. Вестник» останется тем, чем он был.

Работа в Болгарии протекала значительно более спокойно и свелась главным образом к поддержке и укреплению уже существующей организации, распространению литературы, обсуждению текущих вопросов и собесодованиям, устраиваемым как в чисто евразийской среде, так и в среде, хотя и не евразийской, но интересующейся этим мировоззрением и желавшей ознакомиться с ним вне нарочитой предвзятости газетных статей. Местные церковно-общественные злобы дня сильно отвлекли вниманче русской эмигрантской колонии от вопросов более принципиального общего характера, почему последние переживались с значительно меньшей остротой, чем в Сербии.

Текущей зимой предположено устройство как в Софии, так и в Болгарской провинции ряда публичных докладов с участием как местных, так и приезжих лекторов.

Греция, по незначительности русской эмигрантской колонии, разбитой между Афинами и Салониками, является своего рода полуфронтами. Однако, интерес к евразийству наблюдается довольно значительный и там. Одни подходят к евразийству с симпатией, другие с опаской, легко рассеиваемой при более близом ознакомлении с ним, и оглядкой на «начальство», некоторые с враждебностью — и все почти с интересом...

***

На фоне изложенных настроений, событий и взаимоотношений протекала и протекает евразийская работа на полуострове. Многое характерное для Балкан характерно и для других мест русского рассеяния; многое для Балкан специфично. Но, разумеется, для взаимного ознакомления общий интерес представляет как то, так и другое...

Среди симпатий и раздражений, увлечений и отталкиваний суждено, очевидно, евразийству развиваться и далее. В этом развитии ему предстоит считаться с внутренним осознанием искомой правды больше, чем с ложью принципиального недоброжелательства...

В. Б—К.

1927, Октябрь.

---

*) «Новое Время» от 8 окт. № 1931.

БИБЛИОГРАФИЯ

Проф. С. Первушин. Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. Москва, 1925 г. Стр. 328.

Книга проф. С. А. Первушина является совершенно незаменимым статистико-методологическим и историческим руководством для всякого, кто хотел бы самостоятельно разобраться в ритмических колебаниях народно-хозяйственной жизни, особенно русской.

В главе III-ьей читатель найдет редкое по глубине и всесторонности описание современных методов изучения хозяйственной динамики. Он увидит, насколько велик и многообразен состав симптомов, привлекаемых сейчас экономистами при изучении конъюнктуры, и до того недостаточна при современном подходе к делу «та элементарная Konjunkturkunde довоенного времени» (стр. 9), когда о состоянии конъюнктуры находили возможным судить по немногим или даже одному признаку. Он убедится, что «только комбинация значительного количества показателей а также об'единение их в тотальной индекс (единый показатель) может дать правильную картину конъюнктуры» (стр. 85). Вместе с тем он будет введен во всю сложную логику и технику целесообразного построения тотального индекса. С другой стороны, читатель поймет, как меняется значение отдельных признаков в зависьмости от того, подходим ли мы к хозяйственной жизни с целями диагноза или прогноза, почему «единый показатель», столь незаменимый, как орудие сознания дачного хозяйственного положения, совершенно непригоден в качестве экономического барометра, и уступает здесь место тем из отдельных явлений хозяйственной жизни, «которые наиболее правильно, нервно и ранее других сигнализируют о предстоящей перемене хозяйственной жизни, «которые наиболее правильно , нервно и ранее других сигнализируют о предстоящей перемене хозяйственной погоды» (стр. 76). Будет ориентирован он и в методологии отбора этих «симптом — предвестников».

Глава IV-я ознакомит читателя с дополнительными методологическими вопросами, возникающими перед исследователем специально русской хозяйственной динамики вследствие значительного своеобразия последней и прежде всего вследствие влияния на русский хозяйственный цикл огромности территории страны, ее индустриально-земледельческого характера, исключительной «динамичности» ее хозяйства и громадной роли государственного хозяйства.*) Огромность территории требует «порайонного изучения конъюнктуры» (стр. 148). «Индустриально-земледельческой характер страны, опирающейся (?) на внутренний (и в очень значительной степени на внегородской) рынок сбыта» выдвигает на первое место «проблему изучения той конкретной связи, которая существует между колебаниями нашего сельского хозяйства, с одной стороны, и колебанием нашей городской торговли и промышленности, с другой» (стр. 123). Громадная роль государственного хозяйства заставляет уделять большое внимание рациональному началу планового воздействия. Наконец повышенная динамичность хозяйственных процессов диктует необходмость изучения конъюнктурных процессов по возможно кратким (месячным) срокам» (148). Выставляя все эти положения, автор не ограничивается общим перечислением своеобразия задач, методов изучения русских хозяйственных циклов, но ставя всегда вопрос совершенно конкретно, дает богатейшие указания относительно имеющихся по каждому пункту статистических материалов и вводит читателя в самую гущу проделываемой сейчас в России напряженной статистико-методологической работы.

В главе V-ой читатель найдет яркую характеристику «динамики и конъюнктуры» русского народного хозяйства с 1871 по 1914 год. Важнейшие выводы автора здесь тковы. 1) за время с 1871 по 1914 год в России наблюдаются «более или менее правильные периодические колебания, охватывающие народно-хозяйственной организм в его целом» (стр. 209). и с особенно силой проявляющиеся в тяжелой промышленности. 2) Эти периодические колебания «складываются под воздействием двух основных факторов: во-первых, колбаний мировой хозяйственной конъюнктуры..., и , во-вторых, — колебаний выручки русского сельского хозяйства... определяемых колебаниями урожаев, хлебных цен и экспорта» (стр. 210). 3) «Влияние колебаний сельского хозяйства на

*) Эти указания, как и ряд последующих, характеризуют Россию, — как особый экономический мир; Евразийцы должны отнестись к этим вопросам с большим вниманием.

Ред.

торгово-промышленную жизнь страны является наиболее основным» (стр. 211), причем оно резче проявляется в качестве возбудителя под'ема, чем в качестве фактора депрессии» (стр. 211). 4) «В противоположность обычному представлению.... относительная роль мировой кон'юнктуры, как фактора русской кон'юнктуры, вплоть до 1914 г. убывает, а роль колебаний русского сельского хозяйства, наоборот, возрастает» (стр. 211). 5) «Парадоксальный на первый взгляд факт ослабления видимой связи динамики русского хозяйства и ее кон'юнктуры с кон'юнктурой мирового хозяйства объясняется «двумя встречными процессами. органическо.о врастания в народную жизнь.... русской промышленности и органического роста сельского хозяйства и его денежности» (стр. 212).*)

Наконец, в главе VI-ой и в Приложении дается детальный обзор динамики русского народного хозяйства за время от 1914 года по первое полугодие 1924-1925 г. Передать в двух словах излагаемые здесь факты и соображения в рецензионной заметке, к сожалению, совершенно невозможно в виду качественной несхожести отдельных этапов рассматриваемого периода и потому невольной мозаичности изложения автора. Укажем только, что и здесь исследователь русской хозяйственной динамики найдет массу материала, без учета которого он легко может впасть в крупные ошибки при изучении военного и революционного хозяйственного процесса.

Богатство и статистико-методологическая и историческая ценность труда проф. С. А. Первушина станет еще яснее, если отметить, что на всем протяжении своего исследования автор обнаруживает огромную эрудицию, редкое чутье действительности и выдающееся мастерство статистической конструкции, и что им собран и проработан колоссальный цифровой материал. Читатель все время чувствует, что за каждым утверждением автора стоит весь опыт русской и мировой статистической мысли, и что каждое его методологическое предложение покоится на всестороннем знании дела, на тонком интуитивном ощущении текучести и многогранности экономического бытия и редком умении укладывать экономическую действительность в гибкие и изящные статистические формулы. Подчеркнем еще великолепную форму изложения автора, позволяющую читать его книгу, «как роман».

Но если так высока статистико-методологическая и историческая ценность книги проф. С. А. Первушина, то иное приходится сказать о ее теоретико-экономической части. Формально — мыслительная одаренность автора заметно отстает от его интуиции, и в теоретическом осознании интересующих его явлений он далеко не так силен, как в их конкретном изображении. Тут не помогает делу и его завидная эрудиция.

Очень характерно, что строго придерживаясь авторских определений, при всем желании нельзя понять: что собственно он разумеет под «кон'юнктурой»? Понимает ли он кон'юнктуру, как определенного рода с т р о й народно-хозяйственных отношений в определенный период, или как п р о ц е с с и з м е н е н и я этого строя, с д в и г и, наблюдающиеся в нем при сравнении между собой различных моментов времени? С одной стороны, автор как будто решает вопрос во втором смысле, — не чувствуя, повидимому, всего насилия, какое ему приходится при этом произвести над русским языком и идя совершенно вразрез с обычным пониманием кон'юнктуры. (Стр. 10, 25).

Однако, на всем протяжении своего труда он то и дело отступает от этого решения вопроса говоря о «кривой кон'юнктуры» (стр. 53), «кон'юнктурных циклах» (стр. 16), «кон'юнктурных колебаниях» стр.) 26,), о «динамике цен и кон'юнктуры» (стр. 105), т. е., «контрабандно» примыкает к обычному пониманию кон'юнктуры. Совпадает ли «кон'юнктура» с тем, что известно под именем торгово-промышленного цикла, или она представляет собой определенного рода колебание всего «народно-хозяйственного организма в его целом»? Только что приведенные определения заставляют как будто думать, что автор твердо стоит за вторую часть дилеммы. Однако одним из важнейших элементов его конструкции является положение, что «чисто-кон'юнктурные волны» можно установить, «лишь устранив периодические колебания сельского хозяйства» (стр. 23), и что, значит, подлинной сферой действия кон'юнктурного цикла является внеземледельческий сектор народного хозяйства. Ограничивается ли явление «кон'юнктуры» динамическими процессами в пределах т. н. малых циклов, или оно охватывает также стихийные хозяйственные сдвиги более крупного и более мелкого масштаба? Ответ, на первый взгляд, не вызывает ни малейших сомнений, так как автор решительно высказывается за элиминацию из «кон'юнктурного цикла» «вековых движений», больших циклов» и «сезонных колебаний» и усердно критикует проф. Н. Д. Кондратьева, придерживающегося, повидимому, иного мнения (стр. 18-19). Однако на стр. 148 мы находим требование изучать русскую «кон'юнктуру» по месячным срокам, а в описании «кон'юнктуры» русского хозяйства в 1924-

---

*) Говоря евразийскими терминами, С. А. Первушин рисует для периода 1871-1914 г.г. процесс роста и укрепления России-Евразии, как самодовлеющего материка. Время, с которого С. А. Первушин начинает свое рассмотрение (1871 г.), являлось, повидимому, эпохой ослабления принципов «самодовления» в русском народном хозяйстве (это же время было периодом наибольшего влияния «либерализма» в русской экономической политике). Остается открытым вопрос, не предшествовала ли этой эпохе другая, в течение которой степень «самодовления» русского народного хозяйства опять-таки была выше (к тому же в более ранние периоды и самое «мировое хозяйство» было менее развито).-

Р е д.

25 году среди затрагиваемых автором обстоятельств фигурируют между прочим и «сезонные колебания» (стр. 280, 289 и др.). Все эти невязки и противоречия делают совершенно невозможным установление подлинного об'екта внимания автора на основании его прямых заявлений. Его понимание кон'юнктуры читатель вынужден конструировать сам, исходя из всего содержания его работы в целом и закрывая глаза на недочеты авторских формулировок. Это конечно нелестно рекомендует работу, претендующую на теоретическое значение И дело не улучшается, а ухудшается от того, что произвести эту «конструктивную» работу читателю не составит никакого труда, и что он очень быстро придет к выводу, что «кон'юнктура» является в глазах автора, в виде правила, синонимом малого торгово-промышленного цикла.

Так же, как с терминологией, обстоит у автора дело и с аргументацией, — по крайней мере во всех тех случаях, когда он не ограничивается ссылкой на факты, а переходит в область абстрактного экономического рассуждения. Доводы проф. С. А. Первушина редко достигают необходимой отчетливости, почти никогда не доходят до логического конца и то и дело оказываются во взаимном противоречии. Поэтому даже верные теоретические положения выходят из-под его пера неверными и вызывают возражения. Автор справедливо настаивает, например, на выделении из «кон'юнктурного цикла» т. н. больших циклов. Как же обосновывает он эту необходимость? Большие циклы по его мнению (стр. 19), «не подчинены никакой сколько-нибудь ярко выраженной периодичности», так как «амплитуда колебаний их продолжительности нередко (?) лежит между 20 и 50 годами». Большие циклы — «это не столько периодические колебания, сколько огромные сдвиги тектонического порядка.... сдвиги.... весьма различные по своей природе (в одних случаях открытие золотых россыпей, в других аграрный кризис...) и сходные лишь в одном — в грандиозности». Нетрудно видеть, что, пользуясь этой аргументацией, с полным успехом можно бы было требовать исключения из круга ведения кон'юнктуриста и малых циклов. Особенно с точки зрения автора, характеризуемой нами ниже.

Мы уже не говорим о том, что в приведенном отрывке факторы больших сдвигов смешиваются с самими сдвигами, как таковыми. Автор, как только что указано, борется с представлением о малых циклах, как «о своего рода кон'юнктурном perpetuum mobile» (стр. 4) и выдвигает идею «разрыва» между отдельными циклами. Многое заставляет думать, что он прав. Однако как уже он обосновывает свой, по всей вероятности правильный тезис? Единственное, из чего он исходит, этот тот факт, что ни диффузия покупательной силы, ни накопление капитала, никакое другое явление, выдвигаемое отдельными авторами в качестве «автоматических» ликвидаторов депрессии, не может быть признано способным превратить депрессию в под'ем. Но очевидно, что само по себе неуменье экономистов открыть в депрессии возбудителя под'ема не доказывает отсутствия такого возбудителя в реальной жизни. Чтобы быть убедительным, автор должен бы был доказать внутреннюю невозможность автоматического возникновения под'ема, исходя из исчерпывающего анализа внутренней природы депрессии. Но он этого не делает. Автор приписывает возникновение под'ема особым внешним возбудителям в виде, главным образом, технических открытий, расширения рынков и особенно высоких урожаев. Искушенному в теме читателю и этот тезис не может не показаться, в том виде, в каком он выставляется автором, спорным и недоказанным. Что касается технических открытий и завоевания новых рынков, то, если даже предположить их абсолютную случайность, то их воздействие на хозяйственную стихию, отзывчивость стихии на их появление не может быть случайной. Народно-хозяйственная стихия должна быть подготовлена к восприятию их действия, должна их как бы призывать к себе, — иначе им нет никакого пути к оказанию на нее влияния. Без выяснения этой подготовки апелляция к внешним возбудителям является поэтому незаконной и теоретическое об'яснение под'ема незаконченным. Что же касается урожаев, то как примирить такую высокую оценку их роли в движении «кон'юнктуры» с тезисом автора о необходимости элиминации сельско-хозяйственного цикла из «кон'юнктурного»?

Автор отрицает всеобщность и однородность хозяйственных циклов и настаивает на существовании по крайней мере трех кривых кон'юнктуры: американской, западно-европейской, и восточно-европейской (русской)» (стр. 53). Мысль чрезвычайно интересная и, повидимому, правильная, но аргументация опять таки не выдерживает критики. Ибо оригинальность американского и русского циклов, автор подтверждает, единственно тем, что их переломы «кон'юнктуры хронологически не совпадают с европейскими, и что несколько своеобразна их общая длительность» (стр. 52).

Между тем сам автор считает возможным полемизировать (стр. 179 и далее) с М. И. Туган-Барановским, когда тот, основываясь на хронологическом несовпадении циклических кривых тяжелой и легкой русской промышленности, выставляет тезис о раздвоении русского кон'юнктурного цикла. И так далее.

Наконец, теоретико-экономическая слабость труда проф. С. А. Первушина проявляется еще и в том, что он не выдерживает теоретического подхода к делу на всем протяжении книги, и, отдав дань теории в двух первых главах, затем совершенно забывает об ней в своем историческом освещении русской хозяйственной динамики. Но на этом обстоятельстве, уже отмеченном в литературе проф. Н. Н. Шапошниковым и проф. Н. Д. Кондратьевым, мы, за недостатком места, не будем останавливаться.

Сказанное не значит, что теоретику книга С. А. Первушина неспособна ничего дать.

В первых двух главах разбираемой работы есть немало ценного и для теоретика, особенно, поскольку дело касается критики существующих об'яснений хозяйственного цикла. Но все это ценное, повторяем, исчерпывается «конкретным» цифровым доказательством несостоятельности тех или иных теоретических положений. Как только дело переходит в плоскость формального мышления, автор оказывается не на высоте положения.

Вот почему мы позволяем себе высказать пожелание, чтобы в следующих изданиях разбираемой книги, которая несомненно найдет широчайший круг читателей в России и за границей, автор обратил особенное внимание на ее теоретическую часть. Мы желаем этого тем сильнее, чем выше оцениваем всю книгу в ее целом, и чем убежденнее признаем ее одним из самых выдающихся экономических произведений последнего времени не только в русской, но и в мировой литературе.

Д. Иванцов.

Н. А. Клепинин. Святой и благоверный великий князь Александр Невский. YMCA-Press. Paris. 202 стр. Год издания не указан.

Книжка Н. А. Клепинина состоит из исторического введения (стр. 5-25), 23-х глав, повествующих о жизни св. Александра Невского (стр. 27-176), рассказа о прославлении св. Александра (стр. 177-186) и примечаний (стр. 187-202).

Книга производит весьма благоприятное впечатление. Автор излагает жизнь и деятельность св. Александра на широком фоне обще-исторической перспективы того времени, приводя значительно больше исторического материала, чем его представляла бы биография в тесном смысле этого слова.

Введение говорит о положении Киевской, Суздальской и Новгородской Руси в первой половине XIII века; глава 4 говорит о возникновении и росте великой империи Чингис-Хана; глава 6 — о нашествии Батыя и татарских завоеваниях на Руси и в Европе; глава 8 — о западных врагах Новгорода, преимущественно о Ливонском ордене; главы 12 и 14 — об отношениях в Монгольском царстве; глава 16 — о Владимирском великом княжении; глава 18 — о митрополите Кирилле и его церковной деятельности.

Широко рисуя обще-историческую обстановку деятельности св. Александра Невского, автор дает (в гл. 7-й) удачную и психологическую характеристику св-Александра, указывая на начало служения, связанное с подвигом самоотречения, как на главную и наиболее характерную черту в духовном облике святого князя — подвижника и мученика. Непреклонный и неуклонный в служении своей главной цели — спасения и сохранения земли Русской — св. Александр соединял с высоким идеализмом подвижника трезвый реализм в отыскании практических путей и средств, ведущих к достижению главной цели (разумеется, поскольку пути эти не были греховными для его христианского сознания).

Поставленный в сложный узел западных и восточных отношений в период жестокого натиска на Русь со стороны как запада, так и востока, св. Александр выбрал путь — жестокой борьбы с западом, которому он дал блестящий отпор (победы над шведами, немцами и Литвою; отказ от переговоров с папой о церковной унии), и — смиренный покорности татарскому востоку, с которым борьба в то время представлялась невозможной ясному и трезвому уму св. Александра (но не всем князьям и не массе народной, которая пыталась иногда поднимать бесполезные восстания, грозившие полной гибелью обезкровленой стране). — «Отвергнув союз с западом, св. Александр принял подчинение востоку. Его политика по отношению к татарам была самым великим, но и самым тяжелым историческим делом, послужившим соблазном для многих, но выведшим Россию из развалин на правильный исторический путь. — Св. Александр был несомненным врагом татар... Само его подчинение было началом долголетней борьбы с татарщиной. Это подчинение менее всего об'ясняетя признанием полезности для России татарской власти или преклонением перед татарами, которых он, как и все русские, считал идолопоклонниками и неверными. Это подчинение об'ясняется лишь любовью к Православию и России, пониманием исторической линии и ясным различением между возможным и невозможным, трезвым учетом сил своих и вражеских.» (стр. 152). — Во время своего пребывания в ставке великого хана в Каракоруме св. Александр воочию увидел всю мощь татарского царства и невозможность открытого сопротивления татарам. С другой стороны, подчинение татарам не грозило тогдашней Руси потерей ее веры, народности и самобытности, как угрожало ей западное завоевание. — «Татарское владычество не проникало в быт покоренной страны»... (стр. 90). Несокрушимое тогда татарское царство, по всей своей организации, давало возможность сохранения подлинной русской сущности. Оно давало возможность постепенного накопления сил после разрушения первого нашествия». (стр. 156). — «Восток бурным наводнением заливал землю. Но когда его волны отливали, прежняя почва снова выступала наружу, почти нетронутая разливом. Воды запада медленно просачивались в самую вглубь почвы, которую они заливали, напитывали ее собой, меняя ее сущность» (стр. 92).

«Из ясного осознания своей миссии — сохранить Русь — и двух сторон татарского ига — несокрушимости и гибельности при открытой борьбе и известной терпимости, дающей простор для внутреннего роста при повиновении — вытекает вся восточная политика св. Александра Невского, которая стала политикой его преемников и которая всецело оправдала себя в дальнейшие века». (стр. 157).

В целях спасения Руси от нового татарского погрома, который мог оказаться для нее гибельным, св. Александр вынужден был сдерживать возмущенный и озлобленный народ и принуждать его суровыми мерами к — повиновению татарам: «Эта трагичность положения между татарами и Русью делает из св. Александра мученика. С мученическим венцом он и входит и в русскую Церковь, и в русскую историю, и в сознание народа». (стр. 160).

Положительно оценивая содержательную, интересную и хорошо написанную, книжку Н. А. Клепинина, мы однако не можем не отметить некоторых частных положений и замечаний автора, вызывающих возражения. Говоря о причинах упадка Киевской Руси, автор указывает, как одну из этих причин: «крестьянство вообще было угнетено рабством» (стр. 13). Едва ли мы имеем исторически обоснованное право говорить о рабском состоянии крестьянского населения Киевской Руси; были, конечно, в ней холопы, посаженные на землю, были полусвободные «закупы», но этими разрядами ведь не исчерпывалось все сельское население Киевской Руси. — Далее, автор говорит о переходах князей с дружинами в Киевской Руси «из удела в удел, от стола к столу» (стр. 20). Русская историческая наука последних десятилетий перестала применять термин «удел» к волостям-княжениям Киевской Руси, сохранив его лишь как наименование отдельных княжеских владений Руси северо-восточной; «уделами», не были, конечно, вечевые общины городов киевского периода, нередко призывавшие и изгонявшие князей по своему произволу. — Отметим еще, что утверждение автора: «Древняя Русь не создала вне-церковных ценностей», — едва ли может быть принято безоговорочно.

Издана книга хорошо, но в упрек издательству должно поставить отсутствие года издания, что особенно недопустимо для изданий исторического характера.

С. Пушкарев.

Прив.-доц. М. В. Шахматов. Опыты по истории древне-русских политических идей. Т. I. Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти. Прага. 1927. 574 стр. (литографиров.).

Мысль М. В. Шахматова — обратиться к изучению древне-русских политических идей нельзя не приветствовать. Действительно, нельзя считать, что наша древность в смысле идейного содержания представляла собою какую то пустыню, нельзя начинать историю русской философии вообще и русской политической философии чуть не с XIX столетия. Наша древность завещала нам не малое идейно-духовное наследство, которое мы до сих пор мало знали и мало ценили. Поэтому М. В. Шахматову должно сказать большое спасибо как за выбор темы, так и за приведенный в его труде огромный историко-литературный материал, почерпнутый из богатой сокровищницы древне-русского летописания.

Однако, признавая удачным выбор темы, мы затруднились бы признать удачным исполнение. Самая огромность изученного автором материала как будто подавила его: книга М. В. Шахматова производит такое впечатление, что автор слишком подчинился материалу, вместо того, чтобы подчинить его себе. Автор прав, конечно, в своем утверждении, что древне-русские летописи представляют собою не только историческое повествование, «но одновременно также публицистические учения по поводу излагаемых событий»: но построяемая автором система или системы политических учений, воздвигаемые из находимых им в летописях «логических камней», представляются в значительной своей части слишком схематичными и произвольными.

Серьезные возражения вызывает метод автора, который он называет «логическим»: собрав множество летописных текстов, он классифицирует или сортирует их без разбору по рубрикам придуманной им политико-юридической схемы, — вне всякой зависимости от происхождения данного текста и от его источников, а также — от действительных исторических отношений данного места и времени.

Далее, всякое замечание летописца, будет ли то риторическая похвала, сердитый упрек, литературная фигура, поэтическое сравнение или текст из св. Писания, — автор принимает «в серьез», придает ему юридическое значение и построяет на этом шатком основании свои политико-юридические схемы.

Несколько примеров. Особенно долго и настойчиво автор останавливается на учении о богоустановленности княжеской власти, и при том не только института княжеской власти вообще, но и власти отдельных конкретных князей» («.... далее богоустановленной является власть: 1) князя Новгородского..., 2) князя Владимирского»... и т. д., стр. 256; — «богоустановленным является и личное властвование того или иного князя», (стр. 274); § 22-й главы 5-й говорит далее о «божественном происхождении действий князя», — но здесь же автор вполне правильно замечает: «учение о божественном происхождении действий княжеской власти стоит в связи с общим существовавшим тогда представлением об исхождении от Бога помыслов и решений праведного человека» (стр. 292). Сделав шаг дальше, автор вспомнил бы, что по слову св. Писания и по убеждению древне-русского человека вообще все происходящее на свете делается по воле или по допущению Божию (ни один волос с головы не упадет без воли Божией), и тогда он не преувеличивал бы теоретического значения в устах летописцев столь излюбленной им «богоустановленности».

Построяя свою систему древне-русской княжеской власти, автор пользуется даже такими невинными в теоретическом смысле выражениями летописи, как сравнение князя с — солныш

ком! § 6-й главы 9-й носит заглавие: «Князь— красное солнышко». — «В летописях встречается неоднократно сравнение наиболее любвеобильных, ласковых, милостивых князей с красным солнышком (тексты). — В идее князя-красное солнышко скрывается идеал князя любвеобильного, милостивого, творящего неустанно труд и подвиг служения отечеству и народу». (стр. 480-481).

Еще пример. Замечание летописца о желанности для народа хорошего князя сейчас же получает под пером автора теоретическое политико-юридическое значение. «Иногда сам летописец, видимо, признает за собранием всех городов право хотети князя, когда в похвале князю Мстиславу Ростиславичу Храброму говорит: «не бы бо тая землѣ в Руси, которая же его не хотяшеть». с(тр. 99).

С другой стороны, иногда автор пользуется для доказательства своих положений летописным выражениями, которые вообще имели юридический смысл, но в данном тексте его отнюдь не имеют. Так, говоря об отношении городов к пригородам, автор утверждает: «Власть старейшего города над молодшим, пока она существует, является в представлениях того времени абсолютным, непререкаемым правом. Так Ростовцы полагают, что Владимирцы обязаны безусловно им покориться: «то суть наши холопи каменьници» (Лавр. 1175.). (Стр. 126-127). Если бы автор не отвлекался в такой степени от обстоятельств места и времени, он вспомнил бы, что владимирцы в 1175-1176 г.г. были не «холопьями» ростовцев, а сильным самодеятельным обществом, которое, вступив в борьбу со старшими своими городами Ростовом и Суздалем, одержало над ними полную победу (о чем, впрочем, сам автор упоминает на других страницах своей книги); выражение «холопи», в данном месте не юридический термин, а просто — бранное слово! В XVII-м столетии царь Алексей Михайлович однажды в сердцах обозвал «смердом» одного из знатнейших московских бояр (и к тому — царского тестя), И. Д. Милославского, — нельзя же отсюда делать заключение, что высшее московское боярство в XVII столетии было или хотя бы титуловалось смердами. Заметим кстати, что иногда жители старшего города называли пригорожан не холопями, а «своею братиею» (Псковск. 1 летопись, 1228 г.).

Вообще, повторяем, автор поставил интересную тему и собрал огромный материал, относящийся к ней, и потому заслуживает благодарности от всякого русского человека, интересующегося своим национальным прошлым. — Нужно только иметь в виду, что излагаемые им политические воззрения древне-русских книжников домонгольского периода, к которым мы, разумеется, должны подходить со всем уважением и интересом, относятся ко времени давнопрошедшим и не могут служить какими либо нормами для современного политического делания.

С. Г. Пушкарев.

Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. Памятники Государственного Эрмитажа II. Ленинград. 1926.

Почва Керчи, древней Пантикапеи, давно известна богатством сделанных в ней археологических находок. Крупный центр эллинистической цивилизации — столица Боспорского царства представляет собой в III-IV в. в. нашей эры своеобразный культурный мир того смешанного характера, что отличает богатые торговые города Передней Азии (напр. Пальмиру), хранящие черты культуры Древнего Востока наряду с воспринятым эллинизмом и теми новыми элементами, которые им приносила торговля с Персией, Средней и даже Дальним Востоком.

Вне зависимости от того, как называть эту смешанную культуру («греко-варварской», для нашего Черноморского побережья напр. «греко-сарматской», как это делает академик М. И. Ростовцев, или же «восточно-эллинистической»), значение и влияние ее в эпоху зарождения византийской культуры и искусства очень велики. Названная работа, посвященная памятнику широко известному, как в русской, так и в западной научной литературе, на частном примере вскрывает и прослеживает эти культурные взаимоотношения.

Памятник этот — серебряная чаша с изображением триумфа византийского императора на коне — имеет исторический интерес; найден он около 35 лет тому назад (в 1891 г.) и много раз публиковался и описывался; достаточно просмотреть приложенный к работе библиографический список, содержащий 37 № №, чтобы в этом убедиться. Однако тот же просмотр списка укажет, что почти все что писано об этом памятнике, основано на заблуждениях и ошибках, включительно до самого его названия щитом (bouclier). Характерно еще и то обстоятельство, что в свое время (1891) исследование памятника было поручено, рядом с одним из русских ученых (Н. В. Покровским) еще и ученому европейскому (проф. Стриговскому) и именно взгляды этого последнего получили решающее значение в литературе, хотя в то же самое время (1893) были сделаны и критический разбор и указания на ошибки европейского авторитета (проф. Д. Ф. Беляевым в Журнале Министерства Народного Просвещения). Таким образом издание этой работы явилось кроме того исполнением насущной для русской науки задачи, ждавшей разрешения 35 лет. И нужно сказать, что с точки зрения методологии работа действительно может быть названа образцовой. Детальный до последней мелочи технический разбор памятника с ясностью рисует последовательность его выработки и совершенно устраняет возможность сомнений в его подлинности (ср. положение дела с весьма нашумевшей так наз. Антиохийской чашей, вопрос о подлинности которой мог бы быть решен лишь аналогичным способом, однако до сих пор ни один из ее многочисленных исследователей этого не сделал).

Первым издателям (проф. Покровскому и Стржиговскому) казалось заманчивым приписать (без больших оснований, т. к. аналогичных памятников в то время известно не было) нашу чашу времени наибольшего расцвета Византии VI в., видеть в изображении — портрет Юстиниана, а в самой чаше — произведение столичных мастерских. С тех пор мнение это стало общепринятым в науке, на нем стали основывать общие положения о ходе развития византийского искусства, хотя и раздавались голоса, указывавшие на несообразности, несходство с заведомыми портретами Юстиниана, описаниями его наружности и т. п. Разрешения вопроса искали обычно путем сравнения иконографического, т. е. портретного сходства и несходства и разбора композиции или стилистического анализа, наконец путем разбора отдельных деталей костюма и т. д., чтобы этим обосновать сколько нибудь вероятную датировку. Не отказываясь от этих путей, автор выясняет кроме того археологическую обстановку находки и характер той археологической и художественной среды, в которой чаша была найдена и часть которой она таким образом составляла.

За время, истекшее от первого опубликования чаши, в той же Керчи были сделаны еще две находки аналогичного характера и техники, дающие возможность точно датировать и первую чашу. Две другие чаши менее интересны по сюжету, на них имеется лишь профильное погрудное изображение византийского императора, окруженное венком растительного орнамента и надписью указывающей, что изображенный император Констанций (337-361 — сын Константина Великого); и что чаши сделаны по случаю его т. н. «виценналий» (vicennalia), т. е. 20-летия со дня привлечения к власти. Таким образом устанавливается точная дата 343 год (Констанций был сделан цезарем в 323-м году).

Основные положения работы Мацулевича следующие:

1) Довод формальный: исследование формы показывает, что она тождественна у всех трех чаш, что все они являются чашами, а не щитами, как их иногда принято называть, и все три снабжены кольцами для подвески на стену*).

К этому пункту можно прибавить, что той же формы чаши с надписями Лициния в Венском, Будапештском и Белградском (две) музеях (всего 4); вместе с чашами Констанция 343 г., они указывают на существование этой формы чаш в течение всей 1-ой половины IV века.

2) Довод технический: все три чаши исполнены одной техникой до мелких деталей шлифовки включительно; рисунок исполнен глубокой насечкой, с применением позолоты (изображение императора, другие фигуры кроме лиц) и черни (волосы, зрачки глаз, детали костюма, сбруи и т. п.); во всех трех чашах применен т. н. двойной рисунок, т. е. рисунок сначала был обозначен пунктиром, при чем окончательный рисунок с ним не всегда сливается; наконец приемы шлифовки наружной стороны на станке, внутренней (где находится изображение) от руки аналогичны у всех трех чаш.

3) Довод топографический: найдены все три чаши в некрополе Госпитальной улицы, погребения которого характеризуются христианским обрядом (в нескольких склепах были христианские надписи и росписи) и датируются монетами IV-V в. в. (до имп. Льва I — 457-474 — включительно); важнейшие предметы, найденные в этих погребениях, датируются на основании гл. обр. типологического анализа тем же временем. Автор посвящает обширную главу характеристике историко-художественных связей некрополя, заключающую ряд ценных определений и датировок отдельных предметов.

4) Стилистический анализ указывает на наличие черт характерных для Черноморья IV-V в. в.; памятник примыкает к художественному процессу, возникшему именно там и затем создавшему и определившему характер всего средневекового искусства. Среди этих черт автор отмечает: применение расцветки в изображении (черни, позолота), живописно-линейную, а не пластическую трактовку композиции, смелые ракурсы и т. п. Наконец отдельные детали, напр., костюма, вооружения, сбруи, отчасти известны из находок той же Керчи, отчасти характерны для «греко-варварской» среды.

Все изложенное приводит автора к следующим выводам: чаша с изображением императора всадника представляет собой памятник аналогичный двум чашам с надписями и портретами Констанция и с ними одновременный; изображенный император тот же Констанций, чему не противоречат и черты лица на других его изображениях, монетах и медальонах; исполнены все три чаши в Керчи, а не в Константинополе. Заключений этих оспаривать не приходится, хотя принадлежность к Черноморскому художественному кругу не исключает и Константинопольского происхождения, в особенности если вспомнить легенды, сохраненные позднейшими восточными источниками о том, как проникнувший тайно во дворец Константина Великого персидский царь Санор, был узнан по своему изображению на кубках, сделанных, специально для этого посланным ко двору Сассанидов, мастером и т. д. Не смотря на то, что изображения на сохранившихся памятниках следуют римской традиции, факты эти показывают, откуда шел самый обычай. Значение Керчи, как передаточного пункта этих «восточных» и «варварских» влияний Византии и вместе с тем одного из ранних центров того самого нарождающегося византийского искусства, в создании которого нашему Черноморью принадлежит столь существенная роль, выступает ярко и живо на этом примере*).

Б. Н.

---

*) Метод Л. А. Мацулевича, охарактеризованный автором рецензии, представляет собою пример той строгости метода, к которой стремится целый ряд направлений в современной русской науке. Строгость метода сказывает-

В. Алехин. Наши поемные луга. Что надо знать о природе наших лугов прежде чем приступить к их улучшению и хозяйственному использованию. Изд. М. и С. Сабашниковых, 1925, стр. 122 in 12o.

До 9/10-ых пространства России бывает, в среднем, покрыто снегом свыше 80 дней в году; в огромно большей части России длительность снегового покрова превышает 4 месяца (120 дней). В Европе и Азии (т. е. землях, лежащих соответственно: к западу и затем к югу и юго-востоку от границ России) одни лишь горные местности несут снеговой покров значительной длительности (в Европе из местностей, более или менее низменных, только часть Скандинавии знает такой покров). Длительный снеговой покров, распространяющийся также на равнинно-низменные районы, является одним из неисчислимых признаков, отличающих Россию-Евразию, как особый географический мир, от областей европейских и азиатских. В зависимости от различий в количестве зимних осадков и в условиях зимней погоды, снеговой покров, к началу весны, в различных местностях Евразии имеет различную мощность. Но в общем, весеннее таянье снегов представляет собою значительное явление на огромно большей части пространства Евразии, в то время, как в Европе и Азии явление это или неизвестно вовсе, или замещено летним таяньем снегов в горных районах. «Мы слишком привыкли к половодью своих рек, чтоб оценить его значение, а это несомненно явление величественное по своим размерам, по своей правильности и по влиянию на народную жизнь». (А. Воейков).

«Разливы рек твоих, подобные морям» — тоже несомненно признак своеобразия России-Евразии, на всем восточно-западном ее протяжении, от бассейна Амура до бассейна Немана... Одно из созданий евразийских половодий — русские заливные луга. Им посвящает особую книжку известный русский ботаник-географ, профессор Московского Университета, В. В. Алехин («Наши поемные луга»).

Из этой книжки мы узнаем, что русские половодья, создавая заливные луга, способствовали тем самым возникновению особой отрасли русской науки. «Можно смело сказать, что луговедение — наука русская, возникшая и получившая свое развитие в России. Действительно, именно в России имеются для этого богатые возможности: огромные реки с обширными заливными лугами». Книга В. В. Алехина является краткою сводкой литературы по луговеденью. Библиографический список обнимает около 60 названий. Огромное большинство работ принадлежит трем последним десятилетиям (луговеденье получило развитие с начала XX века), В списке значится, между прочим, труды финского исследователя А. К. Каяндера. В 1906-09 гг. он выпустил монографии, посвященные поемной растительности рр. Лены, Онеги и Торнео. Самое сопоставление этих рек указывает на значительный географический размах его изысканий. Нужно заметить, что по признаку наличия половодий и поемных лугов значительная часть Финляндии принадлежит к евразийскому миру...

«Отложение материала аллювиальными водами — седиментация — вот что характерно для поймы». Пойма имеет свое, более или менее общее для различных рек и закономерное сложение. Можно различать три части поймы: ближайшую к руслу реки — повышенную (т. наз. «прирусловая» часть), наиболее удаленную — значительно пониженную (расположенную у подножия береговой террасы: «притеррасная» часть) и среднюю — равнинную, занимающую промежуточное положение («центральная» часть*). В. В. Алехин описывает растительные ассоциации каждой из названных частей поймы, различая при этом в составе каждой луга высокого, среднего и низкого уровней. — «Заливные луга, как таковые, с климатом не связаны и могут встречаться в любой климатической зоне, раз в данной зоне протекает река, ежегодно заливающая свою пойму. Поэтому луговые сообщества должны быть названы азональными, подобно тому как проф. Сибирцев назвал «азональными» луговые почвы». Обычно считается, что «растительность лугов крайне однообразна на пространстве всей России». В. В. Алехин восстает против этого мнения. Он указывает, что «на основании изучения лугов» можно наметить «ряд зон климатического характера... подобно тому, как это общепризнано для водораздельной растительности». Примером служат луга по р. Уне, исследованные В. В. Алехиным. Река Уна, зарождаясь несколько южнее Тамбова, в степной области, в подзоне мощного чернозема, течет в общем направлении на север и впадает в Мокшу (приток Оки), уже в пределах лесной области. Верховья р. Уны отмечены рядом ассоциаций со степными элементами, в том числе ассоциацией прямого костра (Bromus erectus)· Ассоциации эти не идут на север по реке дальше известного предела**). «Еще другая ассоциация. ...ассоциация бекмании (Beckmannia eruciformis), столь характерная для юга Тамбовской губернии, на севере стала постепенно замещаться ассоциацией канареечника (Phalaris

---

ся не в одной археологии, но и в других отраслях русской науки. Строгость эта контрастирует с состоянием европейских (и в особенности, немецких) наук гуманитарного круга, в ряде отраслей все более склоняющихся к прямому фантазированию на научные темы. *Ред.*

*) Обозначения принадлежат В. Г. Вильямсу.

**) Интересно, что также на водоразделах Средне-русской возвышенности, в пределах Курской и Орловской губернии, при продвижении с юга на север, костер прямой исчезает, не доходя до северной границы степной области (см. нашу статью «К познанию русских степей» в III-ей книге журнала «Версты»).

arundinacea)... ассоциация Beckmannia является характерной для более южных пойм: Ворона... Дон... Донец... северные реки лежат в области распространения ассоциации Phalaris, которая для них очень типична:... Кама.. Молога... Шелонь... Сухона... Сев. Двина... Онега... Торнео...» Сопоставляя тамбовские луга с холмогорскими (в низовьях Сев. Двины), В. В. Алехин замечает следующее: «тамбовские луга... являлись по преимуществу, если не исключительно, злаковыми и лишь на высоких уровнях иногда разнотравие развивалось обильно... на холмогорских лугах, даже на низких уровнях пестрело разнотравие». Вывод В. В. Алехина совпадает с выводом А. К. Каяндера (1909): «границы, установленные на основании изучения аллювиальной (пойменной, П. Н. С.) растительности имеют большое ботанико-географическое значение...» они «совпадают с другими ботанико-географическими границами и могут хорошо быть использованы для характеристики ботанико-географических областей». Окончательное заключение В. В. Алехина имеет нижеследующий вид: «растительность лугов обнаруживает черты как азонального, так и зонального характера, луга, это — азонально-зональное явление...»

Следуя мнению многих ученых, В. В. Алехин полагает, что «луга нужно считать сообществом полукультурным, возникшим на месте девственных пойменных лесов», после того, как эти леса «были уничтожены человеком; в настоящее время ежегодный покос препятствует возобновлению леса». Одним из доказательств сравнительной «молодости» луговых ассоциаций является то обстоятельство, что «большая часть луговых растений достигает своего кульминационного пункта приблизительно ко времени покоса, во вторую же половину лета цветущих растений на лугах мы почти не находим или находим сравнительно... мало. Одним словом, на лугах мы не находим той фенологической насыщенности, которая характерна для старых, давно сложившихся естественных сообществ». — Однако, не везде в России дело обстоит описанным образом. В частности, и на юге «лес может расти в поймах, чему мы имеем не мало примеров; однако, в южных поймах мы встречаемся ...с сильным нередко засолением почвы; а, как известно — сильной концентрации солей лес переносить не может... естественно думать, что засоленные южные поймы с их «солончаками» искони были безлесны... В поймах рек таких губерний, как Курская, Тамбовская, Пензенская и друг., появляются лишь первые признаки засоленности, но чем дальше на юг или правильней на юго-восток, тем засоленность становится все более выраженной...*) Некоторые поймы... юго-востока (напр., р. Маныча) представляют как бы сплошной солончак». И как свидетельство «древности» этих ассоциаций, выступает гораздо большая, чем в среднерусских лугах, фенологическая насыщенность этих сообществ: «на многих степных речках Екатеринослав. губ., мы наблюдали... в августе... сплошной ковер цветущих растений... в это время... в средней России, в более благоприятных для растительности условиях, поемные луга представляют унылую картину, лишенную каких бы то ни было цветущих растений». — Тот же зональный предел, на котором наблюдаются первые солончаковые ассоциации, являются местом замирания и исчезновения некоторых других ассоциаций. В. В. Алехин упоминает об ассоциациях осок и щучки (Deschampsia caespitosa). Растения эти относятся к числу «кислых»... т. е. таких, которые растут на заболоченных лугах с почвой, крайне обедненной кислородом...» На р. Торнео (т. е. в северной полосе лесной зоны) луга, покрытые щучкой, являются, по Каяндеру, «крайне важными и занимают большую часть аллювиальных почв». К югу распространенность щучки падает. «По Раменскому, кислые луга... со щучкой и северными осоками встречаются лишь в северных уездах Воронежской губернии и совсем отсутствуют на юге губернии... где столь характерным становится засоление почв». Воронежскую губ., в ее средней части, пересекает (в широтном направлении) подзона мощного чернозема. Где-то около пределов этой подзоны исчезает ассоциация осок и щучки и появляется ассоциация солончаков. Это одно из выражений того порядка, который в другом месте (в статье «К познанию русских степей») нам довелось характеризовать, как «встречу», у пределов мощного чернозема, болота и засоления.

Если верить В. В. Алехину, то около этого же предела (см. выше), наряду с облесенными (в естественном состоянии) участками поймы впервые появляются (по солончакам) иско, ни безлесные участки. Иными словами, также наблюдения над растительностью поймы явственно намечают в этих местах, линию перелома или срединную «ось», существование которой является отличительным для российско-евразийской зональной системы.

П. Савицкий.

---

*) В Тамбовской губ. первые признаки солончаковатости В. В. Алехин наблюдал в верховьях р. Уны (на северной границе мощного чернозема). В среднем течении и в низовьях р. Вороны (на южной границе мощного чернозема) этих признаков значительно больше.

ПЯТЬ АФОРИЗМОВ Л. Н. ТОЛСТОГО

(изъ книги А. А. Гольденвейзера: «Вблизи Толстого»).

I. «Материализм — самое мистическое из всех учений: он в основу всего кладет веру в мифическую материю, все созидающую, все творящую из себя».

II. «... Русский народ, беспристрастно говоря, пожалуй, самый христианский по своему нравственному складу. Это отчасти об'ясняется тем, что Евангелие все таки читается русским народом уже девятьсот лет; католические народы до сих пор его не знают, а другие узнали только после реформации».

III. «Надо просто сказать, что в русском народе еще живо настоящее религиозное чувство, которое на Западе, отчасти благодаря влиянию католицизма, совсем почти исчезло».

IV. О классическом образовании: «на Западе оно было естественно, потому что там многие писали на латинском языке и знание его потому было нужное; а у нас общее классическое образование совершенно нелепо. Мы гораздо ближе в Востоку, и скорее следовало бы изучать языки индусский, китайский, даже персидский, и их удивительную философскую литературу».

V. «Япония , между прочим, показала, что всю прославленную тысячелетнюю европейскую цивилизацию можно усвоить и даже перещеголять в несколько десятков лет».

К.

Краткий обзор русской литературы в Советской России

Отметим работы (май-июнь месяцы) по созданию федерации, которая об'единила бы представителей всех групп от Сологуба до Авербаха. Достаточно взять такой казенный журнал, как «Красная Новь», чтобы убедиться в препятствиях, которые стоят на пути такого об'единения. В статье Воронского, посвященной этому вопросу говорится, что в федерации нет спаянной дружной обстановки — нет договоренности, вместо всего этого сложнейшие маневрирования. На первенствующее положение претендует В. А. П. П., желающий проводить партийную линию. Воронский любит говорить об «элементарной истине», на этот раз он говорит следующее: — «На десятый год существования республики советов мы, черт возьми, не так уже бессильны, чтобы прибегать к методам командования». По его мнению, командование должно быть заменено «культурно-общественным» воздействием. В чем должно заключаться подобное воздействие, из статьи Воронского, к сожалению — неясно. Во всяком случае, в конце статьи Воронский, говоря о значении писателя «нашего времени», который должен быть философом, ученым, моралистом, замечает — «Нет нужды награждать коммуниста всеми добродетелями существующими и несуществующими в мире, а его противника изображать исчадием ада».

Но пока пишутся подобные статьи — по прежнему цветет халтура, являются дельцы и плагиаторы. Воронский этого не отрицает. И если он недоволен В. А. П. П.'ом, то потому, что тот «неустойчив» и хотя партийную, но все же неверную гнет линию.

В литературе особенно не повезло стихам — сплошь и рядом помещаются совершенно бездарные стихи — верно за неимением лучших. Вообще вторая четверть года была бедней первой. Уже упомянутые в предыдущей «Хронике» «Вор» — Леонова и «Корни Японского солнца» — Пильняка печатались дальше. В июньской книжке «Нового Мира» Пильняк еще поместил «Китайскую повесть». В начале повести описание — легкое , простое — «...стою на берегу Ян-Цзы. Во всем мире одинаково детишки строят из песка песчаные города, в России тоже», но дальше Пильняк не удержался и описал, как испражняется генерал Хуан-Сяк-Ли. В повести встречаются рассуждения вроде — нигде нет столько полиции, как в Китае, и нигде так много не бьют и не дерутся, как в Китае. Дальше следует дневник автора с описаниями жары и дождей, переводчика Рыкова и его писем к жене. Продолжение следует. Остается впечатление, что продолжение могло и не следовать. Скромный рассказ помещает Пришвин. Большая вещь В. Лидина требует знакомства в целом. — По первой части «Отступника» судить трудно, но можно сказать, что роман не возбуждает большого интереса. Прежде всего — роман не нов — и Свирбеев и Бессонов — типы студентов, которых уже знает литература. Сделаны они грубовато и в противоположении двух типов — положительного и отрицательного (как, кажется, задумано авто-

ром) сквозит избитая схема. Свирбеев идет к цели, не брезгуя никакими средствами, Бессонов во что-то верит, умеет любить. Курсистка Вера Никольская курит, сидит по мужски — нога на ногу, голос у нее, конечно, «низкий, похожий на баритон». В общем такой роман вполне мог быть написан в дореволюционное время. Еще менее замечательно произведение П. Ширяева «Цикута» — повесть из жизни конспираторов, среди которых появляется предатель. В организации заподазривают в измене одного из «товарищей» и решают его убить. Вся повесть написана вяло, чувства действующих лиц часто выражены разговорами. Не ушел автор и от трафарета — пристав у него обычный для подобных произведений: — Осел, скотина, эфиоп — смотри у меня, сгною — понял? — так ругает пристав своих городовых.

Наиболее интересные вещи дали София Федорченко — «Народ на войне» и Четвериков — «Кожушок» — в журнале «Звезда». — Записки Федорченко напечатаны в нескольких номерах и разбиты на главы — о пленных, о женщинах, об офицерах и т. д. Это все разговоры, записанные большей частью в лазаретах и представляющие большой, интересный материал, что было отмечено и эмигрантскими критиками. Автор записал почти все так, как слышал. Записки касаются великой и гражданской войны. — «Кожушок» Четверикова очень удачный рассказ. Автор безусловно с дарованием. Чувствуется, что вещь, как задумана, так и выполнена — не хуже. Рассказ читается легко, в нем нет излишней болтливости, присущей некоторым советским авторам. Советский быт виден ясно. Хорошо сделан футурист — главное действующее лицо, разгуливающее в кожушке, раскрашенном футуристически.

Интересны ранее помещенные в «Новом мире» «Воспоминания» Вересаева — написаны с большой простотой и живостью несмотря на то, что «детство» таким образом описано уже много раз.

К сожалению о Вс. Иванове приходится сказать другое. Одна из последних его вещей — «Бог Матвей» — вещь надуманная и оставляющая смутное впечатление. Мужик Матвей об'являет себя богом и говорит, что его пуля не берет. Приведенный к комиссару он соглашается на «опыт» и его убивают. Первые пули его не берут (красноармейцы промахнулись) и комиссар торопливо приканчивает «бога». Иванов бытописатель, любящий горы и леса, реки и степь. В нем есть новое понимание и ощущение Востока — народов восточной Евразии и Азии. Он пишет всех — китаец, туркмен, узбек, донской казак, татарин — частые его герои. Иванов иногда старается своих героев переделать обязательно в революционеров-героев и преувеличивает значение цивилизации в «пробуждении племен», но все же у него есть целостность в жизнеощущении. Старые его вещи интереснее «Бога Матвея».

В шестой книге альманаха «Круг» — отрывок из повести «Жизнь Клима Самгина» — М. Горького. Наиболее ярким в ней является описание нижегородской ярмарки. Николай II и знаменитый Ли-Хун-Чанг посещают ярмарку. Последние месяцы отмечены появлением второй части «Хождения по мукам» А. Толстого. Отрывок напечатан в «Новом мире». Отдельные места — удачные и сильные. Но не всегда выдержан общий тон. Как ни как «Хождение по мукам» — образ «трагического десятилетия русской истории» — вещь значительная. «Роман без вранья» Мариенгофа — прежде всего не роман. Хотя Есенин поставлен в центре романа, но о нем собственно рассказано очень мало. Творчество Есенина, его стихи мало интересуют Мариенгофа, больше интимная, повседневная сторона его жизни и быт богемы. И если сам Есенин все это скучное ненужное сумел «слить в один аккорд задумчиво-большой», то вовсе не для того, чтобы после его смерти описывались мелочи его жизни. Заслуживают внимания «Волхвы» Лидина. Его волхвы — два французских летчика, братья Рене — не видят никакой звезды. На Восток они летят для рекорда. Но неожиданный спуск за Уралом, ужин с пастухами, ночь в степи — заставляют их пережить и почувствовать что то новое и большое. Им становится внятно величие чужой жизни. По возвращении в Париж, приветливо улыбаясь взволнованной толпе, младший брат крепко сжимает в кармане наконечник кремневой стрелы, найденной «там», как память о пережитом в путешествии.

Г. И. Рубанов.

Лебушер. Гильдейский социализм. Перевод под редакцией и с предисловием И. Давыдова. Петроград-Москва. Кн. Т-во «Книга» 1924, ст. 66.

Историю гильдейского социализма можно датировать с 1906 года, когда появилась книга Ар. Пенти «Восстановление гильдейской системы», в которой автор выставил принцип возрождения хозяйственного идеала средневековой организации. Эти мысли стал потом развивать еженедельник «Новый Век» («New Age»), особенно его издатель Орейдж (Orage) и писатель Гобсон (Hobson). Духовной силой гильдейский социализм стал тогда, когда в него вошел ряд деятелей, б. ч. вышедших из фабианского об-ва, которые внесли в него больше системы и начали его популяризовать. Итог этому периоду развития подвел Г. Коль (Cole) в книге «Мир Труда» (The World of Labour) 1913 г.. Шире работа пошла после возникновения Лиги национальных гильдий, которая начала вести пропагандистскую и организаторскую работу среди профессиональных союзов.

Исходной и конечной точкой гильд-социализма является отдельный человек. Этот человек сейчас раб, благодаря системе оплаты труда и представлению о нем, как о товаре, который вольно котируется на рынке. При этом сам рабочий не имеет никакого влияния на характер и условия требуемой от него работы. Он — раб труда. В нем видят рабочего, но не замечают человека. Каким же путем

может он освободиться? Только действительным контролем над промышленностью, когда он перестанет служить просто источником энергии, которую из него высасывает по усмотрению руководителей предприятие и, превратится в активного члена, который будет влиять на весь производственный процесс. Он станет тогда рабочим-производителем, а не продавцом, по нужде, рабочей силы. Итак, проблема для гильд-социализма гласит: производство доброкачественных товаров свободными людьми в демократических условиях.

Поставленный в такие условия рабочий должен сделаться творцом и освободиться от власти машины, уничтожающей в нем человеческое лицо. В связи с этим гильд-социалисты готовы даже об'явить войну машинам и возродить ремесленное производство. Или же, как говорит Коль, этот вопрос нужно передать на решение рабочих. Эти мысли, конечно, нужно отнести к утопическим. Человека нужно освободить от власти машины, но никак не от самой машины. Слишком стихийна по своей природе машина, чтобы ее удалось отстранить голосованием. Да и в самой общей форме разрешение вопроса совершенно негодно. Убегать от трудностей дня назад, или делать скачок вперед, правда удобно в области умозрений и этот метод часто применяется социалистами там, где им нужно пробить стену, но он этого дело не подвигается. Упорядочить жизнь принимая данные действительности и учитывая на основании этого тенденции будущего — вот в чем сущность социального вопроса.

В своем стремлении освободить человека, гильд-социалисты стремятся установить точку зрения, примиряющую колективизм и синдикализм т. е. такую, которая учитывала бы в равной степени интересы производителей и потребителей. Для достижения этой цели гильд-социализм намечает путь отделения собственности на средства производства от организации производства. Право собственности на средства производства должно принадлежать обществу (государству, или союзам коммун). Но управлять предприятиями должны организации, составленные из всех занятых в нем. Эти об'единения суть единственные организаторы производства и называются гильдиями (принимая во внимание их распространение на целую страну — национальными гильдиями). Они берут на себя выполнение задач хозяйственного характера*) и несут ответственность перед парламентом. Таким образом на ряду с принципом децентрализации на основе территориального разделения государства устанавливается принцип функционального разделения на основе профессионального состава населения.

Конструкция гильдий следует демократическому принципу — снизу доверху. В пределах своих задач гильдии вполне автономны. Членом является каждый занятый в определенной отрасли промышленности. Внутреннее устройство гильдии идет по двум линиям: 1) представительный орган — построенный по восходящей линии. Он является организатором производства. 2) Исполнительный аппарат служащих, которым доверено гильдией выполнение определенных обязанностей. Ядром промышленного самоуправления является отдельное предприятие. Выбранный прямым голосованием всех рабочих (физ. и умст. труда) — к о м и т е т — представляет собой основу промышленного самоуправления.

Вторая ступень — о к р у ж н о й к о м и т е т — избираемый от: a) заводских комитетов отдельных предприятий. Назовем это представительство — промышленной секцией окружного комитета; b) отдельных профессий имеющихся в округе; обозначим это представительство как — профессиональную секцию окр. ком-та. Т. об. проводится принцип двойного представительства. Напр. рабочий в бондарном отделении винодельческого предприятия представлен делегатом своего предприятия и делегатом профессионального союза столяров.

Дальнейшим образованием является к о м и т е т н а ц и о н а л ь н о й г и л ь д и и, составленный путем всеобщих выборов: a) внутри каждого округа (т. е. делегаты промышленные) b) внутри каждой профессии по всем округам страны — т. е. профессиональные делегаты. Каждый рабочий в национальной гильдии представлен «промышленным» и «профессиональным» делегатом округа.

Высшей инстанцией по вопросам общей политики гильдий является н а ц и о н а л ь н о е д е л е г а т с к о е с о б р а н и е, составленное на основе всеобщих выборов членов отдельных профессий по каждому округу. И, наконец, последнее звено — о б щ и й к о н г р е с с г и л ь д и й, высшая инстанция по всем хозяйственным вопросам, имеющим общее значение. Конгресс, как экономический парламент, равен политическому.

Во внутреннем управлении гильдий демократизм соблюдается еще более строго. Можно сказать, что все руководители и служащие должны выбираться рабочими или непосредственно, или путем назначения заводским комитетом. В оплате труда, дабы не создать разницы в разных гильдиях, проводится общее регулирование конгрессом гильдий.

Каким же образом при такой самоохране производителей защищаются интересы потребителей? Вопрос этот менее всего разработан в гильд-социализме и по этому вопросу меньше всего солидарности среди гильд-социалистов. В общем можно сказать, что потребители для защиты своих интересов организуются подобно гильдиям. Коль разделяет виды потребления на 4 группы: 1) д о м а ш н е е и и н д и в и д у а л ь н о е (одежда, продовольствие). Представителями потребителей являются местные комитеты, существующие наряду с местными гильдиями пекарей, портных и т. д.; 2) м е с т н о е и н а ц и о н а л ь н о е (освещение, вода, воспитание) — потребители образуют комитеты для каждой отрасли хозяйства; 3) н а ц и о н а л ь н о е (пути сообщения). Национальное представительство потребителей для каждой

*) Так, как органы самоуправления руководят публично-правовой стороной жизни.

отрасли на основе разделения функций; 4) интернациональное (торговый флот) — должно находиться в ведении парламента, построенного на разделении функции. — Государство не должно выполнять никаких самостоятельных функций в хозяйственной жизни, кроме исключительно важной задачи установления финансового равновесия между различными хозяйственными интересами и должно определять направление и назначение капиталов. В случае несогласия между гильдиями и потребителями должно быть созвано заседание гильдейского конгресса и различных функциональных парламентов, куда и государство посылает своих представителей для установления контакта. Т. об. нужно освободиться от вмешательства государства с точки зрения той идеи, что в основе всех общественных об'единений лежит функциональный принцип, государство является лишь «функциональным выражением среди других функциональных явлений общей воли мужчин и женщин составляющих общество». Но в отличие от других об'единений, функции государства основаны на общих всем признаках. Посему и контроль потребления должен быть отнесен к первоначальным функциям государства, точно также как и политическая область. Но не его дело согласовывать различные общественные организации, — ибо оно само лишь «primus inter pares» и потому не призвано судить о смежных инстанциях. Суверенитет государства, следовательно, уничтожается. Общество построенное на функциональной основе должно жить самостоятельно. И современные парламенты «географические» —лишь карикатура на подлинную демократию. Управляют люди некомпетентные, ускользающие от контроля своих избирателей, что исключается при функциональном представительстве.

Вместо старого разделения властей (на закон., судеб., исполнительную) должно наступить разделение по функциям. «Принцип разделения функций обозначает, что каждое функциональное об'единение обладает своей собственной законодательной и исполнительной властью». На место государства в совр. смысле ставится общий комитет общественно важных функциональных об'единений (госуд-а, об'единения потребителей, производителей и др.). Он обладает принудительной властью, правом представительства в Лиге народов.

Такое построение общества, по мнению гильд-социалистов, низводит экономический фактор в социальной жизни на соответствующее место.

Осуществление функциональной организации общества освобождает личность и дает простор ее творчеству. «Лучшей гарантией личной свободы является осуществление начала действительной демократии в каждом об'единении». Система демократического контроля в хозяйстве создает, по мнению гильд-социалистов, людей, которые будут обладать необходимыми в подлинной функциональной демократии свойствами: силой воли и инициативой, сочетаемыми с общественным разумом.

Сознавая невозможность осуществить все сразу , гильд-социалисты говорят, что только определенные и ясные мысли могут оказать помощь. Ведут поэтому работу гл. обр. в профессиональных союзах — зародышах по их мнению будущих гильдий. И первая их цель — превратить торгующийся с капиталом профессиональный союз в промышленную республику. Вместо проф. союза должен возникнуть производственный союз всех работающих в предприятии. Вместо распыления по проф. союзам — сплочение под одной крышей завода. Это об'единение должно повести борьбу против капиталлистического предприятия, но так, чтобы не бить одновременно по целому обществу. Отсюда — генеральная забастовка или совсем отрицается, или же признается как последний момент борьбы после длительной организационной работы. Поэтому была отброшена программа радикального крыла, каковое образовалось под влиянием большевизма.

Для отдельных отраслей промышленности переходному времени будет соответствовать полная национализация. Стремясь к овладению предприятиями, гильд-социалисты решительно отвергают мысль о соучастии рабочих в предприятии, ибо этим, по их мнению, затеняется противоположность интересов между капиталистами и рабочими.

Трудность вытеснения капиталиста-финансиста гильд-социалисты разрешают все таки — катастрофой, т. е. проще говоря, вопрос остается не разрешенным. Поэтому среди гильд-социалистов появилось течение, которое указывает, что нужно взять в первую голову финансовую крепость. Гильдии должны создать свой финансовый капитал — тогда будет завоеван действительный контроль над производством.

Нельзя не признать возвышенности и законности стремления гильд-социалистов освободить рабочего, который сейчас находится во власти капитала и подавлен механичностью работы. С точки зрения общего развития европейского общества, нет ничего удивительного и даже быть может более логического, как требование демократизма в промышленности, что конкретно обозначает деятельное соучастие и контроль. Подобные требования выставила реформация против исключительного права духовенства (папы) в области религиозной. Эти же требования политическая демократия пред'явила к носителям абсолютной власти. Гильд-социалисты обращаются теперь к собственникам капитала. Но будучи «плоть от плоти и кость от кости» демократизма, гильд-социализм всосал в себя и основноэ порок своих предков. Стремясь ограничить абсолютность власти духовной, затем политической, демократизм не только почти уничтожил ее иерархичность, но с течением времени растворил и самое духовное ядро этих социальных явлений. Религия в протестантизме разлилася и затерялась в песках философии, а государственная власть — собственно ее остатки — стала китайским шариком в руках многочисленных партий, быстро растущих и еще быстрее гниющих. Штампованные политики умеют все-

гда так «подготовить» выборы, что остаются на местах и чем дальше, тем больше получаются «ножницы» между волей избирателей и волей отпов народа. Ясно это сознавая, гильд-социалисты стремятся отобрать как можно больше функций у политического парламента и даже совсем его заменить функциональным, дабы избранный был и знатоком в определенной области социальной жизни и находился под контролем определенной сплоченной группы, перед которой отвечает, а не нес бы ответственность перед безличным «всеми». Не стремясь т. об. исправить ошибки, гильд-социалисты и в свои проекты вносят старое зло. Требуя соучастия и контроля в промышленности, они вместе с тем развивают дальше политическую демократию в ее отрицательной части: устраняют государственную власть и будучи чужды иерархическому мировоззрению, раздробляют ее между конгрессом гильдий, политическим, экономическим и иными многочисленными «функциональными парламентами». Боясь оскорбить святость демократизма — им невозможно согласовать эти парламенты, законодательствующие в своей области, ибо пришлось бы их подчинить либо политическому либо экономическому парламенту. Радужные мысли о равновесии этих суверенных учреждений приводят лишь к неустойчивости и колебанию. Кто будет решать взаимные споры? Комитет — где государство является самым слабым об'единением, ибо все материальные рессурсы в руках гильдий? Этим не только страшно усложняется внутренняя жизнь государства, но оно оказывается бессильным и во всех предприятиях экспансивного характера.

Такое стирание государственного лица, отрицание за ним идеальной реальности и распыление власти проводится последовательнее в малом масштабе — в предприятиях. Там хозяина творца нет. Есть безличный комитет, зависимый в каждом шаге своей деятельности от рабочих. Гильд-социалисты желая освободить рабочего, дать простор его индивидуальному творчеству — забыли дать эту свободу для тех, кто будет стоять во главе целого дела. Индивидуалисты по своей исходной точке, они всю жизнь сверху донизу переплели парламентами, комитетами и всевозможными об'единениями так, что отдельный человек опутан ими как муха в паутине и утешение только в том, что он имеет, быть может, десятикратное представительство и что демократизм всюду царствует. А при всей заботе о потребителях, они, конечно, слишком слабы против всесильных гильдий.

Т. об. гильд-социалисты, поставив задачей освобождение от власти капитала, наметили путь, который начинает выявляться все яснее и яснее (См. в Хронике вып. VIII о книге Valois et Coquelle). Но захотев перестроить все общество, распланировать целую жизнь, гильд-социалисты «перехватили» и натворили слишком много парламентов, об'единений, боясь как бы недемократический элемент где нибудь не остался. Этим исключили личную предприимчивость, а в обществе не нашли кому дать верховную власть.

А. Ш.

В ПОИСКАХ ОБЩЕСТВЕННОГО МИРА.

Редакционное примечание.

Помещаем статью О. Сарматова, заключающую весьма содержательный обзор европейских и американских мероприятий «в поисках общественного мира». Многие концепции О. Сарматова близки евразийцам (ощущение неразрешимости до конца социального вопроса, ценение духовной культуры, взгляд на постановку и значение народного просвещения). Но в одном существенном вопросе воззрения евразийцев расходятся со взглядами О. Сарматова: в отношении к началу этатизма (государственного хозяйства). Государственное предпринимательство (государственное хозяйство) евразийцы считают одним из неустранимых и необходимых (в условиях России-Евразии) элементов социальной системы, в ее применении к промышленной жизни (элементом необходимым, но не единственным, что и подчеркнуто в евразийской концепции). Этому вопросу отчасти уже посвящены, отчасти будут посвящены в дальнейшем особые работы в евразийских изданиях.

П. Савицкий.

В течение десятилетий народы наслаждались миром, а редкие местного характера войны, не нарушая покоя всего человечества, лишь напоминали поколениям о том счастьи, которое Провидение им подарило. Народы работали, преумножали свое национальное достояние, слово «прогресс» было у всех на устах, казалось, что и вправду «все к лучшему в этом лучшем из миров», как говорил Лейбниц, и никто не думал, что именно огромные видимые успехи приуготовляют, если не гибель мира — этого старого мира — то по крайней мере страшные потрясения, исхода коим не видно еще и в наши дни. Прогресс материальный и однобокий привел к войне, война обострила старые внутренние противоречия, с коими раньше, при общем успехе, человечество кое-как справлялось, а дни подведения итогов минувшим безумством вскрыли несостоятельность европейских идолов — капитализма, социализма и их отца — материализма.

Язвы капитализма всем известны и ныне уже никто не считает его совершенством; социализм же некоторые все еще продолжа от идеализировать (это преимущество мечты перед действительностью) — приписывая переживаемое Россией не социализму, а недостаткам московской власти. Как бы капитализм и социализм ни были далеки от совершенства — за отсутствием лучшего, общество делит между ними свои симпатии.

Антагонизм между приверженцами капитализма и социализма обострился до крайности; в борьбу вовлечены массы, как рабочих, так и буржуазии; в парламентах таких промышленных стран, как Англия и Бельгия, защитники старого социального порядка и сторонники «будущего» подмяли под себя промежуточные элементы, силы сосредоточились в консервативной и рабочей партии, а центральные — либеральные растаяли; схватки между антиподами становятся все более настойчивыми, упорными и изнурительными не только для сторон, но и для наций; незнающий безраздельного господства ни капитализма, ни социализма, современный цивилизованный мир страдает не только от язв обеих борящихся и одновременно

прилагаемых систем, но и от последствий социальной войны; в этих условиях понятно стремление многих к нахождению компромисса между капитализмом и социализмом и к умирению таким образом общества.

Верные марксистской доктрине рабочие мира не ищут, и в борьбе стремятся обрести свое право, все свое право, они идут по пути «научного социализма», защитниками же компромисса являются некоторые работодатели, — в своем стремлении охранить свои прерогативы, готовые хотя бы частично, идти на сделку капитализма и социализма. На деле люди эти вступают на путь социализма то «утопического», то «реформистского». С ними вместе часто выходят на этот путь представители либеральных профессий приспосабливающиеся к обстоятельствам профессиональные политические деятели и некоторые умеренные группы рабочих. На этот путь вступили отдельные промышленники, вступили и парламенты и правительства некоторых стран.

В русской среде капитализм никогда не привлекал общих и горячих симпатий, а ныне, после эксперимента, проделанного над нашей родиной, изрядно развенчан и социализм, и потому мысли многих направлены к изысканию чего-то третьего, может быть промежуточного, а может быть и самостоятельного. Лень — одно из основных свойств человеческой природы — и недостаток творческих способностей — нас часто толкают к замене творчества заимствованием, а потому для ставящих себе вопрос — если не капитализм и не социализм, то что-же третье? — естественно наброситься на иностранные словечки, вроде copartnership, participation ouvrière aux bénéfices et à la gestion, Arbeitskontrol и т.д. и в них обрести желанное успокоение.

Как бы ни были интересны и поучительны мероприятия в видах достижения социального мира, осуществляемые, как добровольно и по частной инициативе, так и по велению публичной власти, и как бы ни была интересна и поучительна история их развития, я ограничу свою задачу суммарным очерком, предполагая осведомленность читателя по крайней мере в важнейших фактах.

Я буду иметь в виду те методы разрешения конфликта между капитализмом и социализмом, на коих сосредотачиваются наши современники, но мне все же придется коснуться методов, которыми раньше многие увлекались — они значительно категоричнее, а потому в них выпуклее выступают основные тенденции. Я приведу также несколько соображений общего характера, не взирая на их элементарность и известность: — мне придется в дальнейшем часто на них ссылаться.

Организация производства в капиталистическом обществе принадлежит, как известно, капиталу, труд-же покупается, как материал производства, т. е. как товар. Владелец капитала — хозяин предприятия, а рабочий — наемный. Рабочий, внесший в производство свой труд получает компенсацию в виде заработной платы (поденной или сдельной), хозяин-же за внесенный им капитал — прибыль или убыток. Упоминание об убытках звучит странно, но оно отвечает действительности, напротив же умалчивание о них ведет к ряду недоразумений и к неправильным заключениям.

Замысел и устройство предприятия лежит на хозяине, на нем-же лежит и весь риск— ему же принадлежит возможная (sic!) прибыль. При современном культурном уровне человечества это единственно действительный импульс предприимчивости, именно благодаря ему создалось и развилось производство и в этом оправдание (со стороны экономической целесообразности) предоставления хозяину права на возможную прибыль. Россия с ее промышленностью, и ранее слабо развитой, а ныне истрепанной и разрушенной войною и революцией особенно нуждается в поощрении предприимчивости. В нынешнем положении — инстинкт наживы — важнейший рычаг для воссоздания и развития производства.

С моральной стороны положение представляется более сложным. Едва ли может быть признано несправедливым в идее вознаграждение хозяина за вложенный им в производство капитал и в особенности за риск, которому этот капитал подвергается, но нас коробит незаслуженная прибыль хозяина, обязанная иногда колебанию рыночных цен на материалы и товары, иногда курсу на местную и иностранные валюты и иногда даже народным бедствиям. При этом, конечно, надо иметь в виду, что в такой же мере хозяин может нести и незаслужен-

ные убытки, а также не следует забывать и тех специальных мер, которые государственная практика выработала для улавливания так называемых сверх-прибылей. Тем не менее образ сытого хозяина (разорившийся хозин никого не интересует и, можно сказать, что он уже не хозяин) и голодный лик рабочего настолько поражают воображение и человеческую совесть, что многие все же почитают хозяйскую прибыль — грабежом (социалисты,) а Толстой и за ним Махатма-Гандхи — тяжким грехом (убытки же не почитаются ни грабежом, ни грехом — о них забывают).

В капиталистическом обществе также мыслима организация производства по иной схеме, чем изложенная выше, а именно по трудовой, а не капиталистической. В противоположность последней в трудовой схеме организаций производства принадлежит труду, капитал же наемный. Эта схема положена в основание производственных кооперативов. За пользование наемным капиталом владелец его вознаграждается определенной платой (поденной или иной), а труд — прибылью или убытком.

Часто трудовой производственный кооператив совершенно не обладает своим капиталом (трудовая артель), при наличии же своего капитала, кооператив тем более приближается к товариществу, чем больше имеет значения в его деятельности капитал по сравнению с трудом.

Попытки насаждения производственных кооперативов заграницей потерпели полную неудачу (я не привожу статистических данных, предполагая, что читатель с ними знаком). Производственные кооперативы трудового типа (без капитала или с малым капиталом), вообще говоря, недолговечны и неукоснительно гибнут. Большую жизнеспособность проявляют кооперативы с малым числом участников и со значительным капиталом, т. е. товарищества, только называющие себя кооперативами.

В числе производственных кооперативов обращают на себя вниманье своей долговечностью рабочие кооперативы «Nation» в бельгийских портовых городах.[1]) Еще в XIII веке существовали фламандские корпорации рабочих «Kraan-Kinderen», (дети под'емного крана), пользовавшиеся монополией на нагрузку и разгрузку кораблей. Утратив в XVI веке законный титул на монополию, они фактически продолжали ею пользоваться до наших дней в виду заслуженного веками доверия клиентов. Этот факт все же не может поколебать нашего недоверия к жизнеспособности трудовой кооперации, ибо успех в данном случае покоится на монополии — сперва легальной, а потом фактической. Но мало того, эти корпорации скорее являются товариществами, чем кооперациями, ибо они обладают значительными капиталами и пользуются наемным трудом.

После многочисленных попыток в течение десятков лет вызвать к жизни производственные кооперативы казалось, что идея трудовой кооперации похоронена на веки, но в тяжкой после-военной атмосфере вновь была сделана крупная попытка, а именно в Англии была учреждена «Строительная Гильдия».[2]) Рабочие должны были подчиняться избранной ими администрации и техническому персоналу, но... сверх того они избрали «soviet», вступивший в конфликт с администрацией... нужно ли говорить о постигшей гильдию судьбе?

Заграницей трудовая кооперация продолжает существовать, но в ничтожном размере и то только в самых мелких производствах, в крупных же производствах нигде и никогда.

В России в некоторых отраслях труда кооперация оказалась более живучей, чем на Западе. Число «грабарей», занятых на крупных земельных работах, было очень велико. Артели грабарей образовывались из членов одной семьи или односельчан (особенно были известны черкасские грабари) и вероятно этому можно приписать их прочность. Также много было артелей плотников (вятских и др.), каменщиков (калужских и др). и прочих строительных рабочих. Были артели горнорабочих (черниговские, орловские и др.). Капитал, если и был в этих артелях, то он был ничтожным и принадлежал не артели, а ее членам (инструменты, повозки, лошади и т. д.).

Крепко держался также обычай работать артелью у старателей (золотоискателей)

---

[1]) Les sociétés cooperatives en Belgique 1873-1922. Bruxelles. 1924. Ministère de l'Industrie et de Travail.

[2]) Pierre Lucien-Brun. Cogestion et controle des ouvriers dans les entreprises industrielles. Paris 1924.

на Урале и в Сибири. Старательская работа при скудости артельного капитала и ограниченности числа членов артели не переводилась благодаря специфическим обстоятельствам ей (старательской работе) благоприятствовавшим.

Необходимо указать на успехи кооперации в сельком хозяйстве. Достаточно вспомнить развитие сельско-хозяйственных союзов в Старом и Новом Свете и в частности маслобойных союзов в Сибири, чтобы обнаружить значительность этих явлений. Все же следует иметь в виду, что в области сельского хояйства развиваются те виды кооперации, целью которых является не совместная работа, а эксплоатация машин для частно-хозяйственных целей (трактора, молотилки, маслобойнаго станка и пр.),. Такого рода кооперация в наше поле зрения не входит, как так нас интересует лишь та производственная кооперация, что может в идее встать на место хозяина в капиталистической организации производства.

Каковы причины неуспеха трудовой кооперации? — :

а) антагонизм частного интереса с общим и отсутствие авторитетной администрации в производстве (см. выше о «строительной гильдии» в Англии),

б) недостаток капитала и кредита,

в) трудность об'единения большого количества рабочих с надлежащей подготовкою и с достаточными денежными средствами для ведения крупного производства,

г) невозможность выдержать конкуренцию крупных предприятий капиталистического типа.

Некоторые из наших соотечественников, не приемлющие ни социализма, ни капитализма, надеются найти выход из тупика в исключительном поощрении развития кооперации при помощи широкого государственного кредита или, как иногда безграмотно выражаются, путем развития «государственной кооперации».

Если бы кредит был коммерческим, то он открывался бы в соответствии с материальным обеспечением и следовательно при скудости кооперативних капиталов он был бы ничтожным. Но, конечно, мечтающие о «государственной кооперации» имеют ввиду кредит политический, т. е. открытие кредита кооперативам преимущественно перед капиталистическими предприятиями, вопреки тому, что в первом случае он лишен материального обеспечения, а во втором он им обладает. Это — политика поощрения промышленной бедноты. Для защитников свободной кокуренции такой порядок, разумеется, неприемлем, но мало того, он должен быть признан неосуществимым. Политический кредит может быть осуществим (притом лишь в идее) только за счет государственного, а не частного капитала. Чтобы поощрение производственной кооперации было действительным, должно бы снабжать ее не только оборотными средствами, но и средствами на оборудование (деньгами или в натуре). Образование столь крупного государственного кооперативного фонда ныне не по плечу ни одному из государств, а тем мене России с ее пустым сундуком и с истрепанным заводским и транспортным оборудованием. Россия в праве расчитывать на иностранный кредит, но таковой может быть оказан для производственных целей не государству, а частному предпринимателю.

Организация необеспеченного (NB!) государственного кредита потребовала бы многих тысяч сведующих и честных чиновников, иначе государственный кооперативный фонд был бы в короткое время расхватан и этим все дело и кончилось бы — я спрашиваю себя, кто из здравомыслящих политических деятелей согласился бы взять на себя при современном культурном упадке ответственность за широкую организацию необеспеченного кредита? —

Скажу еще, что «государственная кооперация», вообще говоря, (а не в виде исключения) не в состоянии устранить антагонизм между капиталом и трудом — посколько она промышленного, а не кустарного характера, она принуждена обращаться к труду наемному.

Еще один шаг от «государственной кооперации» вперед и мы подойдем к этатизму (государственному хозяйству). Принципиальная разница между «государственной кооперацией» и этатизмом заключается в том, что в первом случае распорядителем производства является кооператив, а во втором — непосредственно государство, но в обоих случаях капитал — государственный. Эта разница существенна, т. к. в условиях «государственной кооперации» распорядитель-чиновник заменен распорядителем-кооперативом, жаждущим наживы за счет государства и наемных рабочих. Это стимул, которым пренебрегать нельзя,

но вместе с тем надо иметь в виду, что при наличии этого стимула антагонизм между кооперативом и наемным рабочим тот же, как и в капиталистическом предприятии.

Симпатии рабочих к этатизации об'ясняются тем, что настойчивый и бережливый хозяин заменяется в производстве слабо заинтересованным в его успехе чиновником, но именно в этом то и лежит корень несостоятельности казенного хозяйства. Теоретически антагонизм между капиталом и трудом не устраняется с замещением в производстве частного владельца государством, ибо интересы сторон остаются в такой же мере противоположными, меняется лишь моральный облик отношений, т. к. в государственном предприятии отсутствует инстинкт личной корысти. С другой стороны положение рабочего может стать совершенно бесправным, т. к. в данном случае работодатель обладает публичной властью.

Если инвестирование Германии и Бельгии иностранными капиталами ныне обуславливается дезэтатизацией (разгосударствлением) железных дорог, то России нечего и думать о получении капиталов для государственного ведения хозяйства. Промышленность и транспорт получат иностранную финансовую помощь в лице частных обществ и лиц, а правительство вероятно получит ее тоже, но исключительно для приведения в порядок администрации и, может быть денежного обращения.

Производство будет восстанавливаться и развиваться за счет частной инициативы и частного капитала, [3]) а потому среди мер устранения антагонизма между трудом и капиталом для нас, русских, представляют практический интерес только те из них, что совместимы с частно-хозяйственной организацией производства.

До перехода к анализу мероприятий этого рода, я считаю нужным, пока в качестве моего личного мнения, отметить их несостоятельность, и даже больше, их заведомую не состоятельность. Антагонизм между хозяином и рабочим так же неустраним, как между покупателем и торговцем. Антагонизму между последними нет места в условиях идеального самодовлеющего хозяйства, т. е. когда нет ни покупателей, ни продавцов, а человек сам производит нужные ему предметы. Антагонизма между хозяином и рабочим может не быть только при совмещении ролей хозяина и рабочего в одном лице или в нескольких подобных друг другу лицах, — в первом случае мы возвращаемся к тем временам, когда по выражению Махатма-Гандхи «каждый индус сам ткал себе одежды», а во втором мы вступаем на путь экономически нецелесообразной производственной кооперации (к тому же, как мы видели в кооперативе также наблюдается антагонизм — между членом и коллективом). Идея устранения антагонизма между трудом и капиталом неосуществима при условии сохранения капиталистической организации производства, а потому все мероприятия ее преследующие, обречены на неудачу и практически сводятся к частичному смягчению антагонизма путем частичного ущемления принципов капиталистической организации производства, при чем антагонизм смягчается в той мере, в какой ущемляются эти принципы.

Для уяснения действительности этой непременной зависимости мы представим себе конфликт между рабочими и хозяином сперва в предприятии чисто хозяйском, а потом в предприятии, половина капитала коего отчуждена в пользу рабочих (не входя в природу отчуждения). Рабочие, зарабатывающие 10 мил. франков в год, требуют 10-ти процентной прибавки к тарифам, — хозяин же упирается. В первом случае спорная сумма определяется в 10 мил., × 0,1 = 1 мил., фр., а во втором всего в 500 тыс. фр. — она уменьшается в два раза, т. к. с увеличением заработка рабочих на 1 мил. фр. их доля в прибылях уменьшилась бы на 500 тыс. фр. Измеритель антагонизма уменьшился на половину, т. е. в той же пропорции в какой был отчужден капитал. Как бы ни были сложны многообразные методы смягчения антагонизма между капиталом и трудом путем заинтересования рабочих в успехе предприятия, все они сводятся к вышеизложенной примитивной схеме, как, надеюсь, читатель убедится из дальнейшего.

Мероприятия, направленные к устранению антагонизма между трудом и капиталом не всегда заключаются в отчуждении части последнего, а часто в отчуждении прав, вытекаю-

---

[3]) Можно думать даже, что казенные предприятия императорской эпохи и те из национализованных предприятий, что не будут возвращены бывшим владельцам, окажется нужным продать или по крайней мере отдать в аренду частным обществам.

щих из обладания производственным капиталом, и в этих случаях отчуждение прав никогда не сопровождается отчуждением обязанностей—в частности с предоставлением труду участия в прибылях на него не возлагается участие в убытках, так же как участие рабочих в управлении предприятием — их право, а не обязанность.

Отчуждение части производственного капитала (или некоторых прав, связанных с обладанием им) бывает безвозмездным или возмездным. Что следует понимать под безвозмездным отчуждением, сомнений возникнуть не может, напротив термин возмездного отчуждения нуждается в об'яснениях. Иногда рабочие приобретают на обще-коммерческих основаниях акции того предприятия, в котором работают, платя за них своими личными и добровольными сбережениями и получая акции в свою личную собственность (в 1920 г. рабочим South Metropolitain Gas Company в Лондоне принадлежало на 70.000 £ акций, таким образом приобретенных, [4]) — такого рода порядок отчуждения бесспорно возмезден. В Европе, вообще говоря, приобретения рабочими из своих сбережений акций в широком масштабе не наблюдается, а в Америке, где рабочие имеют возможность делать значительные сбережения и где они имеют вкус к приобретению промышленных ценностей, они все же предпочитают приобретать акции не своего, а чужого предприятия во избежание конфликта своих интересов — как рабочего и как совладельца. Как правило, рабочий не хочет быть заинтересованным в успехе того предприятия, в котором он работает, т. е. не хочет того, к чему стремятся занимающие наше внимание мероприятия. Поэтому некоторые хозяева, желающие заинтересовать своих рабочих в своем предприятии, предоставляют рабочим особые льготы по приобретению акций. Например комитет треста United States Steel Corporation в 1902 году предоставил рабочим и служащим 25.000 акций по 82,50 долл., вместо 100 дол. номинальных, а в 1909 г. предоставил дополнительно 15.000 обыкновенных акций и 18.000 привиллегированных, гарантировав минимум дивидента.[5]) В данном случае, как и в подобных ему, возмездность на самом деле только частичная. Другие хозяева увеличивали тарифы с условием приобретения рабочими акций или устанавливали отчисления от прибылей в пользу персонала, обращая часть его на приобретение акций. Так South Metropolitain Gas C-y, начиная с 1894 года, стало выдавать половину отчислений деньгами, а половину акциями, в результате чего уже в 1920 году 5.400 рабочих и служащих владели акциями на 425.000 £, не считая тех 70.000 £, на которые рабочие и служащие добровольно подписались; 7 проц., голосов в общем собрании общества принадлежало рабочим и из десяти членов Правления трое было из их среды. South Metropolitain Gas C-y [6]) достигло заинтересования рабочих в предприятии, последние стали его участниками, но успех обязан тому, что при видимости возмездности отчуждения на самом деле оно было безвозмездным (поскольку речь идет о 425.000 £). Данные рабочим акции составляют их частную и индивидуальную собственность, при чем акции давались только постоянным рабочим, проработавшим известный срок, что дало Буассару (Boissard, prof. à la Faculté libre de droit) основание предсказать, что антагонизм между хозяином и рабочим заменится антагонизмом между рабочими, участвующими и неучаствующими в предприятии. Пример Au Bon Marché в Париже может служить этому решительным подтверждением. [7]) Торговый дом, раньше составлявший единоличную собственность Aristide Boucicaut со временем превратился в командитное товарищество с капиталом в 20 миллионов франков, акции коего принадлежали старо-служащим и бывшим служащим: новые же служащие первые пять лет службы в барышах вовсе не участвовали, а через пять лет начинали участвовать, но в размере, не определенном наперед, а назначаемом индивидуально, т. е. иначе говоря, начинали получать наградные. I Августа 1920 года командитное товарищество превращается в акционерное общество с капиталом в 64 мил. фр., при чем право подписки принадлежит только бывшим участникам товарищества, т. е. старым и бывшим служащим, а новые оказываются их наемниками. Одаренные Аристидом Бусико его бывшие сотрудники становятся на его место пол-

---

[3]) Albert Trombert. La participation aux bénéfices. Paris 1921.
[4]) Daniel Laguerre. Société anonymes à participation ouvrière. Paris. 1920.
[5]) Albert Trombert. La participation aux bénéfices. Paris 1921.
Profit-sharing and labour co-partnership. Ministry of labour. Report on prof.— sh. and labour co-partnership in the Un. Kingdom. 1920.
[7]) A. Trombert, цит. соч.

ными хозяевами предприятия, противополагая себя в качестве капиталистов наемным служащим, продающим им свой труд, и следовательно на лицо условия для возникновения «нового» антагонизма.

Если при ближайшем рассмотрении безвозмездность отчуждения оказывается мнимой, как в выше указанных двух классических примерах, то можно будет признать действительно возмездными отчуждениями только приобретение акций рабочими на общих коммерческих основаниях, приобретение же акций своего предприятия редкое исключение, как мы уже говорили, а потому возмездное отчуждение общего и решающего значения иметь не может.

Безвозмездное отчуждение производственного капитала (или некоторых прав, связанных с его обладанием) бывает добровольным, т. е. дарственным или же насильственным. Добровольное или дарственное отчуждение вызывается или филантропическими побуждениями хозяина или желанием привязать к себе и к своему предприятию служащих и рабочих по крайней мере — что чаще — часть их. Статистика убеждает в том, что количество производственных хозяйств добровольно произведших отчуждение, — ничтожно по сравнению с общим количеством хозяйств. Полагаясь на добровольное отчуждение, пришлось бы очень долго ждать ощутительных не для отдельных предприятий, а вообще для промышленности результатов, а потому понятно возникновение помыслов об отчуждении насильственном. Таковое бывает легальным, как во Франции (закон от 9 Сентября 1919 года и 29 Октября 1921 г.) или захватническим, к к в 1917-1918 году в России и в 1920 году в Италии.

Убедительным образом юридически обосновать отчуждение части капитала (или прав, с обладанием им связанных) — невозможно, но в этом и нет надобности — достаточно доказать его целесообразность. Такой оборот мысли вовсе не новость, когда речь идет об улучшении положения рабочего в производстве. Достаточно вспомнить, что в европейских законодательствах об обеспечении потерпевших от несчастных случаев не потерпевший должен доказывать вину предпринимателя, а предприниматель — свою невинность, что идет в разрез с общими нормами права — этого требует целесообразность.

До сих пор мы говорили об антагонизме, т. е. противоречии экономических интересов хозяина и рабочих и констатировали, что антагонизм вполне не устраняется путем частичного отчуждения капитала в пользу рабочих, а устраняется лишь в такой мере, в какой произведено отчуждение и притом независимо от природы последнего. Но отношения между хозяином и рабочими определяются не только их экономическими интересами в производстве, но и душевным состоянием живых производственных элементов. В антагонизме интересов легко зарождается и произростает классовая ненависть, столь сильно учтенная и использованная вождями социализма. Если и частичное отчуждение производственного капитала в пользу рабочих не в состоянии устранить антагонизма (вполне), то все же, при известных условиях, оно может смягчить отношения между хозяином и рабочими. Именно это побуждает некоторых хозяев идти на отчуждение части своего капитала (или некоторых прав, с обладанием им связанных), но именно это и вызывает отрицательное, порою даже враждебное отношение социалистических вождей к мерам этого рода.

«Это движение», говорит I. W. Sullivan («of the International Typographical Union, General lecturer for the American Federation of Labour) «отталкивает от синдикализма, который воспрещает контакт с работодателем и преследует общую забастовку, имеющую привести к коммунистической системе внутри анархического общества.»[8])

Как и можно было ожидать и как подтверждается опытом, природе отчуждения принадлежит решающее значение — отчуждение только тогда достигает смягчения отношений между рабочими и хозяином, когда оно произведено добровольно. По мотивам целесообразности приходиться отказаться от принудительности, а между тем добрая воля со стороны хозяев пока еще настолько редкое исключение, что видеть ныне в ней рычаг, годный для разрешения социального вопроса — конечно невозможно. В таком случае — что-же делать? На этот вопрос мы ответим в общей форме в заключительной части нашей статьи.

В некоторых случаях (напр. South Metropolitain Gas C-y). как мы видели в пользу

[8]) **Profit sharing by American Employers. A report of the Profit Sharing Departement of the National. Civic Federation 1921.**

рабочих отчуждается часть производственного капитала, причем рабочие владеют им подобно всем прочим акционерам или с некоторыми ограничениями: владеют до тех пор, пока состоят рабочими данного предприятия, имеют право продавать свои акции только рабочим же и т. д. Но чаще отчуждается не самый производственный капитал, а только лишь некоторые права, с обладанием им связанные. К такого рода схемам относятся те, что ныне привлекают к себе больше всего вниманья, а именно схемы, известные под собирательным именем «участия труда в прибылях», «участия в управлении» и «участия в прибылях и в управлении».

1. Участие труда в прибылях. По определению Charles Robers, anc. Président de la Société pour l'étude pratique de la participation du personnel dans les bénéfices, «участие в прибылях — явный или молчаливый договор, согласно которому сверх нормальной заработной платы хозяин уделяет часть своих прибылей, без участия рабочего в убытках».[9])

Количество предприятий с участием труда в прибылях ничтожно. Так например, во Франции, в 1922 году их было 75, с 102 .000 раб., из коих 62.000 приходилось на Орлеанскую железную дорогу.[10]) В число этих 75 предприятий входят 27, не гарантировавшие участия в прибылях письменным обязательством, и при том в 25-ти размер участия ежегодно устанавливался хозяином по его усмотрению. В 58 случаях из 75 рабочие не имели возможности контролировать расчета их долевого участия. Распределение причитавшейся рабочим доли прибылей между индивидуумами часто производилось по усмотрению хозяина. Следовательно, вообще можно сказать, что получение доли прибылей часто имело скорее характер наградных, чем «участия труда в прибылях» в строгом смысле этого термина. В Англии таких предприятий было в 1920 — 182, в С.Ш.А. — 80 (в том числе Ford, Edison и др.), в Германии — 46 и Бельгии — 5 (в том числе Delhaize).

Многие из суждений, относящихся к мероприятиям, включающим отчуждение в пользу рабочих части производственного капитала (или некоторых прав, связанных с обладанием им), приложимы и к «участию труда в прибылях» — мы не будем их повторять, но дополним их некоторыми отзывами американских промышленников и рабочих, приведенными в докладе The Profit Sharing Departement of the National Civic Federation 1921 г.). Обе стороны констатируют, что «участие в прибылях» нарушает устойчивость бюджета рабочего. Если служащий получал 1000 долл. жалованья — говорит доклад — а в конце года ему было выдано вследствие установления profit sharing'a 200 долл., то он сразу повышает уровень жизни до 1200 долл., а если на следующий год предприятие не дало прибылей, то в бюджете служащего образуется дефицит в 200 долл.

Участие служащего в прибылях должно непременно сопровождаться приобщением его к владению предприятием (т. е. приобретением им акций), так как иначе служащий, заинтересованный не в прочности и долголетии предприятия, а в прибылях во время его службы, будет стремиться к вовлечению предприятия в операции, быстро приносящие прибыль, но разорительные (в области горного дела, например, в хищническую разработку месторождения полезного ископаемого — прим. авт.), но по справедливому замечанию D-r Charles W. Eliot (President Emeritus Harvard University) обращение доли прибылей на приобретение акций может привести к сильной заинтересованности скорее старших служащих, чем рабочих.

Из отзывов хозяев особенно заслуживают вниманья следующие:

1. Рабочие смотрят на «участие в прибылях» только, как на способ увеличения заработка, извращая этим его основную идею.

2. В соответствии с таким отношением рабочих к «участию в прибылях» они предпочитают увеличение тарифов «участию в прибылях».

3. Понижение суммы, выдаваемой в качестве «участия в прибылях» в связи с уменьшением прибылей предприятия, вызывает раздражение среди рабочих.

В свою очередь рабочие отмечают:

1. что установление «участия в прибылях» сопровождается понижением тарифов,

---

[9]) Alb. Trombert. La partic. aux benefices. 1921.

[10]) Alb. Trombert. Guide pratique pour l'application de la participation aux bénéfices. 1922.

2. что в предприятиях с «участием» рабочие в результате зарабатывают столько же, как в обыкновенных, но размер заработка подвергается колебаниям в зависимости от прибылей предприятия, и потому рабочие не знают, на какой заработок они могут расчитывать. (Участие труда в прибылях может применяться только в предприятиях устойчивых и с постоянными прибылями, (прим. автора).

К выдаче доли участия акциями рабочие относятся тоже отрицательно, замечая, что в рабочих, приобретающих интерес к бирже, развивается инстинкт игрока.

2. Участие труда в управлении.

«Хозяин, обладая машинами и организуя производство, эксплоатирует рабочего» — такая схема производственных отношений многим кажется извращенной. Царь природы не может быть об'ектом эксплоатации, в производстве об'ектом эксплоатации служит машина, а рабочий и хозяин сосуб'екты эксплоатации (Таль) — из такого воззрения проистекает гуманитарное обоснование «участия труда в управлении».

«Какое противоречие — в стране республиканской с общим избирательным правом желать поддержать абсолютную монархию на заводе» (Millerand, Chambre des Députées, séance du 2 III 1920).

«В эволюции государства мы прошли от абсолютизма, при котором властелин один решает, к ограниченной монархии, в которой власть разделена между ним и народным представительством, потом к республике, в коей вся власть передана народному представительству. Этому пути аналогичен путь, который должна пройти организация предприятия» (Bauer) [11]).

В этих цитатах мы видим демократическое обоснование «участия рабочих в управлении», а в нижеприведенных словах M. C. Cramp'a — обоснование социалистическое: «таким образом приобретенный железнодорожниками опыт безмерно ценен в отношении их подготовки к взятию на себя в надлежащий момент управления железными дорогами.» [12])

Не допуская, по причинам экономическим и другим, организации производства на социалистических основаниях, мы не можем разделять взглядов Cramp'a, но должны отметить искренность и определенность социалистического подхода к «участию труда в управлении» в противоположность демократическому подходу, в коем, как мы увидим, лицемерие или наивность переплетаются с половинчатостью.

Инициатива демократизации фабрики исходила от отдельных хозяев, от коллективов владельцев и от правительственной власти.

Среди первых особенно замечателен John Leitch, называемый apostle of «Industrial Democracy», установивший в 1912 г. эту систему в своих мануфактурах. [13]) В этой ситеме, построенной, по уверению ее автора, на основе Federal Governement, «палата» представляет рабочих, «сенат» — служащих, (foreowen and minor executives), а «кабинет» состоит из executives officials. Все эти «демократические» учреждения—совещательные, решающее же слово принадлежит хозяину. Эту систему прозвали «The United States Governement» type повидимому, имея в виду сильную и независимую власть Президента Штатов — тогда как на самом деле эта система скорее может быть сравниваема с той системой государственного управления, что имелась в виду в проектах Булыгина.

В системе Leitch наиболее формально выразилось стремление к демократизации фабрики, путем заимствования образцов из сферы государственного управления. При явных признаках увлечения внешним видом парламентской конструкции, на самом деле отношение между живыми элементами производства построены на той же основе, как на фабриках, принявших систему заводских комитетов. (Betriebsrat, Works Commitees or Shop Councils и т. д.).

Изучение института заводских комитетов при всем их разнообразии по генезису, организации и практике по странам и по отдельным предприятиям завело бы нас слишком далеко — к тому же я предполагаю знание предмета со стороны читателей — но я ограничи-

---

[11]) Dan. Laguerre. Soc. anon. a part. ouvr. 1920.
[12]) P. Lucien-Brun.
[13]) Carroll E. French, Ph. D. The shop commitee in the United states. 1923.

ваю себя даже в области критики, давая место только той, что необходима для уяснения преследуемых этой статьей идей.

К ведению заводских комитетов обыкновенно относятся общие для рабочих и работодателей хозяйственные интересы и на них возлагается оказание содействия работодателям в достижении производственных целей (см. § 1 германского закона от 4. II. 1920 о Betr.ebsrat). Таким образом в компетенцию заводских комитетов входят как социальные вопросы, так и экономические и технические.

К вопросам социальным относятся: безопасность работ, санитария, условия найма и внутренний заводский распорядок. Рабочая инспекция безопасности и санитарная инспекция — институты уже давно известные европейской промышленной жизни, в европейской практике в этой области столкновения редки и в них остроты не наблюдается, а рабочая инспекция только помогает администрации осуществлять лежащие на ней обязанности. Напротив, в установлении внутреннего распорядка интересы хозяина и рабочих часто расходятся, в условиях же найма они расходятся почти всегда. Именно к этим последним вопросам проявляется в заводских комитетах больше всего интереса.

Включение экономических и технических вопросов в число предметов ведения заводских комитетов оказалось несостоятельным. При совершенной неподготовленности рабочие проявляют полное равнодушие к организации производства и сбыта, интересуясь ими лишь постолько, посколько, получая сведения о ходе предприятия, они могут их использовать в борьбе за свои интересы, между тем именно против открытия карт противнику восстают хозяева и именно в этом направлении законодатель ограничивает право рабочего на контроль, не допуская легализации шпионажа в лагере хозяев (см. германский закон от 4-II 1920 и особенно последние законодательные ограничения. [14])

Так в общих чертах определяется круг действительных интересов заводских комитетов и вообще и в частности в Германии, местные же особенности промышленной жизни в некоторых странах вносят свои couleurs locals. Так например, в С.Ш.А. заводские комитеты сверх того уделяли много внимания страхованию жизни и инвалидности (как известно, в С.Ш.А. закон не обеспечивает рабочих в отношении несчастных случаев и инвалидности), а также спорту и отдыху: в 1920 году обсуждение касалось спорта и отдыха в 36,5 случаях из 100, страхования в 17, тогда какъ тарифов и условий найма только в 13 случаях из 100 и безопасности и санитарии в 10,5. [15])

Все же и эта локальная особенность подтверждает общее правило — вопросы социальные составляют истинную и живую сущность заводских комитетов.

Среди социальных вопросов тарифы и условия найма привлекают особенное внимание, т. к. именно в тарифах и условиях найма особенно остро сказывается антагонизм интересов рабочих и хозяев (при обсуждении этих вопросов заводской комитет фактически превращается в согласительную комиссию), но право ведения заводскими комитетами этими наиболее насущными вопросами оспаривается профессиональными союзами, видящими в заводских комитетах своего конкурента, и порою ограничивается законодателем, почитающим профессиональные союзы более сильным защитником рабочих интересов, чем заводские комитеты — германский закон позволяет заводским комитетам заключать договор с хозяевами только за отсутствием профессионального союза, а в Англии, где учреждение заводских комитетов факультативно, они не распространены на рудниках, на металлургических и механических заводах и в бумаго-ткацких мануфактурах, т. е. в крупной промышленности, где именно сильны Trade Union'ы. [16]) Таким образом жизнь отводит заводским комитетам второстепенное место.

Оценка заводских комитетов, как института, смягчающего отношения между рабочими и хозяевами, довольно пестрая. Мы уже говорили о ревнивом к ним отношении профессиональных союзов, — иногда под их влиянием рабочие бойкотируют выборы в заводские комитеты (на заводах Круппа в Рейнхаузене в 1922 г. воздержалось от участия в выборах 89 проц.),

---

[14]) Prof. D-r Heinrich Hoeniger und D-r Emil Wehrle. Arbeitsrecht. Sammlung der reichsgesetzlichen Vorschriften zum Arbeitsvertrage.

[15]) Carroll E. French.

[16]) P. Lucien-Brun.

а иногда, заполняя весь состав комитета деятелями союзов, последние подчиняют его своему влиянию. Что-же касается хозяев, то в некоторых случаях они свидетельствуют об установлении отношений man to man (на некоторых заводах С. Ш. А.[17]), а иногда жалуются или на их бессилие или на их воинственность: если рабочий комитет по составу умеренный, он мог бы послужить умиротворению, но тогда на него нападают крайние элементы и он теряет авторитет, если же крайний, то он только обостряет отношения, служа лишним инструментом борьбы (в Гамбурге в 1922 г. коммунисты захватили 82 места из 146). Такая же картина была и в России во время революции: комитеты умеренные по составу подвергались натиску крайних элементов и обвинениям их в подкупленности («продались капиталистам») и были принуждаемы к отказу от своих полномочий, а иногда над ними производились такие же насилия, как над лицами администрации («Треугольник» в Петрограде). —

«Участие в управлении» так же, как и «участие в прибылях» достигает цели — смягчения отношений между хозяевами и рабочими — при условии добровольности его установления, возникшие же в принудительном порядке заводские комитеты, часто лишь повышают наступательный тонус рабочих. Ни в одной стране законы о заводских комитетах не давали рабочим решающего голоса в управлении предприятием (кроме большевицкого декрета), но самый факт принудительного водворения представителей рабочих в управлении создавал — и особенно у нас в России при слабом правовом развитии населения и в условиях революционного угара — иллюзорное представление о какой-то приобретенной власти. В результате, как правило, заводская атмосфера еще более насыщалась проповедываемою социалистами злобой и ненавистью.

Стоя очень дорого (например, по расчетам управления Германской Железной Дороги, комитеты обходятся в 200.000 часов в месяц, оплачиваемых рабочим, не считая расходов по содержанию комитетов и по переездам их членов,[18]) заводские комитеты, возникающие в принудительном порядке достигают не желательной, а прямо противоположной цели.

До сих пор мы имели в виду «участие в управлении» в том узком смысле этого выражения, что конкретно представлен в институте заводских комитетов, тогда как иногда под «участием в управлении» понимается участие представителей рабочих в центральных органах руководства промышленностью или отдельными ее ветвями. Такому широкому пониманию «участия в управлении» соответствуют учрежденные в Англии в 1919 году национальные и районные советы по отраслям промышленности и в Германии в 1920 году районные советы (Bezirkswirtschaftsrat). В Германии районные советы учреждены на основании закона от 4. II. 1920, а в Англии они возникли в порядке частной инициативы. В Англии в январе 1919 года национальные и районные советы были организованы в девятнадцати ветвях промышленности, обнимая 2 миллиона рабочих, а в октябре того же года уже в сорока шести с 2,5 мил. рабочих, тогда как всего лиц живущих наемным трудом (salarieds) было в промышленности 16 милл. При этом примечательно, что заводские комитеты существовали в то-же время только в девяти отраслях промышленности и только в тысяче предприятий. В Англии сближение хозяев и рабочих наметилось скорее в высших центральных органах, чем в низших заводских. Попытка к приобщению рабочих к управлению промышленностью в его центральных органах была произведена и у нас в России в эпоху Временного Правительства. Так, например в Совете Монотопа (Государственной Монополии Торговли Топливом) были введены представители рабочих в равном числе с представителями хозяев. Очерк отношений между обеими фракциями Совета вообще не простых, а в условиях революционного угара осложненных привходящими обстоятельствами, завел бы нас слишком далеко, почему мы скажем коротко:

Участие представителей рабочих в центральных органах, вообще говоря, может содействовать сближению, взаимному пониманию хозяев и рабочих вождей и вообще установлени э отношений «man to man» между высшими представителями производственного капитала и труда, понижая температуру производственной атмосферы. Но к сожалению часто такого рода центральные органы или превращаются в никому не нужные говорильни бюрократического

---

[17]) National Civic Federation. 1921.
[18]) P. L.-Brun.

характера (это при умеренныхрабочих представителях и отсутствии обострений в промышленной жизни) — или, напротив, они вырождаются в бурные парламенты с пылкими речами и горячими схватками, служа вящему возбуждению рабочих масс и раздражению хозяев. Отношение же рабочих к этим органам часто может быть охарактеризовано выше приведенными словами Крампа, в наших же революционных условиях 1917-18 года органы такого рода определенно вели к обучению рабочих вождей промышленниками науке хозяйствования и к подготовке их к взятию в свои руки высшего управления промышленностью.

3. Участие труда в прибылях и в управлении. Этого рода участие труда во владении предприятием нашло наиболее конкретное выражение во Франции, в так называемых Sociétés anonymes à participation ouvrière. На первый взгляд может показаться, что участие труда в прибылях и в управлении есть сумма участия труда в прибылях и участия труда в управлении, но такое представление было бы неверным, т. к. самое участие в управлении приобретает иной характер при одновременном участии и в прибылях и в управлении. В качестве обладателя actions de travail труд оказывается совладельцем предприятия Société anonyme à participation ouvrière и в качестве такового и соуправителем его. Участие же труда в управлении, осуществляемое при помощи заводского комитета, как не вытекающее из совладения предприятием, неизбежно имеет любительский характер, поскольку заводской комитет занимается обсуждением вопросов технического и экономического характера, в сущности прямо рабочих не касающихся. При обсуждении же условий найма и иных вопросов прямо затрагивающих интересы рабочих, заводской комитет правильнее рассматривать, как уже отмечалось, не в качестве органа управления, а в качестве «согласительной комиссии». Société à participation ouvrière не то-же самое, что Общество, выдающее долю своих прибылей рабочим и вместе с тем организовавшее в своих предприятиях заводские комитеты, — я повторяю, в Sociétés anonymes à participation ouvrière труд—совладелец предприятия. Эта французская схема существенно отличается также и от той английской, что предусматривает завладение рабочими производственным капиталом (в привирлегированном или в коммерческом порядке), как например, в South Metropolitan Gas C-y. По английской схеме совладельцами предприятия оказываются рабочие (индивидуумы), а по французской труд (в абстрактном смысле этого слова), представляемый коллективом рабочих. В этом не только формальное, но и существенное различие между английской и французской схемами.

В английской схеме пролетарский или, как говорят большевики, рваческий взгляд рабочего на предприятие с приобретением им акций общества в личную собственность может смениться совладельческим, во французской же системе при сложности отношений между рабочим и владеющим трудовой долей производственного капитала кооперативом с одной стороны, а с другой — между кооперативом и акционерным обществом, совладение предприятием представляется нереальным, получаемая рабочим доля прибылей оказывается случайным подарком, а влияние рабочих на управление при обладании 25 проц. голосов на общем собрании акционерного общества — эфемерным.

Об отношении хозяев к участию труда в прибылях и в управлении лучше всего говорят цифры [1]) — на основании закона от 26 Августа 1917 г. по данным 1923 года было образовано до 1920 года 10 акционерных обществ с participation ouvrière из коих 2 не конституировали кооперативов в требуемый срок, а 3 ликвидировались, [20]) а об отношении представителей труда говорит ниже приведенная выдержка из речи Жореса, [21]) произнесенной им по поводу внесения Брианом в 1909 г. в Палату Депутатов законопроекта об учреждении акционерных обществ с участием рабочих:

«... Рабочие, только общим усилием могущие завоевать свободу, не захотят, чтобы рабочий класс был разделен на столько групп, сколько имеется заводов. Эти группы стали бы

---

[19]) Ministère du Travail-Enquête sur la participation aux bénéfices. Paris. 1923.

[20]) Впоследствии (9 сентября 1919 года) был издан закон согласно которому новые рудничные концессии могут даваться только акционерным обществам с участием рабочих. На основании этого закона, т. е. в принудительном порядке, участие рабочих было введено в уставы 51 горнопромышленного общества (по данным 1923 г).

[21]) Jaurés. «L'Humanite», 29 Mai 1909. Цит. по Daniel Laguerre.

соперничать. Рабочие смогут приять только такую схему, которая легально и социально передала бы трудовые акции целой корпорации рабочих и всему рабочему классу... Весь пролетариат в совокупности должен быть привлечен к коллективной собственности».

Приступая к анализу мероприятий, имеющих устранить антагонизм между трудом и капиталом при условии сохранения частно-хозяйственной организации производства, я указал на заведомую недостижимость поставленной цели — антагонизм неустраним в этих условиях — а самый анализ, полагаю, подтвердил правильность предпосылки.

В этих условиях вполне естественны поиски других путей для разрешения конфликта между капиталом и трудом — если антагонизм между капиталом и трудом не устраним, то нельзя ли разрешить столкновения между ними путем государственного вмешательства? Государственное регулирование отношений между капиталом и трудом вовсе не ново, как это представляется некоторым апостолам фашизма и поклонникам Муссолини — оно имеет свою длинную и сложную историю. Мы оставим, однако, историю в стороне, а ограничимся только несколькими замечаниями по адресу государственного регулирования.

Основанием для государственного вмешательства в отношения между трудом и капиталом служит презумция обязанности государственной власти защищать подавляемые или угрожаемые интересы рабочего, потребителя и нации [22]) поскольку они признаются неспособными к самозащите. В отношении безопасности работ, санитарии, обеспечения потерпевших от несчастных случаев, трудовой инвалидности и вообще законодательного социального обеспечения государственное вмешательство вполне одобрено практикой, напротив возможность вмешательства в конфликты между капиталом и трудом, относящиеся к условиям найма, всегда вызывала и продолжает вызывать сомнения.

Если в возникшем конфликте решение государственной власти не удовлетворяет рабочих, то власть обыкновенно не в силах принудить их вернуться к труду. Быть может «любители сильной власти» вспомнят о порках и растрелах, но в свою очередь им можно напомнить о широком масштабе современных стачек и забастовок, с которыми справляться террором и физическим насилием просто невозможно.

Если, напротив, неудовлетворенной стороной оказались хозяева, то власть может прибегнуть к насилию, но цели таким путем все же она не достигнет — насилия над хозяевами привели бы к разгрому промышленности, а может быть повлекли бы за собой и секвестры предприятий во избежание их остановки.

Против насильственных приемов разрешения конфликтов между хозяевами и рабочими можно выдвинуть и более глубокие возражения, но мотив нецелесообразности мне кажется достаточным.

Государственное регулирование отношений между капиталом и трудом возможно только при условии готовности сторон подчиняться решениям власти, что в свою очередь возможно или в моменты народных бедствий, когда вообще все население сплочивается вокруг власти и проявляет готовность солидарно следовать всем ее велениям, или в моменты национально-строительного энтузиазма при исключительной популярности народного вождя, т. е. вообще лишь в условиях чрезвычайных. В противном случае речь может итти только о необязательном для сторон посредничестве власти, [23]) когда власть лишь старается склонить стороны к соглашению.

Власть, принимающая на себя обязательный для сторон арбитраж, вместе с тем принимает на себя тягчайшую ответственность. Власть, устанавливающая размер заработной платы, принуждена устанавливать и продажные цены на товар и даже обеспечивать его сбыт. Вместе с тем власть должна быть готова к секвестру предприятий, остановка коих в видах общего блага (обороны, снабжения населения и т. д.) недопустима. Таким образом государ-

---

[22]) Защита государством интересов хозяина (сверх защиты прав собственности), имевшая место еще столь недавно в европейских странах, ныне сведена до минимума, переходя уже в область предания.

[23]) Мы все время имеем в виду не конфликты, вытекающие из неисполнения договоров между трудом и капиталом, а конфликты, возникающие из за разногласий в отношении установления тех или иных условий найма.

ственная власть вовлекается на путь монополизации торговли и даже производства, как это было во многих государствах во время европейской войны. Принятие властью на себя ответственности снимает ее с плеч хозяев — хозяева оказываются в положении безответственных распорядителей своих предприятий, т. е. создается положение вещей еще более нетерпимое в отношении экономической целесообразности, чем прямое государственное хозяйствование. Блестящей к этому иллюстрацией может служить практика Государственной Монополии Торговли Топливом (Монотопа) в 1917-18 годах.

Практика показывает, что, даже выступая с необязательными для сторон предложениями, власть все же фактически принимает на себя нелегкую ответственность — примерами могут служить субсидии Болдвина углепромышленникам в 1925 году и жестокие нападки на него же в мае 1926 года по поводу вмешательства правительства в общую забастовку.

Может показаться странным, что столько положено инициативы, изворотливости ума, энергии, настойчивости, труда и столько произведено опытов и все-же не достигнуто положительных результатов. Хотя-бы одна какая-нибудь схема оказалась действительной и приемлемой, чтобы, уцепившись за нее, на ее основе построить план организации производства в третьей России.

Основная причина неудачи попыток к устранению антагонизма между капиталом и трудом при условии сохранения капиталистической организации производства, как мы видели, лежит в том, что вообще говоря, этот антагонизм неустраним. Устранима только злоба и ненависть, коими пропитана производственная атмосфера, но и то только в случае, если мероприятия, преследующие смягчение отношений между живыми элементами производства производятся добровольно, а не насильственно.

Государственное регулирование отношений между капиталом и трудом также оказывается приемлемым и действительным лишь постолько, посколько стороны проявляют готовность подчиниться решениям власти, не прибегающей к насилиям. Повидимому, вообще социальные отношения в производстве не терпят никакой прессовки извне, в отношениях между производственными живыми элементами слишком заметное место принадлежит чувству, психологии, предубеждениям... и вообще человеческой душе, чтобы от применения методов механической обработки этих отношений можно было бы ждать чего-нибудь путного. В цивилизованных странах старые законы, регулирующие отношения между супругами, в значительной мере уже забыты и во всяком случае сфера вмешательства власти в эти отношения в связи с ростом культурности населения очень сужена. Кажется, что пора теперь думать не столько о вульгарных методах механического втискивания отношений между хозяином и рабочим в те или иные формальные рамки, а скорее о поднятии культурности этих отношений, вспоминая замечательные слова Montesquieu (De l'Esprit des Lois). «Когда хотят изменить нравы и приемы, не надо прибегать к закону — это показалось бы слишком тиранническим — лучше их заменить другими нравами и другими приемами».

Этот путь более долгий — но единственно действительный.

Закончив критический очерк и наметив в нескольких словах путь к социальному миру, я попытаюсь трассировать его более определительно в соответствии с укладом русской жизни в Новом Средневековии и с характером деятельности государственной власти в Третьей России.

Для государства Нового Века характерно чрезвычайное развитие деятельности публичной власти в области материальной при усиливающемся равнодушии к религиозно-моральной жизни населения, доходящем порою до полного от нее отчуждения.

Государство стремится проникнуть в хозяйственную деятельность населения, вмешивается во все хозяйственные отношения между людьми, подчиняет всю хозяйственную жизнь своему контролю, само принимается за хозяйствование, порою присваивает себе исключительное право на хозяйствование в какой-нибудь специальной сфере и даже стремится к полной монополизации хозяйствования.

Государство стремится все и вся регламентировать, достигшее невероятного развития положительное право решительно предоминирует над правом идеальным, чудовищно наростающее законодательство, выдвигающее на первый план материальный момент и безжалост-

но игнорирующее момент духовный, позитивизирует всю жизнь, все отношения между людьми и преумножающиеся томы законов, указов и правил убедительнее всего говорят, как о безумной самоуверенности правителей и парламентов, так и о тщетности стремления превратить одухотворенного человека в подобие велосипеда. Поставив своею целью освобождение человека, Новый Век привел к уничтожению личности.

Государство Нового Средневековья и прежде всего Третьей России мыслится совсем иным; не материальный прогресс, а духовная культура будет освещающим его путь идеалом, не регламентация хозяйственной деятельности и хозяйственных отношений будет его целью, а поднятие культурного уровня населения и в частности живых элементов производства и их взаимоотношений.

Материальная деятельность будет жива, пока жив человек, но она должна входить преимущественно в сферу интересов человека, государство же должно в нее проникать лишь в мере действительной необходимости. Государство должно делать то, что частные лица делать не могут и что нужно для общего блага. Государство обеспечивает внешнюю безопасность и внутренний порядок, оно осуществляет правосудие, обеспечивает правильное денежное обращение и прежде всего заботится о культурном развитии населения—министерство Народного Просвещения не последнее по списку министерств, а первое, как осуществляющее первейшую обязанность государства. В соответствии с культурным назначением христиански морального государства оно должно первее всего пещись о воспитании юношества на основе Добра и об обличении среди взрослых тех учений, что проповедуют злобу и ненависть. Антагонизм интересов хозяина и рабочего не устраним, но, как хозяева, так и рабочие должны быть воспитываемы в духе взаимной терпимости и доброжелательства. Кому много дается, с того много и спрашивается и хозяева должны быть приведены к убеждению, что они по собственной инициативе должны принимать те меры, что благоприятствуют заинтересованию рабочих в успехе предприятия, что ведут к превращению об'екта эксплоатации хозяином в со-суб'екта эксплоатации машины и что способствуют установлению благожелательных отношений между живыми элементами производства. Воспитание хозяев и рабочих потребует много времени и оно вполне достигнет цели быть может лишь тогда, когда волки и овцы будут вместе и мирно пастись на одной лужайке, но благие результаты воспитания скажутся гораздо раньше, и во всяком случае раньше, чем прибегая к законодательному насилию — принудительные меры к примирению хозяина и рабочего цели не достигнут никогда.

Отношения между ними должны быть основаны не на предписываемых законом мерах, а на добровольном между ними договоре. Коллективный договор должен стать краеугольным камнем организации производства, устанавливая не только тарифы, но и правоотношения хозяев и рабочих. Коллективный договор, в котором хозяева и рабочие участвуют как равные стороны морально возвышает рабочего и укрепляет его положение как суб'екта, а не орудия производства. Уже короткий опыт организации производства на основе соглашения хозяев и рабочих в России даже в ненормальных условиях эпохи Временного Правительства и первых месяцев после октябрьской революции дал возможность убедиться в возвышающем душу рабочего значении встречи «man to man» и переговоров с рабочими, как с равной стороной — самая процедура переговоров оказывает глубокое воспитательное влияние, а тем более исполнение договора, как об этом убедительно свидетельствует долголетняя европейская практика. Коллективный договор — прекрасное средство умиротворения фабрик, но только при известном уровне культурности хозяев и рабочих, последовательное же и настойчиво проводимое воспитание, на основе христианской морали, лучше всего подготавливает к успешному применению этого инструмента в организации производства.

Автономность производственной жизни и ограниченность функций государственного управления, сосредотачивающего свою энергию главным образом на задачах культурных, как нельзя больше отвечает тому положению, в котором окажется Третья Россія. На государственной власти будут лежать труднейшие задачи по установлению и поддержанию нового порядка, по установлению отношений с внешним миром в соответствии с этим новым порядком, по укреплению денежной системы и в особенности по воспитанию населения, а мы уже говорили к тому же о непременной скудости государственных средств — в таких условиях

государственная власть будет принуждена ограничивать свои функции. Вместе с тем мы уже говорили о направлении внешней финансовой помощи. Она будет оказана главным образом частной инициативе, и тем шире, чем большей свободой будет пользоваться частная хозяйственная деятельность. Скорее всего эта помощь придет из Америки и для ее развития нужны те условия, к которым привык американский промышленый либерализм. Мы напомним в частности , что англо-саксонский подход к рабочему вопросу проникнут духом свободы и враждебности правительственному вмешательству и что в англо-саксонских странах, в противоположность Франции и Германии, участие рабочего в управлении предприятием и в прибыли развивается за счет частной инициативы. Я хочу всем этим сказать, что внутренние условия и внешняя обстановка будут благоприятствовать удержанию деятельности государственной власти в тех рамках, что указаны ей историей для момента вступления России в эпоху Нового Средневековья.

Путь к социальному миру проходит не через законодательное насилие, а через воспитание живых элементов производства в духе терпимости и благожелательности.

О. Сарматов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Евразийство (формулировка 1927 г.) 3
Записка по военному вопросу — П. Н. Малевский-Малевич 15
Записка о суде — Н. Н. Алексеев 16
Монархия или сильная власть — П. П. Сувчинский 22
Общеевразийский национализм — кн. Н. С. Трубецкой 24
Евразийцы и государство — Н. Н. Алексеев 31
Армия и революция — Л. П. Карсавин 40
«Ритмы Евразии» — В. П. Никитин 46
В защиту аналогий — Владислав Иванов 48
Финансовый обзор — Н. С. Жекулин 50
По Азии — В. П. Никитин 55
Новое в изучении византийского искусства — Н. Беляев 60
По вопросам языка — Л. Копецкий 65

Текущее.

Евразийцы на Балканах — В. Б-К. 70

Библиография.

Проф. С. Первушин. «Хозяйственная кон'юнктура» — Д. Иванцов 73
Н. А. Клепинин. «Святой и благоверный великий князь Александр Невский» — С. Пушкарев 76
Прив.-доц. М. В. Шахматов. «Опыты по истории древне-русских политических идей» — С. Г. Пушкарев 77
Л. А. Мацулевич. «Серебряная чаша из Керчи» — Б. Н. 78
В. Алехин. «Наши поемные луга» — П. Савицкий 80
Пять афоризмов Л. Н. Толстого — К. 82
Краткий обзор русской литературы в Советской России — Г. И. Рубанов 82
Лебушер. Гильдейский социализм — А. Ш. 83

В поисках общественного мира — О. Сарматов 87